

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2019 – 1 (311)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2019**

*Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем*

Редакционная коллегия:

И.В. Зайцев – д-р ист. наук, доцент, шеф-редактор.

В.С. Мирзаханов – д-р ист. наук, профессор, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *В.К. Белозёров* – д-р полит. наук, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *А.В. Гордон* – д-р ист. наук, *Ш.Р. Кашаф*, *Д.Б. Мальшева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Н. Сченснович* – отв. секретарь

Ответственные за выпуск бюллетеня на английском языке:

Е.С. Хазанов – отв. редактор, *Н.В. Гинесина* – вед. редактор

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобальных и региональных проблем. – М., 2019. – № 1 (311). – 123 с.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

2019.01.001. <i>Рудаков А.В., Устинкин С.В.</i> О перспективах политики формирования и укрепления российской идентичности.....	5
2019.01.002. <i>Скорородова Н.П.</i> Россия как объект информационной войны Запада	7

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

2019.01.003. <i>Гибадуллин Р.М., Нуруллина Р.В.</i> Постсоветский мусульманский «актив» в Татарстане: Опыт исследования и типологизация	11
2019.01.004. <i>Кашкаров А.А.</i> Радикализация ислама в Крыму как угроза криминологической безопасности Юга России	17
<i>Сулейманов Р.В.</i> Ислам vs политика, или К вопросу об административной границе между Чечней и Ингушетией	19
2019.01.005. <i>Джабраилов Ю.Д.</i> Внутриконфессиональные отношения в Республике Дагестан в свете этноконтактной ситуации.....	25
<i>Дмитриева Е.Л.</i> Образ России в Казахстане и Казахстана в России через призму социологических опросов. (Обзор).....	29
2019.01.006. <i>Мальшев Д.В.</i> Интеграция инокультурных мигрантов в Центральной Азии.....	33
2019.01.007. <i>Попов Д.С.</i> Двусторонние отношения США и Таджикистана на современном этапе.....	38

<i>Сченснович В.Н.</i> Туркменистан: Вчера, сегодня, завтра. (Аналитический обзор).....	42
<i>Дехканов М.Р.</i> Формирование культуры семейно-брачных отношений в исламе. (На примере Узбекистана)	53

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>Ниязи А.Ш.</i> Сирия: Гуманитарные потери войны	58
2019.01.008. <i>Нефляшева Н.А.</i> Как живут в Турции «новые мухаджиры» из России: Миграция русских мусульман в 2000-е годы	62
<i>Бибилова О.П.</i> Перестройка в Королевстве Саудовская Аравия	68
2019.01.009. <i>Соколова Ф.Х., Шаврина М.С.</i> Исламские диаспоры в Финляндии: Динамика развития, процессы этнической самоорганизации и интеграции.....	79

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Добаев И.П.</i> Исламистский «такфир»: Определение «врагов ислама»	83
2019.01.010. <i>Чикризова О.С.</i> «Экуменизм» в исламе: Исторические этапы преодоления суннитско-шиитского антагонизма	102
<i>Гулямова Г.С.</i> Роль ислама в XV–XVI вв. в Мавераннахре и Хорасане	107
<i>Мирзаев Н.М.</i> Архивные фонды казийских судов – важный источник по изучению социальной истории г. Ташкента конца XIX – начала XX в.	113

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

2019.01.001. **Рудаков А.В., Устинкин С.В.**
**О ПЕРСПЕКТИВАХ ПОЛИТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ
И УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ //**
Власть, М., 2018, № 6, с. 104–110.

Ключевые слова: политика идентичности; политическое противоборство; деструктивные угрозы; культурные и нравственные ценности; межпоколенческая преемственность.

Рудаков А.В.,

кандидат политических наук,
главный эксперт Центра изучения проблем
национальной и международной безопасности
Института международных отношений
и мировой истории Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского

Устинкин С.В.,

доктор исторических наук, профессор;
председатель Нижегородского регионального отделения
Академии военных наук РФ; декан факультета
международных отношений, экономики и управления,
профессор кафедры международных отношений
и политологии Нижегородского государственного
лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова;
директор Приволжского филиала ФНИСЦ РАН

Авторы статьи утверждают, что современный контекст глобальных политических процессов связан с факторами ослабления идентичностных основ жизни общества. Утрата традиционной национальной культурной идентичности, деформация российской ментальности и размывание базовых культурных и нравственных ценностей представляют собой угрозу национальной безопасности и требуют совершенствования теории и практики реализации государственной политики. По убеждению исследователей, концепт

политики формирования и укрепления российской идентичности может стать основой для развития перспективного направления государственной политики России.

Используемые в ходе современного глобального политического противоборства стратегии и технологии трансформации идентичности, отмечают авторы, способны оказывать влияние на определяющие характеристики процессов в медийном, культурном пространстве государства. Они обладают потенциалом, позволяющим конструировать или разрушать те или иные типы идентичностей и таким образом создавать основу для фундаментальных преобразований системы государственных и общественных институтов, политики государства. Данного рода технологии могут быть направлены на дискредитацию в общественном сознании традиционных ценностей, фальсификацию истории, формирование деструктивных социальных и политических стереотипов поведения. Эти технологии разрушают целостность культурного пространства России, делают невозможным достижение общенационального консенсуса, закладывают основу для социального нигилизма, порой находящего воплощение в различных формах радикализма, экстремизма и терроризма.

В современной политической науке утверждается широкое толкование политики идентичности, опирающееся на анализ субъектов и практик, которые формируют идентичности политических сообществ. Оно связывается с деятельностью государства и его институтов по поддержанию общих ценностных оснований принадлежности к политическому сообществу и общих ориентиров его развития.

Говоря о политике государства в отношении феномена объединяющей общенациональной идентичности, необходимо, по мысли авторов статьи, использовать такие понятия, как «формирование» и «укрепление». Причем термин «формирование» применительно к понятию идентичности и используемый в отношении политики государства не означает создание некоего искусственного идеологического продукта, навязываемого обществу. В данном случае термин «формирование» означает придание формы реально существующему содержанию. Речь идет об особой деятельности государства и общества, на уровне экспертных сред, и предъявление обществу системы ценностных ориентиров. Термин «формирование» по отношению к идентичности подразумевает официально предъявленный обществу концептуальный взгляд государства на общенациональные ценности и приоритеты. Термин «укрепление»

по отношению к политике государства и идентичности подразумевает институционализацию концептов и стратегий посредством различных механизмов реализации политики государства, а также конкретных социальных практик. Кроме того, этот термин подразумевает защиту традиционных ценностей, мировоззрения, исторической памяти в контексте противодействия деструктивным угрозам.

В связи с этим, заключают исследователи, политику государства в сфере формирования и укрепления российской идентичности необходимо определить как особую деятельность государства и общества, направленную на достижение общенационального консенсуса и солидарности в отношении общенациональных целей, приоритетов, а также защиту исторического сознания, традиций и механизмов межпоколенческой преемственности, составляющих основу российской идентичности.

Автор реферата В.Н. Сченснович

**2019.01.002. Скороходова Н.П. РОССИЯ
КАК ОБЪЕКТ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ
ЗАПАДА // Запад – Восток – Россия. 2017.
Ежегодник ИМЭМО РАН, М., 2018, с. 45–49.**

***Ключевые слова:** информационная война Запада; противостояние в информационном пространстве; СМИ; статус «иноагента».*

Скороходова Н.П.,
кандидат исторических наук,
научный сотрудник ИМЭМО РАН

Автор статьи отмечает, что в постоянно усложняющемся информационном пространстве изыскиваются новые способы и формы информационного противодействия. По мнению экспертов, в 2017 г. информационная война разделилась на две: войну в киберпространстве и войну в пространстве смыслов. Первая включает хакеров, киберугрозы, нарушение информационных коммуникаций, бизнес в области цифровой экономики, владеющий не меньшими активами, чем торговцы оружием или нефтяники, международно-правовые баталии вокруг регулирования Интернета на государственном уровне. Вторая война – это война контента плюс борьба за контроль над каналами распространения

контента. Главными субъектами этой войны стали средства массовой информации и коммуникации. Особенно показательны информационные атаки против России. В этой войне Россия как независимое и суверенное государство вынуждена вести ответную борьбу.

В 2017 г. информационное наступление Запада против РФ разворачивалось, главным образом, под лозунгом «борьбы с российским вмешательством во внутривнутриполитические дела западных стран». Больше всего досталось российским структурам инновационного телеканалу «Россия сегодня» (RT) и информационному агентству «Спутник». RT и Sputnik стали обвиняться в том, что они, будучи агентами российского политического руководства, успешно внедряются в мировое информационное поле и оказывают сильное влияние на политические события и процессы на Западе. Например, содействовали выходу Великобритании из Евросоюза. В ноябре 2017 г. Министерство юстиции США в ультимативной форме потребовало от RT зарегистрироваться в качестве иностранного агента. В противном случае руководство американского отделения RT и «Спутника» могло быть арестовано, а счета этих компаний заблокированы. С российской стороны последовал зеркальный ответ. ГД РФ в ответ на навязанный телекомпаниям RT и агентству «Спутник» статус иностранных агентов в США приняла закон, согласно которому средства массовой информации, получающие иностранное финансирование, могут быть признаны в России иностранными агентами. После приобретения статуса «иноагента» на СМИ распространяются ограничения и обязанности, предусмотренные для некоммерческих организаций, – «иностранцев»; им также может быть вменена аналогичная для таких НКО ответственность за нарушение законодательства. Министерство юстиции РФ разослало некоторым представительством иностранных СМИ в России, в том числе «Голосу Америки», «Радио “Свободная Европа”», «Радио “Свобода”», «Кавказ. Реалии», «Немецкая волна» и ряду других, уведомления о том, что они могут получить такой статус. Как заявила официальный представитель МИД России Мария Захарова, этот закон стал вынужденным ответом на принятые в США репрессивные меры в отношении российских СМИ.

В борьбу против «прокремлевской» информационной агрессии включились не только традиционные СМИ, но и социальные сети, которые в 2017 г. всё заметнее превращались из зоны свободного выражения мнений в инструмент информационной войны.

Директор службы безопасности социальной сети Facebook Алекс Стамос заявил, что платформа данной соцсети была использована Россией для внедрения «заведомо лживой информации» с целью вмешательства в выборы президента США. В Facebook, заметил Алекс Стамос, недостоверные аккаунты запрещены, поэтому все подобные страницы были удалены. Здесь, однако, надо заметить, что удалением стал подвергаться весь контент, «нежелательный» с точки зрения американских хозяев Facebook. То есть фактически в самой популярной социальной сети мира была негласно введена цензура. Другой представитель компании Facebook Самид Чакрабартти в официальном блоге заявил, что русские использовали платформу соцсети для ведения кибервойны с целью разделения американского общества. Это «новый тип угрозы», который компания не могла предсказать. Судя по заявлению своего представителя, компания М. Цукерберга настроена решительно. Соцсеть намерена повысить «прозрачность» политической информации в Facebook. Пользователей, размещающих политическую рекламу, обяжут проходить идентификацию. Компания намерена нанять более 10 тыс. сотрудников для мониторинга контента в социальной сети и борьбы с «фейковыми» новостями. Дабы противостоять «российской информационной угрозе», в сентябре 2017 г. заработал сайт «ЕС против дезинформации» (Euvsdisinfo) на трех языках – английском, немецком и русском. Учредителем стала Оперативная рабочая группа по стратегическим коммуникациям (East StratCom Task Force, ESCTF), созданная Европейской службой внешнеполитической деятельности на встрече ЕС в 2015 г. Задачей ESCTF является «пылесосить» СМИ внутри и за пределами ЕС в поисках пророссийской «дезинформации», собирать и регистрировать «прокремлевские» материалы и публиковать опровержения.

Главный метод борьбы Запада с «кремлевской пропагандой» своеобразен: информационно-аналитические материалы российских авторов преподносятся как заведомо ложная информация, но доказательства того, что это «неправда», либо отсутствуют, либо крайне сомнительны. Создается ситуация, в которой читателю сложно разобраться и составить собственное мнение о том, что является правдой, а что пропагандой или дезинформацией. Это и является одним из главных приемов западного информационного противостояния России, подчеркивает Н. Скороходова.

В 2017 г. был найден новый формат давления на российские интернет-издания. Заговорили о таком явлении, как «ранжирование» материалов, а точнее, принудительное понижение в поиско-

вой выдаче по запросам в Интернете. Председатель совета директоров холдинга Alphabet, в который входит Google, Эрик Шмидт рассказал, что в настоящее время ведется работа над тем, чтобы понизить российские RT и Sputnik в трансляции Google. News. Такое принудительное ограничение в новостной выдаче по запросам пользователей может снизить посещаемость сайтов. Прием «ранжирования» подхватил и Facebook. Русскоязычный Facebook объединяет людей, прежде всего, по общественным, деловым и политическим интересам. Смена новостей на «дружеское или домашнее общение», о котором объявил М. Цукерберг, может привести к смене аудитории пользователей. Для тех, кто нацелен на новости, политику и общественную жизнь, Facebook станет мало интересен. Кроме того, будет «рецензироваться» показ новостей, в ленте останутся «самые надежные» из них. «Ранжирование» материалов уже идет, и осуществляется оно по уровню «доверия к информации». При этом новый алгоритм работы Facebook отдает приоритет не популярным сообщениям вообще, а личным текстам «друзей», вызвавших волну комментирования. Новая идеология сетевого продукта М. Цукерберга – это точное отражение новой стратегии американского истеблишмента, направленной на то, чтобы ограничить распространение в мире информации о России, и рост ее международного влияния, заключает исследователь.

Автор реферата В.Н. Сченснович

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

2019.01.003. **Гибадуллин Р.М., Нуруллина Р.В.**
**ПОСТСОВЕТСКИЙ МУСУЛЬМАНСКИЙ «АКТИВ»
В ТАТАРСТАНЕ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ
И ТИПОЛОГИЗАЦИЯ // Исламоведение.**
Махачкала, 2018. Т. 9, № 4, с. 22–37.
DOI: 10.21779/2077-8155-2018-9-4-22-37.

***Ключевые слова:** мусульманский «актив»; типология имамов; духовное управление; мусульманская община; религиозное образование.*

Гибадуллин Р.М.,

доцент Набережночелнинского института (филиала)
Казанского (Приволжского) федерального университета,
кандидат исторических наук, доцент

Нуруллина Р.В.,

ведущий научный сотрудник
Центра исламоведческих исследований
Академии наук Республики Татарстан,
кандидат социологических наук

Авторы статьи рассматривают круг вопросов, связанных с институтом имамов в Татарстане (типология, структура, социальный портрет, противоречия, тенденции развития). Столь пристальное внимание к данной тематике авторы объясняют тем, что имамы представляют собой своеобразный мусульманский «актив», который служит для рядовых мусульман Татарстана референтной группой и может рассматриваться как индикатор массовых настроений и представлений в местном сообществе.

Авторы статьи полагают, что развитие ислама и мусульманского сообщества в России во многом определяется состоянием института имамов, представляющих низовое звено религиозных деятелей. В своем исследовании авторы используют понятие

«имам» в микросоциальном значении (руководитель коллективной молитвы и / или мусульманской общины – первоначальное значение понятия в мусульманском мире). Авторитет имамов основывается на их неформальном статусе и традиции выборности. В религиозной практике мусульман постсоветской России имам – это «служитель» при мечети, который избирается лидером местной общины как наиболее авторитетный и компетентный человек в вопросах веры, который может провести коллективную молитву и прочитать проповедь. Имам представляет собой также руководителя «первичного» звена в структуре официальных духовных управлений.

В то же время авторы указывают, что вследствие советской «антирелигиозной» политики российские имамы во многом утратили свои базовые профессиональные качества, а деградация мусульманской среды до уровня упрощенного «народного» ислама способствовала тому, что роль имамов практически свелась лишь к проведению обрядов. Но в силу своего положения они всё еще представляют собой своеобразный мусульманский «актив» низового уровня, который по-прежнему служит для рядовых мусульман ориентиром и поэтому может рассматриваться как индикатор массовых настроений и представлений, господствующих в исламском сообществе.

Авторы отмечают культурную и идеологическую неоднородность так называемого мусульманского «актива», что обусловлено влиянием различных факторов, в результате чего появляется «развитие всевозможных форм» религиозной практики от «популярных» до «фундаменталистских». Гетерогенность корпуса российских имамов в значительной мере объясняется также противоречивыми условиями постсоветского времени, в которых происходило его формирование. Главным фактором, повлиявшим на этот процесс в Татарстане и в целом в Поволжье, был бурный рост численности мечетей, общин и отсутствия для этого достаточного количества подготовленных имамов. Ситуацию усугубляло то, что в России необходимая для решения данной проблемы исламская образовательная инфраструктура еще только начинала формироваться, а возможности обучения российских мусульман в зарубежных центрах были ограничены.

Авторы выделяют еще один существенный фактор, влиявший на процесс формирования института имамов, – это автономность мусульманских общин, которая основывалась на традиции исламской самоорганизации и позволяла им самостоятельно изби-

рать своих лидеров, не согласуя это с официальными структурами. На практике это означало, что статус имамов получали даже лица, не имевшие никакого религиозного образования.

Присущая сообществу имамов внутренняя неоднородность проявляется по-разному. Во-первых, идеологически – в приверженности имамов тем или иным течениям и направлениям в исламе. Во-вторых, существуют различия по уровню религиозного образования, квалификации, который может варьироваться от высокого до явно недостаточного и даже неприемлемого. Последнее следует рассматривать как фактор, однозначно негативный для развития ислама и мусульманского сообщества в России.

В данной работе авторы рассматривают постсоветский мусульманский «актив» на примере Татарстана – одного из старейших российских регионов распространения ислама. Авторы анализируют результаты социологического исследования (2011–2016), осуществленного Центром исламоведческих исследований АН РТ в сотрудничестве с Российским исламским институтом (г. Казань) и Казанским федеральным университетом, по итогам которого опросом было охвачено 700 респондентов-имамов из Татарстана, которые составляют половину от их общей численности. В результате предоставленной респондентам возможности самостоятельно выбрать анкету на татарском либо русском языке, анкеты на татарском языке составили около 90%, что в целом отражает этноязыковую структуру имеющегося в регионе корпуса имамов. Анализ полученных данных позволяет предложить типологию имамов, которая, на взгляд авторов данной работы, достаточно полно отражает социальный портрет постсоветского мусульманского «актива».

Проанализировав уже существующие типологии имамов, составленные такими исследователями, как Р.Ф. Патеев, Р.М. Мухаметшин, М.М. Марданшин, В.М. Якупов, авторы исследования предлагают типологию, которая позволяет более полно и всесторонне отразить социальный портрет мусульманского «актива», учесть многомерность определяющих его характеристик. По данной типологии корпус современных имамов включает в себя две генерации (советское и постсоветское поколения) и составляющие их подгруппы (в дальнейшем – группы).

I. Генерация имамов, сложившаяся в советский период. Её составляют две подгруппы.

A. Бывшие «думесовцы» – имамы, получившие религиозное образование в советский период (медресе «Мир-Араб» в Бухаре),

начинавшие свою деятельность при действующих в то время мечетях и имевшие формальный статус в системе духовного управления (ДУМЕС). Их отличает традиционный авторитет среди верующих, а также большой опыт работы, в том числе в официальных религиозных структурах в постсоветский период.

Б. Бывшие «народные муллы» – многочисленные (преимущественно сельские) муллы, действовавшие в условиях советского времени неофициально и легализованные в постсоветский период. Они имеют слабую религиозную подготовку и представляют традиционный «народный» ислам, для которого всегда была характерна обособленность от официальных религиозных и властных структур, так как свойственная ему «народная» ритуальная практика считается «неправильной».

II. Генерация имамов, сложившаяся в постсоветское время. Ее составляют три подгруппы.

А. Имамы-«специалисты» – это выпускники постсоветских российских мусульманских образовательных учреждений, ставшие дипломированными «специалистами». Различаются качеством религиозной подготовки в зависимости как от уровня самого образовательного учреждения (исламские университеты, институты, высшие и средние медресе), так и от формы обучения (очной, очно-заочной и заочной). Главная отличительная их черта – это привитая им в стенах учебных заведений, подведомственных духовным управлениям, стойкая приверженность этим структурам и лояльность к их установкам.

Б. Имамы-«зарубежники» – молодые имамы, получившие или продолжившие религиозное образование за рубежом. Характеризуются сравнительно высоким уровнем теоретической (теологической и правовой) подготовки и часто фундаменталистской ориентацией. Последнее обстоятельство делает их объектом критики со стороны официальных мусульманских структур Поволжья, придерживающихся традиционного здесь ханафитского мазхаба. Хотя в этой группе имамов часто видят носителей чуждых традиций и агентов зарубежного влияния, именно за ними очень часто признается интеллектуальное первенство в идейной конкуренции, что особенно остро ощущается в ходе различных неформальных открытых дискуссий.

В. Имамы-«неофиты» – ставшие практикующими мусульманами на волне постсоветского исламского возрождения и выдвинутые на должность имамов как активисты формирующихся в тот момент мусульманских общин. Представляют разные социальные

группы и характеризуются активностью в своих религиозных поисках и в самообразовании. Они в большей степени, чем представители других групп, оказываются восприимчивыми к влиянию различных идеологических течений в исламе, в том числе отстаивающих идеал автономной мусульманской общины.

Авторы исследования делают акцент на трех наиболее массовых группах имамов: бывших «народных муллах» (I Б), «специалистах» (II А) и «неофитах» (II В). *Группа бывших «народных мулл»* характеризуется преобладанием татар (95%), татароязычных (91%), жителей сельской местности (90%), имевших в прошлом рабочие профессии (86,5%), лиц пенсионного возраста (76%). 95,5% из числа бывших «народных мулл» практически не владеют арабским языком. Социально-профессиональные установки бывших «народных мулл» сохраняют приверженность традиционному «народному» исламу с его общинной «самостийностью», которая всегда проявлялась в стремлении имамов и общин дистанцироваться от официальных структур и избавиться от их опеки и контроля. Многие административные инициативы духовных управлений по усилению своих контрольных полномочий вызывают неприятие со стороны значительной части бывших «народных мулл». *Группу имамов-«специалистов»* составляют татары (96,3%), татароязычные (88%), жители села (84,8%), у большинства которых детство прошло также в селе (80%). В отличие от предыдущей группы имамов, в данную группу вошли не только люди, в прошлом представлявшие рабочие профессии (51,8%), но и те, кто имел более высокий социальный статус руководителей, предпринимателей, интеллигенции (26,1%). Эту группу имамов отличает более высокий уровень образования, причем как светского, так и религиозного. Но 78% здесь практически не владеют арабским языком, хотя и осознают необходимость повышения своего образовательного уровня. В отличие от бывших «народных мулл», имамы-«специалисты» не имеют большого опыта религиозной работы. Они связывают свою миссию в общине всё же в большей степени с религиозным просвещением (31,6%), чем с проведением ритуалов (24,7%). Имамы-«специалисты» в наибольшей степени проявляют по отношению к официальным духовным и властным структурам доверие и лояльность. *Группа имамов-«неофитов»* так же, как и предыдущие группы, характеризуется преобладанием татар (95,6%), татароязычных (95,8%), жителей села (88,5%). Типична их конфессиональная социализация, обусловленная семейно-родственной преемственностью. Имамы-«неофиты» по многим

своим важным характеристикам занимают некое промежуточное положение между бывшими «народными муллами» и имамами-«специалистами». Имамы-«неофиты» испытывают наибольшие трудности в своей профессиональной деятельности из-за небольшого стажа работы и недостаточного уровня профессиональной квалификации. Что касается такой ранее отмеченной особенности имамов-«неофитов», как их подверженность влиянию различных течений в исламе, то ее можно объяснить следующим образом: речь идет о лидерах общин, которые изначально выдвинулись в этом качестве благодаря своей религиозной активности в условиях плюралистичности постсоветского ислама. Идейной неоднородности этой группы, несомненно, способствует отсутствие у ее представителей идеологической «закалки», обычно приобретаемой в стенах медресе, а также и то, что они, будучи выходцами из различных социальных слоев, по-разному самореализуются в религии. Следует учитывать, что присущее имамам-«неофитам» разнообразие их идеологических предпочтений и ориентаций не всегда выражается открыто.

В заключение авторы статьи делают следующие прогнозы. Бывшие «народные муллы» как явление, порожденное советским временем, не воспроизводятся в постсоветских условиях и постепенно сходят с авансцены российского ислама, однако сохраняют свое влияние на определенную часть мусульманской общности. Удельный вес и социальная роль имамов-«специалистов», идущих на смену «народным муллам», возрастают, а заинтересованность в этом официальных властных и религиозных структур может привести к монополизации имамами-«специалистами» лидерских функций в мусульманских общинах. Имамы-«неофиты» по своим социокультурным, профессиональным и идеологическим характеристикам занимают срединное положение между бывшими «народными муллами» и имамами-«специалистами». Благодаря своим «срединным» характеристикам группа имамов-«неофитов» приобретает ключевое значение в исследовании процессов и тенденций, определяющих изменения внутри всего постсоветского корпуса имамов.

Сравнительно-сопоставительный анализ характеристик имамов-«неофитов» и имамов-«специалистов» позволяет авторам сделать важный вывод: существовавшее в советское время противоречие между официальными структурами, опиравшимися на конформизм «думесовцев», и оппозиционным им «народным» исламом, отстаивавшим демократизм и автономность мусульман-

ских общин, не исчезает в постсоветский период, а воссоздается новой генерацией имамов. Так, конформистские и унитаристские установки в большей степени свойственны имамам-«специалистам», а дух оппозиционности и идеологического плюрализма – имамам-«неофитам». Суть этой оппозиционности, как и раньше, имеющей латентные формы выражения, всё та же – это сохраняющееся среди имамов нежелание безоговорочно признать авторитет Духовного управления в богословско-правовых вопросах и его административные прерогативы как контролирующего органа.

В то же время результаты исследования позволяют с большой вероятностью предположить, что реальная общественная роль и удельный вес имамов-«неофитов» будут зависеть от того, в какой мере сохранятся или, напротив, исчезнут те специфические условия, в которых формировалась большая часть мусульманского «актива» в перестроечный и постперестроечный период. Пока же социализация российских имамов больше определяется моделью формирования имамов-«специалистов».

Автор реферата Е.Л. Дмитриева

2019.01.004. Кашкаров А.А. РАДИКАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМА В КРЫМУ КАК УГРОЗА КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЮГА РОССИИ // Проблемы применения уголовного и процессуального законодательства. (Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Симферополь, 19–20 апреля 2018 г.). Симферополь, 2018, с. 65–66.

Ключевые слова: экстремизм; терроризм; криминология; безопасность; радикализм.

Кашкаров А.А.,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Крымского института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации, кандидат юридических наук

Автор статьи рассматривает некоторые особенности радикализации ислама в Крыму. Давая определение радикализму, автор указывает, что он направлен на достижение определенной социаль-

ной, политической, религиозной цели и базируется на крайних, агрессивных идеологиях и чрезвычайных, решительных действиях, направленных на коренное изменение всей существующей социально-экономической и политической системы в государстве. Радикализм присущ различным социальным сферам, однако наиболее часто он встречается там, где наличествует определенная идеология. Идеологическое наполнение в большей степени присуще таким социальным сферам, как политика и религия.

Автор отмечает взаимное проникновение политики и религии, которое имеет давние исторические корни. Современным светским государствам удалось отделить религию от политики посредством правовых механизмов, закрепив постулат о том, что государственная власть отделена от религии, чего нельзя сказать о большинстве государств Ближнего Востока и Средней Азии, где государственная власть и религия тесно связаны.

Ислам как относительно «молодая» религия еще проходит те же этапы исторического развития, что и христианство. Так же, как и в христианстве, в мусульманской религии произошел раскол на различные течения, и возникли крайне реакционные направления, которые пытаются вытеснить, уничтожить не только другие религии, но и традиционный ислам.

Вызовы религиозного экстремизма и терроризма для безопасности Российского государства являются не новыми. Как показывает практика, наибольшего накала межэтнические и межконфессиональные конфликты достигают на территориях со сложным этническим и конфессиональным составом, а также на территориях с преобладанием какой-либо одной национальности, но являющихся притягательными для мигрантов.

Наряду с «традиционными» очагами и территориями религиозных конфликтов угроза религиозного радикализма все острее проявляется для Республики Крым. Наиболее острую и опасную угрозу для безопасности Крыма представляет национальный, политический и религиозный экстремизм. Террористическая деятельность поддерживается в организационном плане и финансируется через различные «гуманитарные», «миссионерские» и «просветительские» религиозные, правозащитные, политические организации и движения, имеющие представительства на территории Крыма. Учредителями таких организаций оказываются зарубежные «оппоненты» России. Именно таким путем сегодня осуществляются издание литературы и другая пропагандистская деятельность экстремистского характера, насаждение идей шови-

низма, национализма и сепаратизма, провоцирование и поддержка межэтнических и межконфессиональных конфликтов, создание предпосылок для массовых нарушений общественного порядка, вооруженных конфликтов.

Автор отмечает, что радикализация исламистского движения Крыма имеет давние корни. Так, до 2014 г. на территории полуострова, не камуфлирую свою деятельность, существовали «общественные организации», которые не признавали легитимность органов публичной власти того периода, действовали эмиссары различных экстремистских и террористических организаций, которые популяризировали различного рода радикальные идеи, активно вербовали и вовлекали новых членов в ряды радикальных экстремистских организаций.

С момента вхождения Крыма в состав России деятельность многих радикальных ячеек была прекращена, либо эти ячейки были ликвидированы, однако некоторые из них перешли в режим «ожидания» и, что представляет большую угрозу, в режим «хамелеона», когда представители таких общественных организаций, на словах заявляя о поддержке действующей власти, получая финансовую помощь со стороны государства, внедряют своих представителей в органы публичной власти Крыма, фактически преследуя иные цели, не связанные с поддержанием правопорядка. Они стремятся получить доступ к финансовым, организационным, медийным и прочим ресурсам, что должно существенным образом упростить продвижение радикальных идей в обществе в будущем.

Автор реферата Е.Л. Дмитриева

Сулейманов Р.В.,

студент 2-го курса магистратуры
факультета мировой политики МГУ
имени М.В. Ломоносова

**ИСЛАМ VS ПОЛИТИКА,
ИЛИ К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ
ГРАНИЦЕ МЕЖДУ ЧЕЧНЕЙ И ИНГУШЕТИЕЙ**

Аннотация. Автор рассматривает допустимость применения религиозных норм для разрешения политико-юридического вопроса об административной границе между Чечней и Ингушетией, вызвавшего широкий общественный резонанс осенью 2018 г. Особое внимание уделя-

ется роли и месту шариатских судов, к которым призывали обращаться целый ряд российских религиозных и общественных деятелей.

Ключевые слова: Чечня; Ингушетия; административная граница; ислам; шариатский суд.

26 сентября 2018 г. главы Чечни и Ингушетии Рамзан Кадыров и Юнус-Бек Евкуров подписали соглашение об административной границе между двумя республиками, которое должно было урегулировать вопрос, остававшийся нерешенным еще с начала 1990-х годов после распада Чечено-Ингушской АССР.

Тогда, в 1993 г., первый глава Ингушетии Руслан Аушев и президент самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия Джохар Дудаев подписали соглашение, по которому за основу бралась граница между Чеченской и Ингушской автономными областями, существовавшими до 1934 г. в составе РСФСР. Однако после начала военных действий на территории Чечни вопрос о границе между двумя субъектами потерял свою актуальность. С восстановлением мирной жизни в Чечне Магас и Грозный неоднократно подтверждали свою готовность решить вопрос о границе без конфликтов, но до реального договора дело не доходило.

Достигнутое между Кадыровым и Евкуровым соглашение, согласно которому, как уточнили в пресс-службе руководителя Ингушетии, «Чечне передается горно-лесистая местность, расположенная на части Сунженского района Ингушетии, а Ингушетии передают такую же территорию, расположенную в Надтеречном районе Чеченской Республики»¹, однако не устроило некоторых жителей Ингушетии. 4 октября недовольные подписанным документом жители республики вышли на митинг, требуя его широкого обсуждения и выступая против его ратификации в парламенте.

Как утверждали в те дни митингующие, главная их претензия заключалась в том, что соглашение было подписано келейно, а народ Ингушетии не поставлен в известность. «Мы за то, чтобы соглашение было, чтобы границы между республиками были установлены. <...> Мы против того, чтобы территория, на которой находятся десятки исторических памятников, <...> они передавались тайно, кулуарно. При этом глава республики, совершенно ни минуты не сомневаясь в своей правоте, говорит, что он специально тайно готовил передачу этой земли», – заявил в эфире телеканала

---

¹ <https://ria.ru/20180926/1529392652.html>

«Дождь» председатель общественного движения «Опора Ингушетии» и один из лидеров протестов Барах Чемурзиев¹.

По словам Евкурова, вопрос о границе Ингушетии и Чечни был поднят и решен таким образом, чтобы избежать силового конфликта. «Это стечение обстоятельств, никакого умысла или плана решить вопрос о границе именно сейчас не было. Сама ситуация, которая сложилась в августе в районе поселения Аршты (близ границы с Чечней произошел конфликт между местными жителями и чеченскими дорожниками. – *Прим. ТАСС*) подвела к тому, чтобы начали работу наши – в Ингушетии и Чечне – комиссии по определению административной границы. И по итогам их работы мы с главой Чечни Рамзаном Кадыровым приняли решение: давайте установим границу по ранее устоявшейся без каких-либо изменений и закроем эту тему раз и навсегда», – сказал он в интервью ТАСС².

Между тем 30 октября Конституционный суд Ингушетии признал достигнутое 26 сентября соглашение незаконным, поскольку, как отмечается в постановлении суда, «без его утверждения на референдуме Республики Ингушетия» оно «не порождает правовых последствий для органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций и граждан»³. Однако Конституционный суд РФ 6 декабря признал соглашение об установлении границы между Ингушетией и Чечней законным. В постановлении суда подчеркивается, что «речь идет не об изменении принадлежности какой-либо территории, а об их взаимной потребности разграничить свои земли и разрешить вопрос об установлении границы»⁴.

В то же время противники достигнутого соглашения в Ингушетии заявляют о намерении продолжать борьбу за его пересмотр. «Безусловно, мы <...> будем добиваться справедливого суда <...>, нужно поискать [юридические] основания», – сказал в интервью радиостанции «Эхо Москвы» адвокат Московской городской адвокатской палаты и один из противников договора Калой Ахильгов⁵, отметив, в частности, что решение Конституционного

---

¹ https://tvrain.ru/teleshov/kruglyj_stol/ingushetija-473104/

² <https://tass.ru/interviews/5686505>

³ http://ks-ri.ru/?p=3350&fbclid=IwAR2Bi6e4FKMF6rPRxt01IYXe6wtmbsbPH-Tb-FFSmtMKZCtLPy_C3rTB_Ho

⁴ <http://www.ksrf.ru/ru/News/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=3447>

⁵ <https://echo.msk.ru/programs/razvorot/2328041-echo/>

суда Ингушетии не может быть отменено, поскольку «такой процедуры не предусмотрено в российском законодательстве».

Таким образом, противоречия, возникшие вследствие соглашения об административной границе между Чечней и Ингушетией, носят исключительно политический или юридический характер и, очевидно, могут быть урегулированы (или уже урегулированы) в рамках правового поля и действующего на территории Российской Федерации светского законодательства.

Однако некоторые религиозные и общественные деятели утверждают, что вопрос о границе между Чечней и Ингушетией и другие противоречия с ним связанные должны быть решены посредством религиозных норм. В частности, в опубликованном 7 декабря обращении Совета тейпов ингушского народа к руководству и народу Чеченской Республики предлагается решить вопрос о границе по шариату. «У нас есть историки, есть шариатский суд, который, на основании материалов историков, может принять решение в присутствии ученых алимов из других кавказских или арабских республик. Пусть они определяют, кому принадлежат эти земли»¹, – говорится в заявлении.

Шариатские суды получили широкое распространение в 1990-е годы на территории некоторых республик Северного Кавказа. Они представляют собой, как правило, суды выбранного джамаатом (общиной) шариатского судьи-кади, при котором также может функционировать консультативный совет, состоящий из алимов (знатоков местных мусульманских обычаев). «Обычно эти неформальные органы судопроизводства ограничиваются разбором мелких уголовных дел, составлением брачных контрактов (никах) и разводов по шариату, нотариальным оформлением религиозных завещаний (васият)», – отмечает российский исламовед и этнолог Ахмет Ярлыкапов².

По словам отечественного специалиста в области исламского права Леонида Сюкияйнена, «шариатские суды могут создаваться и функционировать в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ “О третейских судах в Российской Федерации”». Согласно этому закону, в третейский суд по согла-

---

¹ <https://www.youtube.com/watch?v=wALyRPxTXQM>

² Ярлыкапов А. Адат, Шариат и российское право на современном Северном Кавказе: Итоги и перспективы // Ислам в мультикультурном мире: Мусульманские движения и механизмы воспроизводства идеологии ислама в современном информационном пространстве. – Казань: Казанский ун-т, 2014. – С. 367–377.

шению сторон может передаваться любой спор, вытекающий из гражданских правоотношений¹. Также, по словам Сюкияйнена, «в России есть юридические основания для реализации шариатской модели правосудия в форме урегулирования спора через процедуру медиации», в основном в семейных спорах.

Таким образом, шариатские суды имеют место на территории РФ, но в рамках существующего правового поля допускается, что такие суды могут решать споры лишь между физическими лицами и затрагивать гражданские правоотношения. А Совет тейпов ингушского народа предлагает решить с помощью норм шариата вопрос между двумя не просто хозяйствующими субъектами, но целыми регионами в составе РФ, что, безусловно, противоречит действующему в нашей стране законодательству.

Помимо этого, 13 декабря Совет тейпов Ингушетии вызвал депутатов парламента республики на шариатский суд, а 15 декабря в Назрани состоялось заседание шариатского суда, в ходе которого было заявлено о необходимости получения дополнительной информации о ходе голосования депутатов Республики Ингушетия за ратификацию соглашения о границе с Чечней.

С осуждением действий шариатского суда Ингушетии и лично руководителя Духовного центра мусульман (ДЦМ) Ингушетии Исы Хамхоева выступил Координационный центр мусульман Северного Кавказа (КЦМСК), который в своем заявлении от 19 декабря указал на некомпетентность шариатского суда в решении вопросов «регулирования административных границ между субъектами Федерации»². В документе подчеркивается, что «шариатский суд в Ингушетии может иметь компетенцию в рамках действующего законодательства РФ посреднически решать миром спорные житейские ситуации».

Проведение такого рода судов, по мнению КЦМСК, может иметь катастрофические последствия на территории РФ. Действия Хамхоева и его окружения называются не иначе, как попыткой «религиозного давления на граждан России».

---

¹ Сюкияйнен Л.Р. Шариатские суды: Современная практика и перспективы в России // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – № 4. – С. 45–62.

² <http://www.kcmsk.ru/index.php/novosti/64-zayavlenie-tsro-koordinatsionnyj-tsentri-musulman-severnogo-kavkaza-o-nepravomernosti-vklyucheniya-shariatskim-sudom-ingushetii-v-svoju-kompetentsiyu-voprosov-otnosyashchikhsya-k-isklyuchitelnoj-kompetentsii-konstitutsii-i-zakonodatelstva-rossijskoj-federatsii>

В заключительной части документа муфтии Северного Кавказа призывают руководителя ДЦМ Ингушетии «остановиться и задуматься о судьбах людей, которых он, вместо призывов к миру и спокойствию, вынуждает идти на противоправный путь фитны (смуты)».

Стоит добавить, что конфликт между Муфтиятом Ингушетии и руководством республики длится уже не первый год. В частности, в мае 2018 г. ДЦМ Ингушетии принял решение об отрешении от мусульманской общины главы республики Евкурова. «Оценивая сложившуюся ситуацию, было выдвинуто предложение – отречь Юнус-Бека Евкурова от мусульманской общины республики, пока он не остановит свою дискриминацию по отношению к духовенству», – говорится на официальной странице ДЦМ в социальной сети ВКонтакте¹.

По словам российского политолога Руслана Курбанова, основная причина противоречий кроется в позиции Евкурова, который, став в 2008 г. главой республики, «не стал включаться в процесс религиозного противостояния на стороне одной из общин» на территории Ингушетии. В этой ситуации, по мнению Курбанова, «муфтий упирается и говорит, что “я не признаю другую общину и не буду с ней работать”»². В результате чисто правовой и административный вопрос о границе с Чечней, очевидно, был использован руководителем ДЦМ Ингушетии для укрепления собственных позиций в пику руководству республики во главе с Евкуровым.

Подводя итог, мы можем с уверенностью сказать, что вопрос об установлении административной границы между Чечней и Ингушетией может быть решен исключительно в рамках действующего на территории РФ законодательства. Религиозные деятели как неотъемлемая часть социума, безусловно, вправе высказывать свое мнение и принимать участие в разрешении подобных политических и юридических вопросов, но при условии, что они не будут их переводить в религиозную плоскость, иными словами, прибегать к нормам шариата в противовес светскому российскому законодательству.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

---

¹ https://vk.com/club86608608?w=wall-86608608_1047

² <https://www.youtube.com/watch?v=VvvsGARPRPk>

2019.01.005. **Джабраилов Ю.Д.**
ВНУТРИКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН В СВЕТЕ
ЭТНОКОНТАКТНОЙ СИТУАЦИИ // Ислам
в современном мире. М., 2018, № 14 (3),
с. 167–178.

Ключевые слова: Республика Дагестан (РД); религия; духовенство; этнос; этнический конфликт; внутриконфессиональные отношения; земельные споры.

Джабраилов Ю.Д.,
кандидат политических наук,
старший научный сотрудник,
Региональный центр этнополитических исследований
Дагестанского научного центра РАН
(г. Махачкала)

Ю. Джабраилов рассматривает специфику взаимосвязи этнической и религиозной идентичности в Дагестане постсоветского периода. Среди основных индикаторов общественно-политической стабильности в РД особое место в настоящее время занимают процессы, протекающие в области межнациональных и внутриконфессиональных отношений.

В Дагестане ислам оказал огромное влияние на формирование этнокультурных традиций его народов. Как показывает исследователь, отношение к национальному вопросу в мусульманской религии базируется на двух аксиоматических положениях. Первое – разделение и противопоставление людей по национальному признаку недопустимо и считается особенностью джахилийского (доисламского) самовосхваления. Второе – Всевышний разделил людей на племена и народы, чтобы они перенимали друг у друга позитивный опыт общественной организации и культурных достижений.

Таким образом, подчеркивает автор, ислам представляет собой наднациональную духовно-ценностную концепцию, ориентированную на социальное равноправие, высокую нравственность, заботу и внимание к окружающим, бережное отношение к природе и т.д. В принципе для немалой части населения республики приоритет религиозной принадлежности – это скорее этнокультурная идентификация, чем глубокое осознание и следование единым вероучительным нормам. Люди вполне сознательно относят

себя к категории верующих, но такая идентичность по ценностно-смысловым параметрам носит формальный или даже условный характер.

Этнический мотив в конфессиональной сфере особенно отчетливо проявился вскоре после распада советского государства, когда отдельные религиозные активисты попытались на территории республики создать национальные духовные управления. Эти попытки не получили широкой поддержки, и в дальнейшем на законодательном уровне был наложен запрет на создание исламской республиканской религиозной организации по национальному признаку. В некоторых научных публикациях, замечает исследователь, данные тенденции были описаны как противостояние горцев-аварцев, доминирующих в Духовном управлении мусульман Дагестана (ДУМД), и оппозиции в лице равнинных тюркоязычных кумыков и лезгино-язычного юга. Тем не менее в начале 2000-х годов была предпринята попытка создания параллельного ДУМД – вероятно, не без поддержки отдельных политических сил, недовольных усилением влияния республиканской религиозной организации. Основным аргументом стало то, что ДУМД является «аварским». На что ДУМД опубликовало административный список работников своей организации с указанием их национальной принадлежности. Оказалось, что из 39 работников ДУМД 14 – это аварцы (около 30% населения Дагестана), 6 – даргинцы (15%), 6 – кумыки (более 10%), 4 – лакцы (около 10%) и т.д. С 1994 г. муфтием республики является аварец, при этом у него пять заместителей разных национальностей, в том числе азербайджанец (представитель шиитского джамаата).

Автор отмечает, что на территории республики религиозное сознание населения сохранилось в различной степени. В горной части республики в советский период не прекращалась скрытая деятельность суфийских шейхов. Здесь, например, в отличие от южной ее части, репрессивная кампания относительно духовенства в целом была не очень жесткой, лояльность местного населения, граничащая с поддержкой, позволила, хотя и ограниченно, но организовать подпольно образовательный процесс и не прерывать цепочку передачи религиозных знаний от поколения к поколению. Это обусловило изначально значительную диспропорцию в этническом составе религиозных деятелей нового, постсоветского поколения. С закреплением в стране свободы совести и свободы вероисповедания как важных норм нового демократического порядка в Дагестане начался процесс реисламизации, который

оказался этнически выраженным. Наиболее интенсивно он протекал среди аварцев, чуть менее – среди даргинцев, кумыков, намного слабее – среди других этносов. Согласно последним социологическим данным, проявление религиозной идентичности у дагестанских этносов постепенно выравнивается. Среди сплотившихся вокруг республиканской исламской организации улемов и простых мусульман в этническом плане преобладали представители аварской национальности. Новый общественный институт, подчеркивает исследователь, больше всего нуждался тогда в поддержке всех социальных и этнических групп населения. Доступ к исламской организации был закрыт только для последователей ваххабизма, с которыми велись напряженные теологические диспуты.

Возрождение исламских традиций, знаний и элит в республике совпало с активностью национальных движений в общественно-политической жизни. Возникшие с целью развития и защиты этнической культуры, языка, обычаев и традиций, многие из них подверглись политизации и скатились на позиции национализма, что в немалой степени способствовало актуализации проблемы взаимосвязи и взаимовлияния этнического и религиозного факторов.

В настоящее время вопрос перекоса этнического представительства в Духовном управлении, по наблюдению исследователя, теряет свою актуальность. В муфтияте РД не ведется специального учета национальной принадлежности сотрудников. Однако активисты региональных общественных организаций, рассматривающие вопросы политико-правового статуса равнинных этносов, по-прежнему указывают на то, что непропорциональное этническое представительство является основой неэффективности деятельности ДУМД. Эта непреклонность в оценке официального духовенства, считает автор, во многом объясняется непринятием муфтиятом РД конкретных религиозных фетв по земельному вопросу, не имеющему простого решения.

Духовное управление республики, нацеленное на общedaгестанскую консолидацию, действительно не выносит конкретных фетв относительно земельных споров. Осторожность духовенства в данном вопросе объясняется, на взгляд исследователя, тем, что шариатское решение, возможно, потребует государственных гарантий и материальных компенсаций, а складывающаяся система государственно-конфессиональных отношений в республике не предполагает участия духовенства в государственной деятельности. К тому же официальное духовенство, особенно в последние

годы, старается избегать спорных тем, вызывающих недопонимание и обиды между улемами, суфийскими шейхами традиционного ислама. Подобная политика приносит довольно ощутимые плоды в виде вхождения в состав Совета улемов республики ранее оппозиционно настроенных шейхов и ученых-богословов.

Периодическое напряжение этноконтактной ситуации в некоторых районах республики обусловлено территориальными вопросами. Наиболее остро они проявляются в связи с восстановлением Ауховского района РД, а также с территориальными спорами на землях отгонного животноводства. В Дагестане исторически все межобщинные и внутриобщинные конфликты развивались в основном вокруг земельных вопросов. На современном этапе территориальные споры в ряде муниципальных образований республики начали оказывать негативное влияние на межнациональные отношения. В советский период в целях развития агропромышленного хозяйства республики проводилось масштабное переселение жителей горных районов на равнинные территории. Плановое переселение жителей республики на равнину в советский период носило принудительный характер. В памяти старшего поколения дагестанцев свежи трудности, перенесенные ими в ходе переселения на земли депортированных народов. С реабилитацией чеченцев большинство переселенцев переместились на дагестанскую равнину. Таким образом, на равнине образовались три группы сел, в которых имеется горское население: села, входящие в состав равнинных районов; села, входящие в состав горных районов; села, не имеющие муниципального статуса.

Последние две группы сел образовались на равнине в соответствии с действовавшей до недавнего времени налаженной системой сезонной миграции, при которой жители горных районов переселялись сюда для зимовки в целях выпаса мелкого рогатого скота. На зимних стоянках (кутанах) постепенно сформировались целые поселения, не входящие в состав соседних муниципальных районов. С нарушением системы отгонного животноводства усилилось этнически окрашенное социальное напряжение, связанное с возможным изменением административного статуса населенных пунктов, расположенных на землях отгонного животноводства. Земли отгонного животноводства могут потерять особый статус и, возможно, будут закреплены за поселениями. Результаты социологических исследований показывают противоречивое отношение дагестанцев к обозначенной земельной реформе: с одной

стороны, ее характеризуют позитивно, а с другой – усматривают заложенный в ней конфликтный потенциал.

Наиболее оптимальным решением проблемы, по мнению автора, было бы включение кутанных (бесстатусных) поселений и земель отгонного животноводства в состав равнинных районов. Такое развитие ситуации позволило бы снизить накал страстей вокруг земельного вопроса, а жителям кутанных поселений – решать свои насущные дела в близлежащих муниципальных районах. Однако этот вариант не устраивает руководителей горных районов, поскольку сопряжен с сокращением численности населения и соответственно – бюджетных средств. Равнинным муниципальным районам, наоборот, такой ход развития событий сулит увеличение муниципального бюджета и территорий, но изменение этнического состава населения. Другие варианты – включение кутанных поселений и земель отгонного животноводства в состав горных районов или закрепление за ними статуса самостоятельного отдельного муниципального образования – имеют сложности в администрировании и не меньшие риски социальной напряженности. В связи с этим эксперты приходят к выводу о невозможности и опасности реализации вариантов решения проблем, связанных с изменением границ муниципальных районов.

Противоречивость ситуации, утверждает исследователь, состоит в том, что без юридически обоснованных подходов процесс разрешения конфликтных ситуаций невозможен, поскольку ущемление тех или иных этнических позиций социально-экономического характера в полиэтничном регионе может стать фактором напряженности во внутриконтфессиональных отношениях.

Автор реферата В.Н. Сченснович

Дмитриева Е.Л.,

старший научный сотрудник, ИНИОН РАН

**ОБРАЗ РОССИИ В КАЗАХСТАНЕ
И КАЗАХСТАНА В РОССИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ
(Обзор)**

Ключевые слова: Россия; Казахстан; имидж страны; факторы формирования социальных представлений; историко-культурный контекст; стереотипы; интеграция.

Введение

Исследование вопросов, касающихся вопросов формирования образа той или иной страны, получает всё большее значение в современном мире. Безопасность, благосостояние государств, их место на политической и экономической карте во многом зависят от возможностей развития отношений с другими странами. Страны, осознавшие важность формирования позитивного образа своей страны, уделяют данному вопросу большое внимание и выделяют на реализацию таких программ немалые средства. На отношения между жителями двух соседних стран – России и Казахстана – влияет большое число факторов, среди которых важную роль играют исторически сложившиеся традиционные установки и социокультурные связи народов двух стран.

Восприятие образа Казахстана жителями России

Исследователи данной темы – Колосов В.А и Токбулатова Ж.Е. – в работе «Образ Казахстана в России в зеркале общественного мнения»¹ анализируют сложившееся в российском обществе представление о Казахстане на основе опросов общественного мнения, проведенных в 1993–2017 гг. различными социологическими агентствами (ВЦИОМ, ФОМ, ЦИРКОН и др.). С Казахстаном у России имеется самая длинная в мире общая сухопутная граница и общее историческое прошлое. По результатам опроса, Казахстан среди стран СНГ стабильно попадает в категорию наиболее значимых потенциальных партнеров России, хотя никогда не занимает в ней центральное место. Казахстан выступает в российском общественном мнении как дружественное государство. Большинство россиян отмечают важность развития экономических связей с Казахстаном, но в то же время, по мнению респондентов, сферы для таких связей немногочисленны.

Стереотипы о Казахстане, в первую очередь как о бывшей советской республике, постепенно размываются. Упомянутость культурных и экономических ассоциаций практически не изменилась, но в целом образ стал заметно более сбалансированным,

---

¹ Колосов В.А., Токбулатова Ж.Е. Образ Казахстана в России в зеркале общественного мнения // Региональные исследования. – Смоленск, 2018. – № 2. – С. 58–67.

дифференцированным и актуализированным: уменьшился перекос в сторону советских ассоциаций, ослабла роль «точечных» и устаревших стереотипов, типа «степь, целина, Назарбаев». Особое внимание в опросах общественного мнения занимает тема интеграционных настроений. Этот блок включает самые разные виды вопросов – от создания общих границ до отношения к ныне существующим интеграционным объединениям. Россияне положительно оценивают все формы интеграционных объединений с Казахстаном.

Хотя образ Казахстана как культурно близкой общности и дружественного государства, выделяющегося среди прочих постсоветских республик, сохраняет свою актуальность, то в других сферах ситуация не такая однозначная. Дефицит видимых точек соприкосновения для развития отношений между двумя странами в экономической сфере не позволяет Казахстану войти в круг предполагаемых перспективных партнеров России в области инвестиций, технологий, научных разработок и т.п. Так как представления россиян о стратегических союзниках и противниках не отличаются стабильностью и чутко реагируют на изменения текущей внешнеполитической ситуации, то говорить о перспективах в отношениях двух стран пока достаточно трудно.

Жители Казахстана об отношениях с Россией

Факторам формирования образа России в Казахстане посвящена работа ученых Института востоковедения РАН Космарской Н.П. и Савина И.С. «Что думают казахстанцы об отношениях с северным соседом?»¹.

Цель статьи – показать восприятие жителями Казахстана России в двух проекциях – как ресурса в экономическом смысле и измерение роли России в историко-культурном аспекте. В основу работы легли полевые исследования авторов статьи в 2016 г. (на примере жителей г. Петропавловска, Северо-Казахстанская область) и анализ двух ведущих газет Казахстана на русском и казахском языках. Прежде всего, нужно отметить, что для жителей Казахстана наиболее дружественной страной остается Россия – 81%.

---

¹ Космарская Н.П., Савин И.С. Что думают казахстанцы об отношениях с северным соседом? // Центральная Евразия. – М.: ИВ РАН, 2018. – № 1. – С. 175–195.

В 2016 г. более 40% опрошенных казахстанцев приветствовали экономическое и техническое сотрудничество с Россией (хотя в 2015 г. таких было 49%). Сохраняется высокий интерес к получению образования в России и рост данного показателя в Казахстане (32% – рост второй год подряд). Важное место в восприятии России играют ее интеграционные инициативы, что находит свое отражение в доминирующем позитивном восприятии евразийской интеграции в Казахстане. Но позиция граждан Казахстана к интеграции в ЕАЭС зависит в первую очередь от их этнической принадлежности – казахи поддерживают только экономические варианты интеграции, с большой осторожностью относясь ко всем другим инициативам (совместная валюта, единая армия, единое информационное пространство и т.д.), а русские и русскоязычное население приветствуют любые формы интеграции.

В области военно-стратегического партнерства наблюдаются изменения в общественном мнении. В 2016 г. 34% граждан Казахстана считали, что от стран СНГ исходит угроза, в то же время Россия наиболее часто обозначается в качестве субъекта возможной военной поддержки – 59%. Евросоюз практически не упоминался в таком качестве. Однако в 2016 г. произошел рост проевропейских настроений в Казахстане – с 2 до 11% и достиг пятилетнего максимума.

Что касается трудовой миграции, то около 24% опрошенных в Казахстане рассматривают для себя вероятность временной трудовой занятости в России, а 22% выражают интерес к переселению в какую-либо из стран СНГ.

Не ослабевает в Казахстане заинтересованность в российском информационном пространстве (69% высказались за создание общей телерадиовещательной компании стран ЕАЭС). Что касается анализа прессы на русском и казахском языках, то надо отметить, что большая часть информации на русском языке имеет нейтральную или позитивную окраску, некоторые же публикации на казахском языке свидетельствуют об озабоченности граждан Казахстана позицией России по вопросам экономического сотрудничества со странами ЕАЭС, взаимодействия с ближайшими соседями и т.д. Подобные тенденции подтверждаются и результатами опросов.

Выводы

Как мы видим, при очевидном позитивном восприятии друг друга жителями России и Казахстана существуют свидетельства того, что ситуация достаточно динамичная, что в дальнейшем может привести к смене приоритетов населения в отношении соседней страны. Большое влияние на формирование образа России среди жителей Казахстана является этничность, хотя этот фактор не является доминирующим. Для жителей России при рассмотрении вопросов интеграции с соседним государством важным является уровень жизни и экономические показатели в Казахстане. Отдельно необходимо отметить влияние СМИ на мнение респондентов, так как зачастую образ соседней страны основан не столько на личном опыте, сколько сформирован под влиянием информационных материалов. Анализ восприятия друг друга гражданами России и Казахстана является важной темой, так выявляет множество разнообразных факторов, влияющих на отношения между двумя странами, что позволяет в дальнейшем воздействовать на данные факторы, минимизируя одни и оптимизируя другие.

*Обзор написан для бюллетеня
«Россия и мусульманский мир»*

**2019.01.006. Малышев Д.В. ИНТЕГРАЦИЯ
ИНОКУЛЬТУРНЫХ МИГРАНТОВ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ // Россия
и новые государства Евразии.
М.: ИМЭМО РАН, 2018, № 3, с. 147–155.
DOI: 10.20542/2073-4786-2018-3-147-155**

***Ключевые слова:** инокультурные мигранты; социокультурная адаптация; Казахстан; Таджикистан; Центральная Азия; оралманы.*

Малышев Д.В.,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН

Автор статьи рассматривает проблемы интеграции инокультурных мигрантов в Центрально-Азиатском регионе на примере Казахстана и Таджикистана. Актуальность проблемы интеграции

инокультурных мигрантов в социум принимающей страны приобретает всё большее значение в современном мире. Постсоветская Центральная Азия (ЦА) сама является донором миграции, в основном в Россию. Но в ЦА есть страны, являющиеся реципиентами миграции – это в большей степени Казахстан, в гораздо меньшей – Таджикистан, поэтому автор предлагает рассматривать данную проблему на примере этих двух республик. Интеграция инокультурных мигрантов в общественные структуры стран-реципиентов – трудный процесс, который в немалой степени влияет на стабильность в государствах.

Остановившись на общих проблемах миграции автор отмечает, что в настоящее время актуальным стал дискурс миграции и вызываемых этим явлением межэтнических конфликтов в рамках принимающей стороны, так как миграционные процессы стали новыми формами риска, сущностная характеристика которых сводится к расширению контактов с группами, которые являются чуждыми по отношению к этнокультурным общностям того или иного государства.

Автор статьи выделяет несколько типов миграции и последующей адаптации мигрантов к новой для них инокультурной среде.

1. Добровольные мигранты, беженцы, ищущие убежища и временно пребывающие. Им приходится интегрироваться в принимающее общество, речь идет лишь о длительности периода такой интеграции.

2. Культурная дистанция между мигрантами и жителями государства-реципиента: чем она меньше, тем легче мигранту интегрироваться в инокультурный социум. Гражданам постсоветских республик, выезжающим из одной республики в другую, гораздо легче преодолеть культурную дистанцию, чем при выезде в Европу, например, так как все они долгое время жили в одной культурной среде, владеют русским языком, что не создает барьеров в общении. При миграции в рамках одного региона, например ЦА, то культурная дистанция здесь вообще сводится к минимуму.

3. Контекст принятия – это сложившиеся в принимающем обществе установки в отношении мигрантов, которые можно условно разделить на четыре подвида: ассимиляция, интеграция, сепарация и маргинализация. Последний подвид порождает наибольшие риски и содержит конфликтный потенциал и способствует интенсификации процессов раскола общества.

4. Статус групп мигрантов, под которым понимается отношение принимающего общества к приезжим из других стран и регионов.

Далее автор переходит к рассмотрению проблемы миграции на примере Казахстана. Миграционный статус Республики Казахстан (РК) складывается из трех уровней: исход мигрантов, их прием и транзит миграционных потоков. Основной миграционный тренд Казахстана – это выезд его граждан из страны на постоянное место жительства, главным образом в Россию, а также относительно небольшое число трудовых мигрантов, особенно в сравнении с массовыми миграционными потоками, идущими из Узбекистана, Киргизии и Таджикистана. Из Казахстана выезжают квалифицированные специалисты и рабочие (главным образом – русские и татары). В Казахстан основные потоки мигрантов прибывают из центрально-азиатских стран – Узбекистана и Киргизии, меньшее число составляют выходцы из стран дальнего зарубежья – Китая и Турции.

Специфической чертой Казахстана является то, что с 1991 г. важным сегментом миграционной политики республики стала репатриация в страну этнических казахов (оралманов) как из республик СНГ, так и из других стран, прежде всего из Китая, особенно – из Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР. Но не все оралманы приняли гражданство РК, многие остались гражданами КНР и ведут бизнес в Китае, прежде всего в СУАР. Проблема китайской миграции для Казахстана стоит остро, так как Казахстан имеет протяженную границу с КНР и поток китайских мигрантов с каждым годом увеличивается. Это вызывает опасения у населения и властей, поскольку китайцы, как правило, не ассимилируются в стране пребывания, а объединяются в этнические сообщества, противостоящие иногда напрямую местному населению. Проживая за рубежом, китайцы повсеместно способствуют развитию именно китайской экономики: китайские диаспоры стараются привлекать инвестиции в КНР, выводя средства из страны пребывания. В Казахстане функционируют сотни совместных предприятий, китайские банки, торговые и культурные центры, китайские кафе, созданы центры Конфуция, которые в регионе давно превратились в инструмент «мягкой силы» Китая.

Помимо приема китайских мигрантов, Казахстан в последние годы стал активным реципиентом трудовых мигрантов из Центральной Азии, для которых он становится предпочтительнее России. Это можно объяснить как экономическими трудностями, так и недавним ужесточением в России миграционного законодательства.

Автор отмечает тот факт, что за счет мигрантов растет население Казахстана. Хотя это государство занимает девятое место в мире по величине территории, численность его населения крайне скромна – на начало 2018 г. всего 18 157,1 тыс. человек. В общественном сознании Казахстана весьма распространены элементы так называемой «синофобии», так как историческая память казахского народа часто связывает Китай с кровопролитными джунгарскими войнами, в ходе которых много казахов погибло от джунгарских войск и от Цинской армии. Также есть опасения, что если земли начнут свободно продавать иностранцам, то значительную их часть скупит Китай, что и стало одной из причин массовых «земельных волнений» в Казахстане в 2016 г.

Автор статьи, рассматривая миграционную ситуацию в Таджикистане, прежде всего, отмечает, что данная республика является страной эмигрантов, а отток населения приобрел в настоящее время катастрофические масштабы. Что касается иммиграции, то здесь в основном проживают специалисты из Китая, Турции и Ирана. Китай направляет в республику рабочую силу для строительства трудоемких народно-хозяйственных объектов. Кроме того, Китай направляет в Таджикистан лиц, отбывающих наказания за уголовные преступления, что в целом соотносится с демографической политикой китайских властей, так как преступность в КНР очень высока и содержать такое количество заключенных – непосильная задача для государства. Поэтому их стали отправлять на работы в другие страны, где действуют китайские компании. Таким местом приложения избыточной китайской рабочей силы и стал Таджикистан. Здесь китайцы задействованы главным образом в строительстве дорог, цементных заводов и в сельском хозяйстве.

Точных данных о количестве прибывающих в страну китайцев просто не существует. Многие из них въезжают в Таджикистан через Киргизию, с которой у Китая безвизовый режим, а женившись на таджикских женщинах, многие из приехавших китайцев остаются в Таджикистане навсегда.

Автор отмечает, что интеграция китайцев в таджикское общество имеет свою специфику – многие из них выучили таджикский и русский языки, что облегчает общение с местным населением. Китайцы пытаются также изучать национальные таджикские традиции. В Душанбе и Худжанде действует сеть китайских ресторанов, где не готовят еду из свинины, хотя сами китайцы широко употребляют в пищу этот продукт. В целом количество китайцев

в Таджикистане уже в 2015 г. превысило 150 тыс. человек при квоте для иностранных трудовых мигрантов в 8 тыс. человек.

Наблюдается и стремление таджиков налаживать культурные связи с Поднебесной. Например, тысячи таджикских студентов и школьников изучают китайский язык, а для овладения им многие таджики едут учиться в вузы КНР.

Важным фактором становится и растущая экономическая зависимость Таджикистана от Китая, что является дополнительным каналом пополнения армии трудовых мигрантов из КНР в РТ. В апреле 2018 г. Таджикистан передал Китаю лицензии на разработку семи золоторудных месторождений, а также права на разработку угольных месторождений. И это не случайно, так как на 2017 г. внешний долг Таджикистана составил 2,3 млрд долл. США, из них 1,2 млрд – долг перед Китаем.

В некоторых областях Таджикистана китайцы уже достаточно прочно интегрировались в местное общество. Минсельхоз Таджикистана сдал в аренду китайским фермерам 500 га земли на 49 лет. Китай активно осваивает территории Таджикистана на Памире, которые составляют более 1 тыс. кв. км, что равно, например, площади девяти таких городов, как Душанбе. Это еще больше настраивает местное население против китайцев, а если принять во внимание серьезный языковой барьер – китайцы за крайне редким исключением не говорят по-таджикски, а местное население практически не знает китайский, – то противоречия между мигрантами из Китая и местным населением усиливаются.

Что касается мигрантов из других стран, в основном из Киргизии и Узбекистана, то их вряд ли можно назвать «инокультурными». Многие из них имеют родственников по обе стороны границы, хорошо знакомы с обычаями и культурой соседней страны, активно используют русский язык для межнационального общения. Кроме того, как показывают опросы в узбекоязычных селах Таджикистана, более 52% опрошенных считают важным брак с представителями своей этнической общности, однако для 36% этот фактор является важным, но далеко не обязательным.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что власти РТ не уделяют должного внимания миграционной политике, в том числе и потому, что, как уже отмечалось выше, Таджикистан в настоящее время является и скорее всего останется в обозримом будущем государством – донором миграции. Именно на обустройстве таджикских эмигрантов в основном и сосредоточено внимание властей РТ.

Автор реферата Е.Л. Дмитриева

2019.01.007. **Попов Д.С. ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ США И ТАДЖИКИСТАНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ** // Проблемы национальной стратегии, М., 2018, № 5 (50), с. 87–106.

Ключевые слова: США; Таджикистан; Центральная Азия; Афганистан; «мягкая сила»; борьба с наркотиками; «Северный маршрут»; Новый Шёлковый путь; Россия; Китай.

Попов Д.С.,

кандидат юридических наук,

старший научный сотрудник

Центра исследований стран ближнего зарубежья РИСИ

Интерес американской дипломатии к Таджикистану (РТ), подчеркивает Д. Попов, традиционно обуславливают два основных фактора. Первый – близость к Афганистану (ИРА). Республика имеет с ним самую протяженную среди постсоветских государств границу в 1344 км, а таджики составляют вторую по численности этническую группу в ИРА. Второй – союзнические отношения с Россией. В связи с этим анализ стратегии США в отношении Душанбе представляется важным как в контексте геополитического противостояния с Москвой, так и с точки зрения эволюции американской политики на Среднем Востоке.

В истории сотрудничества США и Таджикистана исследователь выделяет три основных периода. Первый из них пришелся на 1991–2001-е годы. Между странами впервые был налажен межгосударственный диалог, но его развитие на несколько лет затруднила гражданская война в РТ. Второй период охватил 2001–2014 гг. и был связан с военной интервенцией США в Афганистане. В это время взаимодействие Вашингтона и Душанбе достигло наивысшей точки и концентрировалось, прежде всего, вокруг вопросов безопасности. После вывода основной части американского контингента из ИРА в 2014 г. начался современный этап развития отношений, который характеризуется постепенным сокращением двусторонних программ как по интенсивности, так и по содержанию. В период с 2010 по 2016 г. по инициативе Вашингтона проводились ежегодные двусторонние консультации. На них обсуждалась практическая реализация конкретных проектов сотрудничества на уровне министерств и ведомств. С ноября 2015 г. Госдепартамент

дополнительно запустил многосторонний диалог «С5+1», в котором участвуют все государства ЦА и США.

В текущей редакции Стратегии национальной безопасности США, обнародованной в декабре 2017 г., Таджикистан, как и другие страны ЦА, отдельно не упоминается. Доктрина фиксирует главные цели Белого дома по отношению ко всему региону. Американское правительство намерено поощрять экономическую интеграцию Центральной и Южной Азии. Из доктрины следует, что американские дипломаты рассматривают сотрудничество с государствами ЦА прежде всего в контексте сохранения долгосрочного присутствия в Афганистане. В свою очередь, в Концепции внешней политики РТ, принятой в январе 2015 г., Душанбе подтверждает готовность развивать с США многоплановые отношения на взаимовыгодной основе. В то же время в перечне региональных приоритетов Таджикистан ставит США лишь на шестое место – после России, государств СНГ, Китая, Афганистана и Ирана.

Обращаясь к теме «мягкой силы», автор отмечает, что США финансируют в Таджикистане деятельность разветвленной сети общественных, информационных и гуманитарных организаций. Формально они призваны развивать демократию и рыночную экономику, но на практике часто вмешиваются во внутренние процессы и продвигают внешнеполитические инициативы Вашингтона. Эти структуры активно работают в республике с начала 1990-х годов, когда между США и РТ было заключено Соглашение о сотрудничестве в целях содействия оказанию гуманитарной и технико-экономической помощи.

Администрированием основной массы проектов занимается Агентство США по международному развитию (USAID). С 2001 г. при американском посольстве в РТ функционирует «демократическая комиссия», распределяющая малые гранты. Дистанционно здесь присутствует софинансируемый из федерального бюджета США Национальный фонд в поддержку демократии. Основные получатели американских грантов – транснациональные западные НКО и СМИ. В Таджикистане активны Фонд Сороса, радио «Свобода», Фонд Ага Хана, Институт войны и мира, Фонд Евразия, «Интерньюс» и ряд других. Всего в РТ зарегистрировано 3 тыс. некоммерческих организаций.

Однако США не удалось сформировать в РТ сильное прозападное движение. После серии «цветных революций» на постсоветском пространстве РТ применяет более жесткое законодательство о НКО и последовательно расширяет контроль над этой

сферой со стороны государства. Ограничена возможность работы в стране ряда известных зарубежных структур, включая Freedom House, Национальный демократический институт и Корпус мира. По убеждению Д. Попова, в ближайшей перспективе тенденция ослабления роли США в «демократизации» Таджикистана, скорее всего, сохранится.

Рассматривая экономические связи обеих стран, автор отмечает, что Таджикистан не представляет заметного интереса для США как торгово-инвестиционный партнер. Товарооборот сторон в 2017 г. опустился до самой низкой с 2000 г. отметки – 17,9 млн долл. Западный бизнес отталкивают сложный инвестклимат, низкая рентабельность и конкуренция с китайскими компаниями. Вместо этого американская сторона предпочитает задействовать другие инструменты, в частности кредиты и гранты. В основном они распределяются через международные финансовые институты с доминирующей ролью Запада. Всемирный банк, Международный валютный фонд и Азиатский банк развития (АБР) предоставляют средства под обязательства проведения в Душанбе либеральных преобразований. Ассигнования выделяются из бюджета США по ряду программ, самая крупная из которых – Фонд экономической поддержки и развития. Эти средства призваны улучшить международный имидж Белого дома и нацелены на продвижение внешнеполитических интересов США. С началом работы администрации Д. Трампа расходы на таджикостанское направление сокращаются, но происходит это медленнее, чем в других среднеазиатских странах.

Перечисленные инструменты США используют для противодействия контактам с Россией, сохранения своего влияния в регионе как части «глобального лидерства». Необходимость снижения экономической зависимости ЦА от России прямо закреплена в бюджетных документах внешнеполитического ведомства США. Прежде всего, на этом треке оно противодействует вхождению Таджикистана в Евразийский экономический союз. Различными способами Вашингтон «торпедирует» проект с 2010 г., когда встал вопрос о присоединении РТ к «таможенной тройке» России, Белоруссии и Казахстана. В начале 2013 г. западные консультанты добились от Таджикистана вступления в ВТО на условиях, которые осложняют возможное членство республики в ЕАЭС. Помимо этого, в 2011 г. США выдвинули альтернативный интеграционный проект – концепцию Нового Шёлкового пути (НШП). В ее основе

лежит идея объединения Центральной и Южной Азии в единый экономический макрорегион.

Основное взаимодействие США и Таджикистана строится вокруг вопросов безопасности. Первоочередной интерес для Вашингтона в этой области представляют поддержка операций западной коалиции в Афганистане, борьба с наркотиками, нераспространение оружия массового уничтожения и подготовка по стандартам НАТО отдельных подразделений высокой боевой готовности. Министерство обороны США рассматривает республику как потенциальную площадку для дислокации собственных военных объектов. В феврале 2009 г. Таджикистан присоединился к Северной сети поставок (ССП) – системе транспортных коридоров для снабжения группировки ВС США в Афганистане через государства, лежащие к северу от театра боевых действий. Участие в СПП сулило стране транзитные сборы, и против него не возражали члены ОДКБ. Тем не менее на практике таджикский участок СПП оказался востребован мало. В перспективе, считает автор, потребность в СПП может возрасти на фоне обещанного Д. Трампом нового наступления в Афганистане и усиления давления на Исламабад.

Вторым по значимости пунктом в двусторонней повестке в сфере безопасности следует противодействие торговле наркотиками. Всего на цели противодействия наркотикам в Таджикистане США выделили более 200 млн долл. к 2017 г. По объему такой помощи республика лидирует среди всех государств ЦА. Однако, концентрируя внимание на трафике опиатов, т.е. на последствиях проблемы, американская сторона потворствует ее причинам – расширению наркопосевов в Афганистане, подчеркивает исследователь.

Другое направление, которому США уделяют повышенное внимание, связано с оснащением и подготовкой по стандартам НАТО отдельных военизированных подразделений. В Таджикистане американцы проявляют интерес к двум формированиям – миротворческому батальону и Национальной гвардии РТ. Миротворческий батальон Таджикистана создан при финансовой поддержке США в 2010 г. На сегодняшний день американское правительство направило на его развитие около 8 млн долл. Национальная гвардия РТ является воинским резервом быстрого реагирования главы государства. Программы взаимодействия с таджикскими военными стали частью более широких инициатив Пентагона в государствах бывшего СССР и преследуют вполне

прагматичные цели. Во-первых, Белый дом стремится привлечь подшефные миротворческие силы к зарубежным операциям под эгидой НАТО. Во-вторых, миротворчество используется как прикрытия для распространения военной деятельности Североатлантического альянса на государства ОДКБ. В-третьих, обмен опытом по линии спецподразделений позволяет получать информацию об оборонных возможностях союзников России и служит подготовкой собственного спецназа к действиям за рубежом.

Таким образом, заключает Д. Попов, анализ американско-таджикистанских отношений показывает, что на текущем этапе республика не относится к числу главных внешнеполитических приоритетов США на постсоветском пространстве. Однако это не означает, что Таджикистан полностью выпал из центральноазиатской стратегии США. Удерживать его в фокусе внимания американской внешней политики будет стремление Вашингтона сохранить доступ в Афганистан и сдерживать развитие геополитических конкурентов в лице Москвы и Пекина. Не поставлена точка в вопросе возможного членства РТ в Евразийском экономическом союзе.

Автор реферата В.Н. Сченснович

Сченснович В.Н.,
научный сотрудник ИНИОН РАН
ТУРКМЕНИСТАН: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА
(Аналитический обзор)

Аннотация. В обзоре рассматривается динамика внутренних процессов в Туркменистане в годы перестройки. Дается анализ перемен элитных структур в республике в конце 1980-х – начале 1990-х годов, характеризуется авторитарный режим С. Ниязова. Говоря о современном этапе развития РТ, исследователи раскрывают основные моменты новой комплексной инновационной международной политики культурного объединения, заявленной президентом Туркменистана Г. Бердымухамедовым. Особое внимание уделено проблемам экономики республики, в частности приоритетной сегодня газовой отрасли.

Ключевые слова: Туркменистан (РТ); перестройка; С. Ниязов; авторитарный режим; Г. Бердымухамедов; инновационная международная политика культурного объединения; государственный нейтралитет; внешнеэкономическая деятельность; Россия; Центральная Азия;

Введение

Обозревая недавние публикации по Туркменистану, прежде всего нужно отметить, что политологи обращаются к дискутируемой сегодня теме авторитаризма власти. Властные структуры республики не были заинтересованы в открытии общества и политической культуры и старались закрепить обретенные позиции. А у более открытых к переменам слоев общества не находились рычаги давления, которые могли бы изменить позицию власти. С точки зрения сегодняшнего дня и с учетом централизации и персонификации власти, а также характера лидера шанс для альтернативного и более открытого развития политического устройства и политической культуры был маловероятным. Исследователи показывают также основные моменты новой комплексной инновационной международной политики культурного объединения, заявленной президентом Республики Туркменистан Г. Бердымухамедовым. Во внешнеэкономической политике Ашхабада приоритетной сегодня стала диверсификация маршрутов поставки газового топлива на внешние рынки, которой также уделено внимание в обзоре.

Туркменистан в годы перестройки (1890–1991)

Исследователь из Чехии С. Горак (Карлов ун-т, Прага) в статье «Туркменистан между 1989 и 1991 гг.: Был ли шанс альтернативного развития?» [1] утверждает, что в последние годы существования Советского Союза в Туркменистане четко обозначились тенденции к авторитарному развитию государства, которые в полной мере проявились после распада СССР. Автор статьи рассматривает проблемы, которые привели страну к авторитарному режиму. Существенным фактором являлись личностные характеристики первого лица государства. Именно эти факторы сдерживали альтернативные возможности, которые были в дальнейшем практически задушены. С учетом нынешних знаний исследователь делает предположение, что события 1989–1991 гг. до сих пор определяют безальтернативную траекторию развития страны, была создана

политическая культура, которая определила развитие независимой страны на несколько десятилетий, даже поколений, вперед.

Анализ внутриэлитной борьбы в Туркменской ССР к концу советского периода показывает, что в период брежневского застоя стабильность была одним из решающих факторов советского и, в частности, центральноазиатского пространства. Для этих целей были избраны лица, близкие Брежневу, как в случае Ш. Рашидова в Узбекистане, или люди, назначение которых должно было сбалансировать разные элитные группировки. Последний фактор стоял за назначением М. Гапурова Первым секретарем ЦК КП Туркменистана. Этот деятель был представителем нестоличной группировки, противником центрального ахалтекинского клана. Понимая стремление столичных кланов к власти, он подвергал репрессиям их самых ярких представителей, в частности из культурной среды.

В этой среде и политической культуре сформировалась карьера будущего Первого секретаря страны – С. Ниязова. Сам будущий президент работал тогда в ЦК КП Туркмении и с 1980 г. стал Первым секретарем Ашхабадского обкома партии. С. Ниязов – представитель столичного клана, в 1984 г. стал первым лицом республики, несмотря на то что он не происходил из знатного рода ахалтекинцев. Для укрепления лояльности к «центру», Ниязов проходил, вопреки сложившимся традициям, годовую «стажировку» в Москве. Таким образом, Москва получила лояльную себе фигуру, которой было предназначено сохранить в республике спокойствие. Кажется, полагает С. Горак, что Ниязов понял свою роль и до конца СССР играл роль «сторожа порядка в республике», оставаясь более лояльным советскому центру, чем к «своему» клану. Не будучи типичным «перестроечным» лидером, он с самого начала пресекал любые попытки альтернативного развития в стране. В Туркменистане у него не было на кого опереться и, не желая потерять власть, он должен был единолично контролировать все важные политические, кадровые, а также идеологические процессы в республике.

Вышеперечисленные факторы необходимо дополнить и характером самого Ниязова, который был, с одной стороны, довольно жестким по отношению к подчиненным, с другой – чрезвычайно лояльным по отношению к вышестоящим институтам. На основе психологического анализа личности Ниязова можно сказать, что данный аспект играл ключевую роль при установлении политической культуры независимого Туркменистана. Личностный фактор,

исторический опыт и политическая культура в стране стали причинами подавления любого течения, потенциально угрожающего положению Ниязова в советской республике, а впоследствии – для установления личной власти уже в независимом государстве, утверждает автор статьи.

С. Горак показывает, что в 1989–1991 гг. были и альтернативные власти течения. Начиная с 1988–1989 гг., особенно в среде туркменской интеллигенции, проявилась попытка более активного участия в процессах перестройки в республике. Создавались альтернативные действующей власти группы, которые преследовались. Одной из первых стала Агзыбирлик («Единство»). Они занимались вопросами возрождения туркменской культуры, повышением статуса туркменского языка, проводили откровенные дискуссии о переосмыслении туркменской истории, особенно XIX и XX вв. В 1989 г. была основана Партия демократического развития Туркменистана, которая успела провести в 1989–1991 гг. три съезда. Во главе этой партии стоял преподаватель Политехнического института и с 1988 г. видный оппозиционер туркменского истеблишмента Д. Ходжамухаммедов. Союз писателей стал еще одним центром альтернативных мнений и прямой оппозицией Ниязову. Члены Союза писателей и других творческих союзов были частично связаны с Агзыбирликом и другими оппозиционными течениями. Некоторые члены Союза писателей откровенно выражали недовольство режимом Ниязова, и газета «Эдебият ве Сунгат» стала платформой для выражения этого недовольства. К альтернативным движениям можно причислить и созданный в Академии наук в 1991 г. неофициальный дискуссионный клуб Пайхас, которым руководил историк и демограф Ш. Кадыров. Эта относительно немногочисленная группа, однако, сумела проникнуть со своими идеями и дискуссиями в туркменские СМИ, тогда еще не полностью охваченные ниязовской цензурой. Но и эта структура была со временем ликвидирована, а сам Кадыров был вынужден в 1992 г. эмигрировать.

С. Горак отмечает попытку выработать совместную платформу, объединяющую все оппозиционные силы. Собрание представителей оппозиционных групп произошло в августе 1990 г. Однако здесь уже проявились слабость оппозиции, ее ограниченное влияние на ситуацию в стране, а также разрозненность взглядов ее лидеров. С другой стороны, Ниязов был уже более уверенным в своей позиции с консолидированным окружением и, самое важное, – с репрессивным аппаратом, на стороне которого стояла

сила. Оппозиция не обладала влиянием во властном аппарате, и Ниязов, используя неспособность оппозиции договориться о стратегии противостояния, а также о едином представителе, сумел легитимизировать свое лидерство на безальтернативных президентских выборах в октябре 1990 г.

После провозглашения суверенитета Туркменистана в 1990 г. все яснее стал проявляться разрыв между сторонниками консервативного порядка и альтернативным движением. Оппозиция подавлялась весьма разнообразными средствами. Одним из методов было запрещение публикаций для некоторых потенциально влиятельных авторов в республиканских газетах и журналах, не говоря уже о телевидении.

С 1990–1991 гг. начались под разными предлогами аресты самых видных представителей Агзыбирлика, включая самого Ходжамухаммедова. Партия демократического развития фактически прекратила свою открытую деятельность весной 1992 г. в связи с наступлением на все оппозиционные структуры в стране.

Ниязову удалось использовать государственный и силовой аппарат для того, чтобы отстранить или ограничить влияние альтернативных центров мышления. Интеллектуальные группы могли лишь частично использовать центральную советскую печать для выражения своих мыслей, однако они не обладали никакими рычагами влияния для того, чтобы изменить ситуацию в республике. Некоторую роль сыграла разрозненность и раздробленность оппозиционных Ниязову групп, у них отсутствовала поддержка большинства регионов республики.

В условиях отсутствия поддержки из Москвы после попытки государственного переворота – ГКЧП в Москве – репрессивный и авторитарный способ политики стал для Ниязова, с его точки зрения, единственным для сохранения власти. Его позиции в самом Туркменистане настолько укрепились, что у оппозиции или других клановых структур уже не было возможности предпринять никаких шагов для предотвращения курса к авторитаризму. События осени 1991 г. таким образом окончательно определили траекторию развития Туркменистана к централизованной личной власти, делает вывод исследователь.

Туркменистан на современном этапе: Политика культурного объединения

По убеждению авторов статьи «Туркменистан и глобализирующийся мир: Инновационная политика культурного объединения», доктора экономических наук, доцента К.В. Лосева и доктора исторических наук, доцента В.В. Михайлова (Санкт-Петербургский гос. ун-т аэрокосмического приборостроения) [2], системный ряд формообразующих моментов в политике туркменских лидеров и туркменского правительства можно назвать элементами новой комплексной инновационной международной политики культурного объединения, заявленной президентом республики Г. Бердымухамедовым. Провозглашение постоянного нейтралитета 12 декабря 1995 г. на основании Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 50/80 стало первым шагом молодого туркменского государства на пути к становлению международной и региональной политики нового типа, политики, до сих пор являющейся парадигмальной для современного глобализирующегося мира.

В условиях трансформации международных систем, перехода от биполярного мира к другим формам международного лидерства нейтралитет является действенным средством сохранения культурных и национальных ценностей, гарантом примата гуманитарных и общечеловеческих целей в политике.

Политика государственного нейтралитета, подчеркивают исследователи, позволила Туркменистану произвести реформирование внутренней политики и экономики, необходимое на первых этапах самостоятельного развития государства, и создать условия для последующей инновационной политики национального и общетюркского культурного объединения. Туркменистан активно участвовал в разработке и принятии международных и региональных проектах по развитию инноваций, таких как «Стратегия экономического развития СНГ до 2020 г.», которая определила главные принципы инновационной экономики: принцип ориентации на всемерную поддержку базисных инноваций, составляющих основу современного технологического уклада; принцип сочетания государственного регулирования инновационной деятельности с эффективным функционированием конкурентного рыночного механизма; принцип содействия развитию международного трансферта технологий и инвестиционному сотрудничеству, защита интересов инновационного предпринимательства. В дальнейшем инновационное развитие экономики продолжало оставаться

приоритетом в политике руководства Туркменистана. Был открыт Центр технологий АН, регулярно проводились международные форумы, посвященные инновационным технологиям, инновационной экономической политике, оценке и эффективности инноваций.

Авторы статьи отмечают гармоническое соотношение добывающей, производящей и региональной транзитной экономической политики страны. Реализация инновационной экономической политики невозможна без правильного распределения сфер реальной экономики, недопущения превращения ее исключительно в сырьевой, либо производящий субъект мировой экономики. Экономика Туркменистана развивается в соответствии с интересами всей страны в целом, а не ее отдельных отраслей или олигархических структур. Так, практика торговли энергоресурсами на границе дает возможность гибко подходить к вопросу развития сферы переработки, одновременно получая прибыль от торговли сырьем.

Газовая отрасль – пример внешнеэкономической деятельности Туркменистана

Кандидат исторических наук Е.П. Ионова (ИМЭМО РАН) в статье «Туркмения: Поиск новых газоэкспортных маршрутов» [3] отмечает, что после обретения независимости экспорт «голубого топлива» стал основой экономики страны, и начиная с середины 1990-х годов диверсификация маршрутов его поставок на внешние рынки приобрела приоритетное значение во внешнеэкономической политике Ашхабада. В этот период зародились планы строительства газопровода в Южную Азию (ТАПИ) и Транскаспийского газопровода (ТКГ) для транспортировки туркменского сырья в Европу.

После прокладки газопровода в Китай именно Поднебесная стала главным, а в последние годы – практически единственным покупателем этого сырья. В 2017 г. на долю КНР пришлось более 90% всего объема экспорта туркменского газа (33,6 млрд куб. м), что на 13% превысило показатель за 2016 г. В первом полугодии 2018 г. тенденция наращивания поставок «голубого топлива» в КНР сохранилась: их объем на 18,8% превысил показатель за аналогичный период 2017 г. Вместе с тем следует учитывать, пишет Е. Ионова, что доходность экспорта газа в КНР ограничена, поскольку значительная часть прибыли от его продажи идет на погашение китайских кредитов, полученных Ашхабадом для раз-

работки и обустройства нефтегазовых месторождений, а также строительство газопроводов. В итоге Ашхабад, в свое время форсировавший строительство туркмено-китайского газопровода с целью избежать зависимости от России, в лице КНР приобрел менее выгодного по сравнению с РФ партнера. Сейчас Ашхабад стремится ослабить сложившуюся зависимость от КНР и рассматривает альтернативные маршруты экспорта газа, в том числе и в РФ. Возобновление после «коммерческой паузы» экспорта туркменского газа в Россию может способствовать укреплению сотрудничества двух стран в целом, а также снижению заинтересованности Ашхабада в альтернативных маршрутах экспорта газа в обход РФ, считает исследователь.

Далее автор статьи рассматривает продвижение проекта ТАПИ – газопровода из Туркмении в страны Южной Азии. Общая протяженность трубопровода ТАПИ должна составить 1814 км, из которых 774 км приходится на территорию Афганистана. Проектная пропускная мощность магистрали составит 33 млрд куб. м в год, ввод в эксплуатацию намечен на 2019–2020 гг. С самого начала возникновения этого проекта в 1990-е годы безопасность его строительства, а в дальнейшем – функционирования на территории Афганистана вызвала большие сомнения. Ситуация в этой стране, где не прекращаются боевые действия и террористические акты, отпугивала потенциальных инвесторов. Сложности с финансированием проекта стали главным препятствием для реализации ТАПИ. Однако в последние годы Ашхабаду удалось заручиться поддержкой ряда международных финансовых организаций, заявивших о готовности участвовать в финансировании ТАПИ. В 2016 г. власти республики сообщили о получении от Исламского банка кредита в размере 700 млн долл. Туркмения также возлагает надежды на Азиатский банк развития, совет директоров которого в 2017 г. одобрил пятилетнюю стратегию партнерства с Туркменией, включающую помощь для строительства ТАПИ. В мае 2018 г. поступила информация о намерении Саудовской Аравии выделить средства на этот проект.

Исследователь отмечает, что проект ТАПИ изначально имел не только важное экономическое значение, в первую очередь для Туркмении и Афганистана, но и явно выраженную геополитическую окраску. Лоббируемый США, он был направлен на создание транспортных газовых потоков из стран ЦА, альтернативных российскому направлению, что должно было способствовать отрыву центральноазиатских стран от РФ. Москва не раз заявляла о готов-

ности участвовать в проекте. Вступление РФ в проект ТАПИ могло бы укрепить безопасность трубопровода и в целом усилить влияние России в регионе.

Помехой в реализации проекта ТАПИ становится конкурирующий с ним проект газопровода Иран – Пакистан – Индия, который в настоящее время реанимирован Тегераном и вызывает интерес у потенциальных инвесторов. Преимущества этого проекта заключаются в том, что он предполагает транспортировку газа не через территорию беспокойного Афганистана, а напрямую в Пакистан. Идея этого проекта возникла еще в середине 90-х годов, однако из-за разногласий между странами-участницами к его реализации так и не приступили. Иран, правда, успел проложить трубу до границы с Пакистаном. Преградой стало также противодействие Вашингтона, обусловленное его позицией по Ирану, и в частности антииранскими санкциями. Таким образом, с ТАПИ связано обострение геополитических противоречий в Южной Азии. Не исключено, как считают наблюдатели, что именно активизация Ирана на этом направлении побудила Саудовскую Аравию принять участие в финансировании ТАПИ. По их мнению, это предложение сделано по инициативе США, которые заинтересованы в том, чтобы иранский проект не был реализован. Е. Ионова отмечает, что Иран становится прямым конкурентом Туркмении и на других маршрутах экспорта газа.

Среди рисков, связанных с ТАПИ, на которые указывают эксперты, – напряженные отношения между странами – участниками проекта, что может значительно осложнить ход его реализации, а в случае его постройки – стать причиной постоянных срывов в его работе. Они считают, что Исламабад может использовать трубопровод в качестве инструмента устрашения Нью-Дели, а в ответ Индия в любой момент может выйти из ТАПИ. Однако в центре внимания остаются риски, связанные с обеспечением безопасности газопровода. При этом угрозы могут исходить не только и не столько от афганских талибов, которые даже поддержали проект ТАПИ, а в гораздо большей степени – от боевиков ИГИЛ, вытесненных из Ирака и Сирии. Таким образом, полагает исследователь, если бы не риски, связанные с проектом, он мог бы принести значительную пользу странам-участницам. Благодаря ТАПИ Афганистан смог бы получать 14 млн куб. м газа в сутки, а Пакистан и Индия – по 38 млн куб. м. Кроме того, создание газопровода могло бы улучшить внутриэкономическую ситуацию в этих странах, способствуя снижению уровня безработицы. Ожи-

дается, например, что реализация проекта сможет обеспечить работой более 12 тыс. афганцев.

Исследователь обращается также к Конвенции о правовом статусе Каспийского моря и проблеме Транскаспийского газопровода. Подписание 12 августа 2018 г. в казахстанском Актау президентами пяти прикаспийских государств – России, Казахстана, Азербайджана, Туркмении и Ирана – Конвенции стало завершением более чем 20-летней истории сложных переговоров по разделу акватории и дна Каспия, а также по вопросу обеспечения безопасности в Прикаспийском регионе. Документ узаконил доступ пяти стран к ресурсам Каспия – нефти, газу и рыбе. Большая часть акватории и биоресурсов Каспия остается в общем пользовании. Границы между территориальными водами сопредельных государств устанавливаются на основе двусторонних договоренностей. Схожим образом решена и проблема прокладки трубопроводов. Признано право Прикаспийских государств прокладывать трубопроводы по дну моря, не получая одобрения всей пятерки, а лишь на основе договоренностей со странами, через сектор которых будет проложена труба. Таким образом, документ носит компромиссный характер, и многие вопросы предстоит еще решить. Тем не менее для Ашхабада Конвенция открывает перспективы по созданию Транскаспийского газопровода (ТКГ), поскольку неурегулированный статус Каспия всегда считался главным препятствием для этого проекта.

Заключение

Если 1989 год в Туркменской ССР приоткрыл возможность реформы правления, то последующее уничтожение всех альтернатив Туркменской ССР в 1989–1991 гг. свело такую возможность на нет и определило авторитарный характер Туркменистана на несколько поколений вперед. Туркменистан в конце перестройки надолго потерял шанс стать более открытым обществом, подчеркивают сегодня политологи. Рассматривая современный этап развития страны, авторы статей показали основные моменты новой комплексной инновационной международной политики культурного объединения, заявленной Президентом Республики Туркменистан Г. Бердымухамедовым. Выделены следующие лозунги этой политики: политика государственного нейтралитета; развитие инновационного типа экономики; гармоническое соотношение добывающей, производящей и региональной транзитной экономи-

ческой политики; политика «культурного нейтралитета» в региональном масштабе; гармония политики и экономики в культурно-образовательном пространстве; инновационная политика в области международных отношений.

Успехи экономического, внутри- и внешнеполитического развития Туркменистана привели к интенсивному культурно-политическому сотрудничеству государства не только с соседними странами и традиционными партнерами, но и на уровне общемировых организаций. Туркменистан сегодня является признанной международной переговорной площадкой по большинству значимых проблем современности: экономики, экологии, международной безопасности, культурного сотрудничества. Исследователи указывают, что непрерывный рост международного авторитета принципов позитивного нейтралитета представляет собой один из неоспоримых и важных факторов успешности Туркменистана во внутреннем развитии и на мировой арене.

Обращаясь к внешнеэкономической деятельности Туркменистана, необходимо отметить приоритетное значение газовой отрасли республики. В центре внимания находятся риски, связанные с безопасностью газопроводов. Для реализации газоэкспортной стратегии Туркмении решающее значение приобретает обеспечение безопасности в стране, что напрямую связано с ее способностью отражать внешние угрозы (например, угрозы со стороны Афганистана). Ашхабад заявил о готовности сотрудничать с Россией в области безопасности. Наблюдающееся сближение двух стран, безусловно, выгодно и России, и Туркмении. Для Ашхабада это облегчает поиск компромиссов при решении спорных вопросов, связанных с продвигаемыми им проектами новых маршрутов экспорта газа. В более широком смысле – поддержка России укрепляет позиции Туркмении перед лицом внешних угроз.

Нацеленная на долгосрочные перспективы развития экономическая политика Туркменистана является взаимовыгодной как для России, получающей доход от торговли туркменскими энергоносителями и их транзита, так и для самой Туркмении, дающей ей выход на крупнейшие мировые рынки энергоносителей. Туркменистан занимает важнейшее геополитическое и геоэкономическое положение с точки зрения как интересов мировых развитых держав, так и государств Центрально-Азиатского и Каспийского регионов. Страна находится на пересечении важнейших евроазиатских торгово-экономических маршрутов, что во многом определяет современную внешнюю политику Туркменистана.

Туркменистан, лишь в конце XX в. обретший суверенитет, за 25 лет самостоятельного развития сумел не только сохранить политическую стабильность и экономическую независимость, но и стать одной из влиятельных глобальных и региональных стран. Современный Туркменистан, считают исследователи, имеет все возможности для того, чтобы его опыт государственного становления и развития, а также опыт взвешенной, бесконфликтной и гуманитарно направленной международной политики получил должную оценку экспертов по международным отношениям и стал эффективным примером в создании и реализации новых стандартов практических межгосударственных отношений.

Литература

1. Горак С. Туркменистан между 1989 и 1991 гг.: Был ли шанс альтернативного развития? // Вестник Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына. Бишкек, 2016. № 4 (87). С. 154–164.
2. Лосев К.В., Михайлов В.В. Туркменистан и глобализирующийся мир: Инновационная политика культурного объединения // Актуальные проблемы экономики и управления. Санкт-Петербург, 2017. № 4 (16). С. 121–126.
3. Ионова Е.П. Туркмения: Поиск новых газозакспортных маршрутов // Россия и новые государства Евразии. М.: ИМЭМО РАН, 2018. № 3. С. 83–96.

*Обзор написан специально
для бюллетеня «Россия и мусульманский мир»*

Дехканов М.Р.,

докторант национального университета
Узбекистан (НУУз)

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ СЕМЕЙНО- БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИСЛАМЕ (На примере Узбекистана)

Аннотация. В статье анализируется взаимосвязь процессов формирования семейно-брачных отношений и исламских ценностей на примере Узбекистана: прослеживается благотворное влияние ряда положений Корана и хадисов на укрепление семей и формирование в них здорового морально-психологического климата. Автор показывает большую ответственность родителей, а также общественности – махаллы – в деле воспитания детей.

Ключевые слова: личность; семья; воспитание; Коран; сура; духовная культура; традиции; обычаи.

При анализе процесса формирования культуры семейных отношений и этапов ее развития необходимо принимать во внимание не только влияние социально-экономических, политических, культурных факторов, но и религиозный (исламский) фактор. В современных условиях независимости большое значение приобретают не только родительские воспитание, но и общественная мысль и влияние общественности (махалли). Личность формируется в семье, достигает в ее рамках духовного и физического совершенства. Именно поэтому одной из важнейших задач является создание прочной семьи. Первый президент Республики Узбекистан И.А. Каримов отмечал, что воспитание ребенка и доведение его до зрелого сына своей Родины возлагает высокую ответственность на его родителей и на все государство [1, с. 15].

При анализе этапов формирования культуры семейных отношений в Узбекистане в современных условиях важен научный подход к такой давней традиции узбекского народа, как многодетность, и вопросам, связанным с ней.

В таких источниках ислама, как Коран и хадисы, вопросам семьи и воспитания детей уделено особое внимание. В Коране, в частности, говорится, что «...Аллах из вас создал пары, из пар воспроизвел для вас сыновей и внуков...» [2, с. 274].

В Узбекистане, где широко распространен ислам, развитие узбекской семьи исторически проходило под воздействием исламских учений. В воспитании молодежи на основе национальных и исламских ценностей, с одной стороны, между родителями и детьми формировались такие черты, как взаимоуважение и милосердие, с другой стороны, родители стремились воспитывать своих детей милосердными, трудолюбивыми, совестливыми и заботливыми. Хорошо воспитанный ребенок принесет своим родителям уважение. В узбекской семье издавна отдавалось предпочтение традиции «образование–воспитание». В исламе ценится рост и развитие здоровых детей, осуждаются действия, приносящие вред здоровью людей и ущерб их имуществу, а также сохраняется приверженность положениям Корана и хадисов, разъясняющих, где проходит грань между честными и нечестными поступками. Мусульманские семьи в Узбекистане на протяжении веков придерживались этих требований. Забота родителей о своих детях занимает большое место в традициях узбекского народа. У детей, выросших

в таких семьях, формируются трудолюбие, ответственность и милосердие в отношении родителей и младших братьев и сестер.

В истории республики прослеживается тенденция к многодетности в семье. Эта тенденция сохраняется до сих пор и оказывает воздействие на рост населения Узбекистана. Например, с 1865 по 1927 г. на каждую тысячу человек из общей массы населения рождалось 44–55 детей. За период с 1865 по 1913 г. в среднем ежегодно население Узбекистана увеличивалось на 22 тыс. человек. Также нужно отметить, что если население Узбекистана в 1865 г. составляло 3 млн 320 тыс. человек, то к 1913 г. оно достигло 4 млн 366 тыс. [3, с. 3]. Начиная с 50-х годов XX в. в различных регионах мира наблюдается ускоренный рост населения. Данные роста населения Узбекистана: 1950 г. – 3,8%; 1980 г. – 2,4; 1990 г. – 2,1; 2000 г. – 1,88% [3, с. 86]. Эти показатели свидетельствуют о росте в системном порядке в узбекских семьях количества несовершеннолетних детей. Согласно современным статистическим данным, численность детей, не достигших совершеннолетнего возраста, составляет 42% от общей численности населения Узбекистана. В связи с увеличением численности населения увеличивается и число вступающих в брак. Так, если в 2005 г. число зарегистрированных в республике браков составило 184 тыс., то в 2007 г. оно составило 542 тыс. [4]. Такое положение вещей говорит о том, что в деле воспитания молодого поколения в соответствии с требованиями сегодняшнего дня большая ответственность ложится, прежде всего, на родителей, а также в какой-то мере и на общественность (махаллю). Руководство Узбекистана, уделяя этому вопросу серьезное внимание, уже с первых лет независимости приняло ряд мер, имеющих практическое значение. В ряду этих мер: учреждение ордена «За здоровое поколение» (7 мая 1993 г.); создание фонда «Здоровое поколение». Эти меры показывают, что воспитание здорового человека является одной из важных задач в деле построения нового общества.

В нашем народе бытуют такие пословицы: «По семенам и всходы»; «Как написано на бумаге, так и будет прочтено» [6, с. 86]. Действительно, если исходить из народной мудрости, то получается, что если ребенок получает хорошее воспитание, то его родители получают благодарность общества. Важной основой воспитания детей является их приобщение к хорошим традициям. Если родители дали своему ребенку хорошее воспитание и образование, то такой ребенок по мере взросления принесет большую пользу обществу.

Формирование культуры семейных отношений на основе учения ислама нашло свое отражение в ряде аятов Корана, в положениях хадисов и некоторых нормах шариата. Мусульмане, которые их придерживаются, обретают исламскую духовность и добродетель, которые выражаются в том, чтобы нести добро родителям, быть в хороших отношениях с родственниками, участвовать в жизни семьи (делить горе и радости с членами семьи), поддерживать хорошие отношения с друзьями и соседями, сохранять вежливость в общении с людьми, остерегаться причинять зло людям, быть терпеливым в горе и страданиях, уважать честных людей, уметь прощать ошибающихся. Такие особенности, присущие менталитету узбекского народа, можно считать не только исламскими ценностями, но и национальными ценностями узбекского народа. Например, правила вежливого общения и воспитания детей присутствуют: в суре аль-Бакара – 83 аят [2, с. 12]; в суре Оли имрон – 134 аят [2, с. 67]; в суре Ибрахима – 24–25 аяты [2, с. 258–259]; в суре Нахл – 125 аят [2, с. 281]; в суре Исра – 53 аят [2, с. 287]; в суре Муминуна – 96 аят [2, с. 318] и др., в частности в 63 аяте суры Фуркан Корана говорится: «Дети Рахмана по земле ходят скромно, когда же встречают слова, брошенные жестокими людьми, отвечают им так: “Да будет здоровье”» [2, с. 365]. Из вышеприведенного следует, что воспитание детей в духе правильных нравственных отношений в семье, формирование из них достойных членов общества считается священным долгом родителей. Этот процесс реализуется постепенно.

Процесс воспитания детей в семье можно разделить на следующие этапы: 1-й этап – с момента рождения ребенка до дошкольного возраста; 2-й этап – дошкольный период; 3-й этап – школьный период. Школьный период по своему содержанию вбирает в себя широкие и сложные процессы: учеба (приобретение знаний, интерес к науке); потребность в науке (интерес к научному поиску, обогащение интеллекта); занятия спортом (футбол, волейбол, теннис, шахматы и т.д.); интерес к профессии (получение какой-либо профессии). 3-й этап базируется на фундаменте, созданном на первых двух этапах воспитания, содержанием которых является закладывание основ духовной культуры и мировоззрения. 4-й этап – углубление знаний, полученных на предыдущем этапе обучения. 5-й этап включает период, который следует после вступления в самостоятельную жизнь. На этом этапе человек применяет знания, приобретенные им на предыдущих этапах в своей семье и обществе.

В законах Узбекистана нашли свое отражение такие меры, принятые государством, как проведение медосмотров для молодых людей, вступающих в брак, и беременных женщин. Если в Узбекистане сейчас в каждой семье в городах имеется по 3–4 ребенка, в сельских семьях насчитывается по 4–5 детей. Основной упор в их развитии должен быть сделан не на количестве детей, а на качестве воспитания, которое дается им со стороны родителей. В многодетных семьях помимо экономических трудностей наблюдаются и трудности в воспитании детей в соответствии с современными требованиями. Жизненный опыт показывает и вредное воздействие частых родов на женское здоровье. В планировании семьи было бы правильно исходить не из каких-то застывших правил, а из содержания духовно-воспитательной работы. Для воспитания физически и нравственно здоровых детей в семье важна в первую очередь моральная зрелость родителей, высокий уровень их правового сознания, использование в семейном воспитании традиционных ценностей. Узбеки издавна старались решать какие-либо проблемы в семье с помощью общественности, соседей и, конечно же, мирным путем. В исламе в развитии семейных отношений важное место занимает духовная среда в семье. С позиций ислама люди разделяются на хороших и плохих в зависимости от присущих им качеств, таких как поведение, образ жизни, поступки, манера общения и др. В исламе обосновывается положение добра – надо делать добро людям, и это считается чертой достойного человека. Одной из важнейших задач Узбекистана является создание прочной семьи, поэтому использование исламских ценностей приобретает такое важное значение.

Литература

1. *Ганиева Д., Гафурова З.* Человек рождается для счастья. (Из мудрых слов Президента Узбекистана Ислама Каримова). Ташкент: Шарк, 1998.
2. Переводы и разъяснение смыслов аятов (тафсир) Абдулазиза Мансура. Ташкентский Исламский университет, 2007.
3. Демография Узбекистана. Ташкент, УзМУ, 1990.
4. Статистический комитет Республики Узбекистан. 8 марта 2009 г. № 01/3-12-06-15.
5. *Абдусаметов Н.А.* Социально-философские вопросы экономической безопасности (социально-философский анализ). Ташкент, 2008.
6. *Васиков М.* Семья и закон. Ташкент: Адалат, 1996.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Ниязи А. Ш. ,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Центра изучения Центральной Азии,
Кавказа и Урало-Поволжья
(Институт востоковедения РАН)

СИРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ ПОТЕРИ ВОЙНЫ

***Аннотация.** В статье на основе докладов ООН и данных авторитетных международных организаций представлены предварительные результаты гуманитарных потерь в Сирии начиная с 2011 г. Рассматриваются проблемы снижения качества жизни по индикаторам человеческого развития, разрушения социальных институтов, массового перемещения беженцев.*

***Ключевые слова:** индекс развития человеческого потенциала; качество жизни в Сирии; насильственные и вооруженные конфликты; беженцы; гуманитарные потери; уровень бедности; продовольственная безопасность.*

Окончательно измерить разрушительные итоги войны в Сирии пока не представляется возможным. Хотя ширококомасштабные военные действия завершены, угли насильственного конфликта еще тлеют в отдельных районах страны и продолжают приносить сирийцам многочисленные страдания. Тем не менее предварительные результаты этой гуманитарной катастрофы XXI в. выглядят ужасающе. В довоенное время Сирия была достаточно благополучной в экономическом плане страной со средним уровнем доходов, но уже в конце 2014 г. четверо из пяти сирийцев жили в бедности, 64,7% – в условиях крайней бедности. Эти люди были не в состоянии обеспечить основные нужды, необходимые для выживания домохозяйств, и не имели возможности удовлетворить

собственные базовые потребности, в том числе в питании. 30% населения оказались в условиях крайней нищеты, многие из которых испытывали хронический голод в тяжелых формах¹.

Согласно последнему докладу Программы развития ООН по человеческому развитию, опубликованному в 2018 г., уровень качества жизни граждан САР в период 2012–2017 гг. в мировом рейтинге по индексу человеческого развития (ИЧР) опустился на 27 позиций. Тем самым Сирия продемонстрировала самый высокий показатель в мире по степени резкого общественного регресса. Следом идут охваченные вооруженными конфликтами Ливия и Йемен. Качество жизни в них за тот же период в мировом рейтинге по ИЧР снизилось на 26 и 20 пунктов соответственно². Напомним, что индекс человеческого развития рассчитывается по таким базовым измерениям благополучия людей, как: долгая и здоровая жизнь, продолжительность и уровень образования, валовый национальный доход на душу населения, уровень бедности, безопасности и неравенства, в том числе гендерного, экологическая обстановка, состояние прав и возможностей граждан, социально-экономическая устойчивость³.

По оценкам специалистов Всемирного банка, на начало 2017 г. в Сирии во время войны погибли от 400 до 470 тыс. человек, 7% жилого фонда было уничтожено и 20% частично повреждено, повреждено или полностью разрушено примерно около половины медицинских и образовательных учреждений. С 2011 г. по конец 2016 г. совокупные потери в ВВП составили 226 млрд долл., что примерно в 4 раза превысило ВВП Сирии в 2010 г. Более

---

¹ 2016 Syrian Arab Republic Humanitarian Needs Overview. UN OCHA. 2017. P. 28.

² Human Development Indices and Indicators. 2018 Statistical Update. Published for the United Nations Development Programme (UNDP). One United Nations Plaza, NY 10017. P. 2–3.

В электронном виде текст доступен на: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update.pdf (Дата обращения: 03.01.2019.)

В 2012 г. САР занимала 128-е место в рейтинге по ИЧР и входила в группу со средним уровнем человеческого развития. Но после нескольких лет конфликта она в 2017 г. скатилась на 155-е место из 189 стран – в группу государств с низким уровнем человеческого развития.

³ Более подробно об индикаторах ИЧР и методике расчетов см.: *Ниязи А.Ш.* Отчет ПРООН по развитию человеческого потенциала 2018: Тенденции и показатели в мире и России // Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем. – М., 2018. – № 4. – С. 5–12.

половины жителей страны были вынуждены покинуть свои дома, что стало крупнейшим со времен Второй мировой войны кризисом, связанным с беженцами. По данным доклада Всемирного банка, в первые пять лет конфликта ежегодно уничтожалось в среднем 538 тыс. рабочих мест. В 2015 г. уровень безработицы среди молодежи достиг 78%, 6,1 млн молодых сирийцев не работали и не обучались в какой-либо форме, примерно шесть из каждых десяти граждан САР жили в крайней бедности. Ущерб, нанесенный инфраструктуре, привел к общему ухудшению здоровья населения по всей стране и к возобновлению распространения таких инфекционных заболеваний, как полиомиелит. Данные на начало 2017 г. показывают, что больше сирийцев погибло из-за недоступности медицинской помощи, нежели непосредственно вследствие боевых действий. Совокупные потери ВВП в результате перебоев в социально-экономической системе в 20 раз превышали потери, вызванные физическим разрушением в течение первых шести лет конфликта. Эти сбои снижали стимул к участию в производственной деятельности, прерывали экономические связи и цепочки поставок. Разрушение социальных и экономических структур и взаимоотношений, утрата доверия, объединяющего людей, являются более значительными факторами, препятствующими восстановлению страны, чем физический ущерб. Их восстановление станет более трудной задачей, нежели восстановление материальной инфраструктуры, приходят к выводу аналитики Всемирного банка¹.

Действительно коллективные потери человеческого капитала могут восстанавливаться довольно длительное время – в течение жизни нескольких поколений. Есть основания надеяться, что в Сирии этот процесс не растянется на столь длительный период. Тем не менее в планировании развития страны следует учитывать неизбежную нехватку профессиональных навыков сирийских граждан, возникшую в результате оттока высококвалифицированных специалистов, высокого уровня безработицы (57% от трудоспособного населения в 2017 г.), продолжительного отсутствия должного школьного и иного образования, недоедания, вызывающего у детей задержки роста и развития, исхода за рубеж более 5 млн беженцев. В самой Сирии внутренне перемещенных лиц, покинувших во время войны свои дома, насчитывается около

---

¹ The Toll of War. The Economic and Social Consequences of the Conflict in Syria. The World Bank. 2017. P. ii–iii, v–vi, viii–ix.

6 млн человек. Массово перемещающееся население (всего более 60% граждан САР) оказывало сильное давление на ресурсы принимающих сообществ и стран.

Бедствия войны в Сирии вызвали негативные гуманитарные сдвиги в близлежащих государствах. Исход сирийцев преимущественно в соседние государства привел в некоторых из них к осязаемой напряженности на рынках жилья и труда, снижению качества и доступности общественных услуг, отсутствию продовольственной безопасности. По оценкам Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), на середину 2017 г. на территории прилегающих к Сирии стран Ближнего Востока и Северной Африки, а также в Турции находились 5,05 млн зарегистрированных сирийских беженцев. Для сопоставления в диспропорции по сравнению с Европейским регионом специалистами УВКБ ООН отмечается, что за период с апреля 2011 по май 2017 г. в Европе гражданами Сирии было подано 884 461 ходатайство о предоставлении убежища. Наиболее сложная обстановка в связи с принятием беженцев сложилась в Ливане. Хотя страна не была напрямую втянута в сирийский конфликт, она остро ощутила его деструктивные побочные результаты. На 30 июня 2017 г. в Ливане было зафиксировано 1 011 366 зарегистрированных сирийских беженцев (99% от количества всех беженцев). Они составили 23% от местного населения довоенного времени¹.

Кризис в САР оказал на Ливан исключительно ощутимое воздействие. Так как ливанская экономика была теснейшим образом связана с сирийской, с началом конфликта последовал резкий спад темпов роста. Если в предкризисные годы этот показатель находился на уровне 10%, то в 2011–2014 гг. колебался в диапазоне 1–2%. Оказались прерваны привычные торговые пути, доверие инвесторов и потребителей было подорвано, снизился уровень безопасности. С 2013 по 2014 г. объемы экспорта и прямых иностранных инвестиций упали на 25%, туризм с начала кризиса сократился на 60%. Государственный долг к середине 2014 г. достиг 141% ВВП. С притоком сирийских беженцев предложение на рынке труда увеличилось на 50%, число учащихся государственных школ выросло на 30–35%. Возник пиковый спрос на услуги

---

¹ Regional Overview of Food Security and Nutrition – Building Resilience for in Times of Conflict and Crisis: Food Security and Nutrition a Perspective from the Near East and North Africa (NENA) Region, Food and Agriculture Organization of the United Nations. – Cairo, 2017. – P. 6–7, 42.

государственного здравоохранения. Непропорционально сильное воздействие кризис оказал на и без того уязвимые домохозяйства. Этому способствовали не только рост конкуренции на рынке неквалифицированного труда и непомерно высокий спрос на государственные услуги, но и тот факт, что половина беженцев проживала в трети наиболее бедных районов страны. Согласно подсчетам Всемирного банка, вследствие сирийского конфликта доля населения, живущего в нищете, к концу 2014 г. составила 3,9%. Бедняки в Ливане стали еще беднее¹. Таким образом, война в Сирии обострила и без того напряженную внутреннюю ситуацию в межобщинных отношениях в Ливане.

Сирийский конфликт, поначалу носивший внутреннюю направленность, очень быстро приобрел трансграничный, региональный характер и перешел на международный уровень. Параллельно этой тенденции он становился более сложным и все больше приобретал затяжную форму. Возрастало его разрушительное кумулятивное воздействие на экономику, инфраструктуру, продовольственные системы, сельскохозяйственное производство, социальные институты и в целом на способность людей преодолевать потрясения. Огромные гуманитарные потери войны в Сирии – это беда не только ее граждан, она эхом разносится через границы и континенты.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

**2019.01.008. Нефляшева Н.А. КАК ЖИВУТ
В ТУРЦИИ «НОВЫЕ МУХАДЖИРЫ»
ИЗ РОССИИ: МИГРАЦИЯ РОССИЙСКИХ
МУСУЛЬМАН В 2000-е ГОДЫ // Азия и Африка
сегодня. М., 2018, № 8, с. 27–34.**

Ключевые слова: Турция; Россия; Северный Кавказ; временная миграция российских мусульман; «новые мухаджеры»; ислам.

---

¹ Special Focus Lebanon. Is the Syrian Crisis Jeopardizing the Economy and Food Security in Lebanon? Fighting Hunger Worldwide. VAM Food Security Analysis. WFP. Rome2014.

https://documents.wfp.org/stellent/groups/public/documents/ena/wfp269259.pdf?_ga=2.35510690.2014739863.1547719157-1532436488.1547546396 (Дата обращения: 17.01.2019.)

Нефляшева Н.А.,

кандидат исторических наук, доцент,
Институт Африки РАН

В статье проанализированы причины миграции российских мусульман в Турцию, выделены группы так называемых «новых мухаджиров»¹.

В Новейшее время, отмечает исследователь, российские мусульмане начали приезжать в Турцию еще в 1990-е годы, в период чеченских войн, и в 2000-е. Среди мусульман, прибывших в Турцию в 2013–2015 гг., около 10% приехали из-за симпатий к радикальным группам и для дальнейшего транзита в ИГИЛ. Группа мусульман, стоящая на радикальных позициях, сосредоточена в основном в районе Каяшехир в Стамбуле и в Ялове. Поток таких людей из Дагестана в 2012–2016 гг. существенно возрос. Вторая группа – это мусульмане, приехавшие в Турцию для ведения бизнеса; в их переезде нет никаких религиозных и психологических причин. Наконец, самая многочисленная группа приезжает по социально-психологическим причинам из-за бытового дискомфорта, невозможности открыто демонстрировать свою религиозную идентичность (например, носить бороду или хиджаб) и периодических сложностей с отправлением своих религиозных практик (в случае если они принадлежат к салафитским мусульманским общинам, неподконтрольным духовным управлениям мусульман в регионах).

В основном эмигрируют мужчины, молодые семьи с детьми школьного и дошкольного возраста, вдовы боевиков, ликвидированных во время контртеррористических операций в 2010-е годы. Средний возраст уехавших – 30–40 лет. Относительное экономическое благополучие для «новых мухаджиров» в Турции не

---

¹ Новые мухаджеры – обозначение, которым называют себя мусульмане из России, эмигрировавшие в Турцию в 2000-е годы и по настоящее время. (Прим. авт. ст.). Наименование отсылает к хиджре, т.е. переселению Пророка Мухаммада и его сторонников из Мекки в Медину (Йасриб). Причиной хиджры была неудача многолетней проповеди в родном городе. Поиск последователей за его пределами привел Мухаммада к соглашению с арабами Йасриба, признавшими его третейским судьей и своим вождем. Хиджра сыграла решающую роль в формировании и распространении ислама: разрыв родственных связей вывел мусульманскую общину из узких рамок одного племени, создав условия для превращения ее в государство, дискуссии с иудеями Йасриба способствовали выработке религиозной доктрины. См.: Аль-Хиджра // Ислам. Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – С. 278.

в последнюю очередь также оказывается значимым фактором при принятии решения об эмиграции. Дискурс Турции как процветающей и комфортной для мусульман страны характерен для обсуждений в специальных группах «новых мухаджиров» в Фейсбуке.

Социализация и интеграция российских мусульман в Турции, пишет автор, начинается с оформления правового статуса. Закон «Об иностранцах и международной защите» (2014) в соответствии со стандартами ЕС и международными правовыми нормами определяет правила нахождения нерезидентов на территории Турции, правила въезда в страну, процедуру выдачи визы и вида на жительство (ВНЖ), а также причины и порядок депортации. В связи с сирийскими событиями и потоками беженцев в Турцию закон особое внимание уделил беженцам и их миграционным правам. Статус нелегального мигранта по этому закону присваивают не только тем, кто пересек границу без документов, но и иностранцам, просрочившим визу, ВНЖ или разрешение на работу.

Мухаджиры предпочитали по окончании безвизового пребывания в Турции, составляющего для россиян 60 дней, оформлять кратковременный, сроком до двух лет, вид на жительство – «туристический икамет». Его можно было продлевать каждый раз на один год, не выезжая из Турции и оформляя документы онлайн. С апреля 2018 г. были введены изменения в миграционном законодательстве Турции. По новым правилам нельзя оформлять «туристический икамет» повторно. Для иностранных граждан это означает, что в следующий раз они должны подать заявление на получение вида на жительство другой категории. Отменено онлайн-получение ВНЖ, отныне соискатель должен являться на собеседование в отделение миграционной службы лично, предварительно подав электронную заявку.

Почти все мухаджиры из России, замечает исследователь, находятся в Турции по туристическому ВНЖ, что не дает права на работу. Разрешение на работу для иностранных граждан выдается Министерством труда и социального обеспечения Турции. Разрешения на трудовую деятельность для иностранных граждан в Турции делятся на четыре вида: временное разрешение на трудовую деятельность; постоянное разрешение на трудовую деятельность; разрешение на независимую трудовую деятельность; исключительные разрешения на работу. Постоянное разрешение на трудовую деятельность выдается, если иностранный гражданин законно и непрерывно жил в Турции на протяжении восьми лет или в разные периоды в общей сложности отработал шесть лет. Разрешение

на независимую трудовую деятельность выдается, если иностранные граждане прожили в стране непрерывно в течение пяти лет и если их трудовая деятельность будет эффективна для экономики страны.

Мухаджиры, работающие официально, социально защищены – получают медицинскую страховку на всю семью, регулярные выплаты в случае болезни. Но таких среди мухаджиров единицы, и не только из-за сложностей в получении разрешения на работу, но и из-за высокой конкуренции с турками во всех сферах деятельности от сельского хозяйства до высоких технологий. Большая часть «новых мухаджиров» работает нелегально – открывают ресторанчики, работают в кафе по доставке пиццы, в автосервисах, на стройках, и т.п. Женщины, как правило, не работают, иногда нанимаются сиделками, помощницами по дому. Как оказывается, только единицы из мухаджиров поступили в докторантуры в турецких университетах и получили соответствующие стипендии.

Одной из попыток создания интеллектуального продукта, в котором оказались задействованы российские мухаджиры, Н. Нефляшева называет амбициозный проект Salamword, социальная сеть для мусульман; ее планировалось запустить еще в 2012 г. Руководил проектом президент Исламского культурного центра России – Общественного крыла Союза муфтиев России Абдул-Вахед Ниязов, а значительную часть капитала на его развитие предоставили частные инвесторы из России и Казахстана. Инициаторы проекта позиционировали его как площадку альтернативной жизни мусульман в виртуальном пространстве «без границ». Предполагалось, что система будет работать на английском, арабском, персидском, турецком, русском, французском, урду и малайско-индонезийском языках и станет не только социальной сетью для мусульман, местом публичных дискуссий и источником информации о новых сервисах и приложениях для мусульман, но и инструментом трансформации и развития мусульманских сообществ. В настоящее время проект заморожен.

Более успешным является проект первой бесплатной исламской русскоязычной онлайн-академии «Медина», автор которого директор академии – бывший муфтий Республики Северная Осетия-Алания Али-Хаджи Евтеев. Академия начала работать с сентября 2017 г. Она имеет три образовательных ступени – школу, институт и курсы по специализированным направлениям. Через неделю после открытия академии она насчитывала уже более 2500 студентов из России, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Турции

и других стран. Большую часть студентов – 34,6% – составляют молодые люди в возрасте 22–29 лет. «Медина» предоставляет ученикам комплексную исламскую программу, т.е. обучение тафсиру, сире, хадисам, исламской этике (адаб), арабскому языку, акыде и др. Студент академии может выбрать себе программу по одному из трех мазхабов – ханафитскому, шафиитскому, ханбалитскому. Основная аудитория академии – будущие имамы, будущие преподаватели медресе и все, кто хотел бы получить начальные знания об исламе. По окончании школы выпускникам предоставляется диплом, в данное время он не сертифицирован.

Языковая адаптация проходит, как правило, без особых проблем. Турция предоставляет широкие возможности для обучения иностранцев турецкому, в каждом районе Стамбула есть курсы для иностранцев, причем в одном районе может работать несколько курсов. Существуют дорогостоящие государственные языковые курсы, а также программы российского языкового центра «Диалог» (ТОМЕР). Мухаджиры обычно предпочитают курсы с символическими ценами при общественных организациях. Так, в общественной организации российских мухаджиров «Источник знаний» турецкому обучает дипломированный русскоязычный специалист. Специальные курсы для женщин и мужчин проводятся на площадке организации русскоязычных мухаджирок – «Женский клуб Умма».

Турецкое законодательство, подчеркивает исследователь, предполагает регистрацию общественных организаций (дернек) без бюрократической волокиты, что дает возможности для быстрой самоорганизации мухаджиров. Наиболее активна зарегистрированная некоммерческая организация русскоязычных мусульман «Источник знаний» в Стамбуле, оказывающая консультации по вопросам проживания, образования, медицинского обслуживания и пр. Коммуникация мухаджиров поддерживается и через социальные сети – группы в ВКонтакте и Фейсбуке.

В течение последних двух лет в Стамбуле появились женские общественные организации русскоязычных мусульманок. Они занимаются организацией различных курсов, устраивают благотворительные мероприятия. Женщины-мухаджирки создали Исламский образовательный центр Аль-Худа, действовавший в 2015–2016 гг. В мусульманской школе дети изучали основы ислама и Коран, тафсир, хадисы, сиру, а также математику, русский язык и литературу, окружающий мир, биологию. Школа периодически закрывалась из-за недостатка средств. Мухаджиры попытались

создать и свой детский сад, где дети обучались Корану, русскому и арабскому языкам.

В сентябре 2017 г. в Стамбуле состоялся съезд общественных организаций мухаджиров России (Кавказа и Татарстана), Египта, Средней Азии, Турции, Мали, Ганы. Участники съезда подчеркнули, что основными проблемами мухаджиров являются легализация проживания в Турции; получение медицинской помощи; образования; случаи депортации; необоснованные преследования турецких спецслужб. На съезде было принято решение о создании Федерации общественных организаций переселенцев под названием «Dunya Muhacirler Federasyonu» (Федерация мухаджиров мира).

В заключение автор статьи ставит вопрос – насколько обоснованно называть российских мигрантов в Турцию «новыми мухаджирами»?

Хиджра, как известно из истории ислама, – это выселение, вынужденная эмиграция. Однако часто те, кто называет себя «мухаджирами», имеют бизнес в России и свободно курсируют между странами. Сегодня представляется возможным говорить о дальнейшем усилении миграционного потока российских мусульман в Турцию. По утверждению исследователя, эмиграция российских мусульман в Турцию отражает существование серьезной методологической проблемы – наличие в официальном политическом дискурсе методологически неработающих категорий «традиционный ислам» и «новый ислам», «традиционное духовенство». В исламской политике РФ, считает автор статьи, отсутствует методологический подход в отношении «новых мусульман» (не придерживающихся радикальных взглядов) – способов их интеграции в политическую и социальную жизнь и использование их как ресурса общественной стабилизации. Акции в Дагестане, Чечне, КБР, Поволжье в виде закрытия мечетей, задержаний мусульман по признаку ношения бороды или хиджаба, судебных запреты на мусульманские книги, запреты ношения хиджаба все более выталкивают «новых мусульман» (салафитов) из РФ и способствуют их миграции в Турцию для реализации собственного «проекта жизнеустройства». В связи с экономическим кризисом в республиках СКФО ожидается сокращение бюджетных поступлений и ухудшение качества жизни. В таких условиях миграция мусульман в Турцию из этого региона будет возрастать, заключает Н. Нефляшева.

Автор реферата В.Н. Сченснович

Бибикова О.П.,
кандидат исторических наук
(Институт востоковедения РАН)
ПЕРЕСТРОЙКА В КОРОЛЕВСТВЕ
САУДОВСКАЯ АРАВИЯ

Аннотация. В Саудовской Аравии произошли изменения в порядке наследования. Вопреки сложившемуся обычаю передачи власти по старшинству от брата брату, последний король уже назначил наследным принцем своего сына.

Ключевые слова: престолонаследование; лествичное право; модернизация; король Салман ас-Сауд; наследный принц Мухаммад ибн Салман ас-Сауд.

Самое консервативное мусульманское государство – Саудовская Аравия – вошло в эпоху перемен. Дело в том, что вопреки устоявшейся традиции, сегодня у руля управления государством стоит молодой и амбициозный принц Мухаммад ибн Салман ас-Сауд. Его отец – король Салман – остается главой государства, однако реформами руководит принц. Впрочем, первую реформу осуществил сам король Салман (1935 г. р.), сын покойного короля Абдаллы ибн Абдул Азиза и Фахды, его 8-й жены, пришедший к власти 23.01.2015 г.

Надо отметить, что внутри Королевства потребность в реформах ощущалась давно. Да и за рубежом ждали перемен в Королевстве. Вот что писала газета «Нью-Йорк Таймс» в 1964 г. в связи с приходом во власть короля Фейсала: «Финансовая стабильность, абсолютное отсутствие долгов, постоянно растущие доходы от продажи нефти позволят Саудовской Аравии осуществить радикальную модернизацию...»¹.

Однако, как отмечал российский исследователь Косач, «прекращение в первой половине 1980-х годов роста цен на нефть завершило эпоху процветания и беспрецедентных финансовых накоплений. В конце последнего десятилетия истекшего века Все-

---

¹ Цит. по: Gros M. Faycal d'Arabie, Les dix ans d'un regne. – Paris-Londres-Rome, 1976. – P. 49.

мирный банк определял Саудовскую Аравию как государство со средним уровнем доходов»¹.

Еще в 1990 г. к руководству страны обратились с петицией видные представители саудовского общества (политики, ученые и т.д.), которые были озабочены коррупцией и некомпетентностью чиновников. Особенно неприглядно выглядело состояние Саудовской армии, вскрывшееся после нападения Ирака на Кувейт. Аль-Бассам Б.А. из Университета Райса (Хьюстон) пишет: «Оказалось, что саудовская армия... не в состоянии в случае необходимости самостоятельно защитить страну, что и вынудило Саудов обратиться с просьбой о поддержке к США и Великобритании»². Потребность в реформах вновь стала ощущаться с наступлением «арабской весны».

«Арабская весна», прокатившаяся по ряду стран, в первую очередь вовлекла в свои ряды молодежь. В Саудовской Аравии 73% населения не достигли 29 лет, 45% – 14 лет (по данным на 2009 г.)³. При помощи реформ короля династии аль Ас-Сауд уже не раз пытались сгладить общественные конфликты, ибо при достаточно высоком уровне безработицы среди молодежи ситуация чревата серьезными общественными потрясениями.

Как отмечает Г. Косач, еще в период правления короля Фахда (1982–2005) «внутренняя и внешняя политика Саудовской Аравии окончательно сформировалась. Ее содержание – продолжение экономической модернизации и общественно-политических реформ в рамках консервативно-охранительной политики»⁴. При нем к управлению государством был привлечен «новый “образованный класс”, возникший в ходе модернизации». В основном это «выпускники западных университетских центров, накопившие опыт предшествующей работы в государственных учреждениях или частных компаниях, в сфере госуправления, высшего образования и предпринимательства»⁵.

При преемнике Фахда, короле Абдалле, новшества стали проникать в саудовский социум. В 1990-е годы была принята первая

---

¹ Косач Г. Саудовская Аравия: Реформы и стабилизация // http://globalaffairs.ru/number/n_5744

² *Albassam B.A.* Political reform in Saudi Arabia: Necessity or luxury? J. of South Asian and Middle Eastern studies. – Villanova, 2012. – Vol. 35, N 3. – P. 5.

³ Ibid. – P. 8.

⁴ Косач Г. Саудовская Аравия: Реформы и стабилизация // http://globalaffairs.ru/number/n_5744

⁵ Там же.

в истории страны Конституция (на самом деле это Свод основных законов страны); была открыта для зарубежных инвесторов фондовая биржа; реформированию подверглись система налогообложения и таможня. В 2005 г. были проведены выборы в местные советы; Королевство вступило в ВТО; в 2007 г. были приняты законы против коррупции, оказавшиеся, однако, неэффективными.

Напомним также, что король Абдалла отменил традиционное целование рук, заменив его рукопожатием. Впрочем, во время некоторых церемоний, например похорон, на которых присутствуют только мужчины, принося соболезнования, саудовцы традиционно целуют родственников усопшего в плечо. Но более важным стал запрет членам королевской семьи использовать средства казны для своих личных нужд. Банкам было разрешено отклонять прошения о займе, поступающие от членов королевской семьи, если у них нет положительной кредитной истории. По приказу короля саудовским юношам, желавшим получить образование за рубежом, стали выделяться средства, позволявшие им учиться в престижных вузах Европы и США. В самом Королевстве был также организован Университет науки и техники имени короля Абдаллы, в котором учились также девушки. Более того, на пост заместителя министра по делам девушек (!) была назначена женщина – принцесса Нора бинт Абдалла ибн Мусайд Аль-Фаиз. Женщинам также позволили участвовать в муниципальных выборах. Король лично профинансировал строительство метро в Эр-Рияде. А в 2007 г. король встретился в Ватикане с Папой Римским Бенедиктом XVI, что дало надежду христианам построить в Саудовской Аравии хоть одну церковь...

В день коронации нового короля Салмана ибн Абдаллы (23.01.2015) по традиции был объявлен и новый наследный принц. Им стал брат короля Абдаллы принц Мукрин ибн Абдул-Азиз (1945 г. р.), образованный человек: он учился в колледже Военно-воздушных сил (Корнуэлл, Великобритания), а также в США. Кроме того, в течение семи лет он возглавлял Службу общей разведки Королевства. Вместе со званием наследного принца он получил должность 1-го заместителя премьер-министра, т.е. самого короля, так как по закону (с 1960 г.) премьер-министром является сам король. Однако принц Мукрин был последним претендентом на престол из сыновей первого короля-основателя Саудовского государства.

Уже через три месяца (29.04.2015), согласно указу короля, на пост наследного принца был назначен принц Мухаммад ибн Наиф

(1959 г. р.). До этого он, будучи заместителем министра внутренних дел, считался вторым наследником трона (заместителем наследного принца) после своего единокровного дяди наследного принца Мукрина. Наблюдатели отмечали, что краткость пребывания принца Мукрина в роли наследного принца свидетельствует о том, что он изначально был временной фигурой. Дело в том, что Мукрин, младший сын короля Абдул Азиза ас-Сауда и наложницы Бараки аль-Йаманийя, был йеменского происхождения. У него не было шансов стать королем, так как он не был представителем влиятельного клана, несмотря на то что он имел весомый послужной список.

Что касается принца Мухаммада ибн Наифа, то его назначение наследным принцем было встречено с большим удовлетворением в США. Бывший директор ЦРУ М. Хайден назвал его одним из пяти «значимых защитников мира»¹. И тем не менее 21 июня 2017 г. было объявлено о новом королевском декрете, согласно которому принц Мухаммад ибн Наиф был смещен с поста наследного принца и министра внутренних дел Саудовской Аравии. В этой связи в США даже опасались, что «отставка бен Наифа может негативно повлиять на взаимоотношения Вашингтона и Эр-Рияда в сфере безопасности»². Интересно отметить, что смена наследника случилась через две недели после визита президента США Дональда Трампа с семейством (включая зятя Дж. Кушнера) в Эр-Рияд.

Сеньорат или лестничное право

Прежде чем перейти к изучению причин столь значимых отставок в саудовском королевском доме, попытаемся разобраться в принципах наследования, практикуемых (или практиковавшихся до недавнего времени) в Королевстве. Дело в том, что королевская династия Саудовской Аравии придерживается родового принципа наследования – сеньората или лестничного права, – согласно которому братья правящей семьи являются, образно говоря, «совладельцами власти». Сначала последовательно, но не без исключений, власть наследуют брат за братом (по старшинству), затем

---

¹ *Hayden M.* The World's 7 Most Powerful Defenders and Offenders Forbes. 01.02.2011.

² США недовольны будущим правителем Саудовской Аравии // <https://vz.ru/politics/2017/7/19/879352.html>

племянники и т.д. Аналогичная система престолонаследования имела место и в других государствах – в Тюркском и Хазарском каганатах. На Руси подобная практика существовала до XIV в.

В семье Аль ас-Сауд именно принц Мукрин был последним из ныне живущих братьев – сыновей первого саудовского короля ибн Сауда. Затем наступила очередь его внуков, т.е. племянников последнего короля.

Сегодня саудовская королевская семья насчитывает от 15 до 22 тыс. человек в семи или восьми поколениях, потомков короля Абдул Азиза ибн Сауда. Однако из них только 2 тыс. причастны к властным структурам и имеют возможность контролировать богатства страны. Члены семьи взяли на себя управление государством, именно они занимают министерские и губернаторские посты, возглавляют крупные компании, определяют направление развития страны и решают возникающие проблемы во внутренней и внешней политике, распоряжаются государственным сектором национальной экономики. Естественно, что по разным причинам не все могут претендовать на трон, но некоторые из них (примерно 60 человек) могли считать себя возможными претендентами.

Пороки системы лестничного права очевидны – к власти зачастую приходят престарелые и больные люди. На начало правления королю Абдул Азизу (1880 г. р., время правления 1932–1953) было 52 года, Халиду (1913 г. р. – 1975–1982) – 62 года, Фахду (1921 г. р. – 1982–2005) – 61 год, Абдалле (1924 г. р. – 2005–2015) – 81 год. Нынешний король Салман (1935 г. р.) пришел к власти в возрасте 80 лет. Два короля – Сауд (1902 г. р. – 1953–1964) и Файсал (1906 г. р. – 1964–1975) – были отстранены от власти. Первый – в результате переворота, устроенного его братом Файсалом, бывшим в тот период премьер-министром (последним принцем в этой должности). Причины переворота из-за закрытости Саудовской Аравии долгое время были неизвестны. По прошествии более 50 лет исследователи считают, что причиной отстранения от власти короля Сауда было его желание передать трон сыну, а не брату. Пришедший после Сауда к власти король Файсал был убит племянником, мстившим за гибель своего брата, случайно застреленного полицейским в августе 1965 г. во время протестов против организации телевидения в стране¹. Сауду на день восшествия на престол был 51 год, а Файсалу – 58 лет.

---

¹ Первый саудовский телевизионный канал «Око пустыни» начал работу в 1964 г.

Кроме того, в соответствии с системой лествичного права некоторые из братьев вообще могут не дожидаться своей очереди. Дело в том, что саудовские короли традиционно женились (и разводились) неоднократно и обладали наложницами, что гарантировало им большое количество наследников. У основателя династии было 45 сыновей от 12 жен¹, а у доживавшего свои дни в Греции смещенного короля Сауда в общей сложности было 115 детей. У покойного короля Абдаллы было 15 сыновей.

Нынешний король Салман получил трон только потому, что два его старших брата – принц Султан и принц Наиф – скончались, еще будучи наследными принцами. Причем первый был уже в весьма преклонном возрасте – ему было 80 лет, а второму – 73 года.

21 июня 2017 г. жители Королевства узнали, что отныне, согласно указу короля, наследным принцем вместо Мухаммада ибн Наифа назначен не очередной племянник, а Мухаммад ибн Салман ас-Сауд, сын нынешнего короля Салмана, которого в западных СМИ называют МБС. Он является внуком первого короля государства ибн Сауда, т.е. представителем третьей линии наследования. В случае если бы сохранялась прежняя традиционная система, принцу Мухаммаду ибн Салману пришлось бы еще долго ждать своей очереди.

Это не первый конфликт из-за престолонаследия в Саудовской Аравии. В 1890-е годы Саудида были оттеснены от власти династией Ар-Рашид. В конце концов Саудидам удалось захватить Эр-Рияд, и в 1932 г. на карте Аравийского полуострова появилось Саудовское Королевство. Для того чтобы обезопасить себя от попыток соперничающих кланов прорваться к власти, король Абдул Азиз ас-Сауд стал заключать браки с женщинами из крупнейших конфедераций аравийских племен. Ряд исследователей считает, что Саудида таким образом нарушали заповедь шариата, согласно которой мусульманин может иметь одновременно только четырех жен (см.: Коран, сура Женщины, аят 3).

Решение короля Салмана о назначении наследником своего сына было неоднозначно встречено в Королевстве и за рубежом. Многие наблюдатели считают, что до сих пор династия являлась

---

¹ Различные источники приводят разные данные о количестве сыновей основателя Саудовского Королевства (от 35 до 45). США недовольны будущим правителем Саудовской Аравии. 20.07.2017. <http://geo-politica.info/ssha-nedovolny-buduschim-pravitelem-saudovskoy-aravii.html>

тем, что объединяло население четырех исторических областей Аравийского полуострова. Династия, где практически все племена были представлены за счет жен из разных аравийских племен и сыновей саудовских монархов, была стержнем государственной власти. По мнению некоторых исследователей, отказ от этого принципа может свергнуть страну в период нестабильности.

Впрочем, король Салман позаботился о том, чтобы население страны отнеслось лояльно к его нововведениям. Буквально через два дня после восшествия на престол был обнародован указ, в соответствии с которым все госслужащие, пенсионеры и студенты получили в качестве дара денежную премию в размере двух месячных выплат. На это было выделено 30 млрд долл. 500 тыс. саудовским гражданам были прощены долги на сумму 133 тыс. долл. Иностранцам, находившимся в саудовских тюрьмах, заключение заменялось депортацией из страны с запретом повторного въезда. Король также выделил 20 млрд долл. на строительство опреснительных станций, которые должны обеспечить население питьевой водой. Финансовую поддержку получили зарегистрированные литературные клубы, а также клубы суперлиги чемпионата Королевства по футболу. Таким образом, практически все граждане получили от короля денежное пособие¹.

Приход к власти Салмана ибн Абдул Азиза ас-Сауда означает еще большее укрепление клана Судайри². Если бы после него власть перешла к принцу Мухаммаду бен Наифу, то на приближение к трону мог бы претендовать клан Шаммар. Однако назначив наследником своего сына, король Салман лишил клан Шаммар перспективы усилить свое влияние³ и одновременно сохранил привилегированное положение клана Судайри. Клан Судайри считается самым сильным в стране. К нему принадлежали Сарах ас-Судайри, мать короля Абдул-Азиза, а также его любимая жена Хасса бинт Ахмед (приходившаяся супругу двоюродной племян-

---

¹ Указ короля Саудовской Аравии шокировал всю страну и планету // <https://puls-planeta.ru/blog/43780008035/Ukaz-korolya-Saudovskoy-Aravii-shokiroval-vsyu-stranu,-a-zatem-i>

² К клану Судайри принадлежали семь сыновей первого короля Саудовской Аравии от его жены Хассы бинт Ахмад ас-Судайри (1900–1969). Среди них король Фахд (1921–2005) и нынешний король Салман, а также ряд наследных принцев.

³ Реальна ли гражданская война в Саудовской Аравии // <https://www.vestifinance.ru/articles/88015>

нице́й), родившая ему семерых сыновей, известных как «семерка Судайри», ставших весьма значимыми персонами в Королевстве.

Наследный принц МБС

Мухаммад ибн Салман ас-Сауд родился 31 августа 1985 г. Он – первый ребенок Фахды бинт Фалах ибн Султан аль-Хитляян, третьей жены саудовского короля¹. Имеет степень бакалавра права. Женат на своей родственнице – принцессе Саре бинт Машхур. У них четверо детей – два мальчика и две девочки. С 2009 г. он занимал много важных постов в управлении государством, в частности был губернатором провинции Эр-Рияд. На протяжении нескольких лет он был советником своего отца, который в тот период был наследным принцем. Когда его отец, принц Салман, стал королем, 29-летний принц МБС был назначен министром обороны (на тот момент он был самым молодым министром обороны в мире) и генеральным секретарем королевского суда.

Блистательная карьера молодого принца (он стал наследником престола в 31 год, а его предшественник был старше его на 26 лет) привлекла к нему внимание международной прессы. Внутри династии отношение к нему не однозначное. Назначение МБС наследным принцем для некоторых принцев означает отдаление от престола. На деле обозначился отказ от традиционного принципа наследования власти в Королевстве.

Столь быстрое возвышение любимого сына короля можно объяснить тем, что его отцу, королю Саудовской Аравии Салману, уже 82 года, он перенес инсульт и сложную операцию на позвоночнике. Ходили слухи о том, что врачи обнаружили у него болезнь Альцгеймера и деменцию.

В 2016 г., став главой Совета по экономике и развитию, МБС представил новую стратегию развития государства «Vision 2030». Ключевая цель стратегии – отказ от нефтяной зависимости, что должно превратить Королевство в одну из самых современных экономик мира. Таким образом, принц предложил избавить страну от образа средневекового государства. Естественно, что попытки реформирования Королевства могут вызвать сопротивление духовенства и армии. Именно с этой целью принц сосредоточил в своих руках армию и все ключевые экономические и финансовые рычаги.

---

¹ Реальна ли гражданская война в Саудовской Аравии? // <https://www.vestifinance.ru/articles/88015>

Осенью 2017 г. принц стал главой антикоррупционного комитета, инициатором создания которого был он сам. Решение создать этот комитет появилось после поездки принца в США и начала его дружбы с Джаредом Кушнером, зятем Трампа.

МБС находился в США в марте 2017 г. В течение двух недель он посетил шесть городов и несколько крупных предприятий. Принцу было важно заручиться поддержкой США в осуществлении планов модернизации политической системы страны. Обсуждались также совместные действия против влияния Ирана в регионе, а также экономические проекты, в которых могут принять участие США на общую сумму 200 млрд долл. Год спустя, после того как МБС провел кампанию против саудовских миллиардеров, целью которой был сбор денег для реализации его стратегии «Vision 2030», он снова посетил США. Теперь его главной задачей было убедить американских инвесторов в том, что жесткие меры, предпринятые против саудовских миллиардеров, не могут быть предприняты против иностранцев.

«Дело Хашугджи» подрывает авторитет МБС

Амбициозный принц не привык считаться с чужим мнением. Программу преобразования Королевства многие считают дилетантской. Специалисты обращают внимание на то, что она не имеет под собой экспертной основы¹. Однако принц демонстрирует непоколебимую уверенность в ее реализации.

Ряд событий, произошедших в Королевстве в последнее время, – казнь шиитского религиозного авторитета Нимра ан-Нимра, выступавшего против конфессиональной дискриминации и притеснений шиитов в Саудовской Аравии (январь 2016²), участие Саудовской Аравии в военных действиях в Йемене, а также убийство оппозиционного журналиста Джамала Хашугджи³ – западные

---

¹ *Щекина Д.* Интриги королевского двора как борьба за престол в Саудовской Аравии оборачивается человеческими жертвами // <https://360tv.ru/news/tekst/intrigi-korolevskogo-dvora-kak-borba-za-prestol-v-saudovskoj-aravii-oborachivaetsja-chelovecheskimi-zhertvami>

² Вместе с ним были казнены еще 46 человек, обвиненных в терроризме и якобы связанных с «Аль-Каидой».

³ Позднее министр иностранных дел Королевства Абдель аль-Джубейр признал убийство журналиста «ужасной ошибкой и трагедией». См.: смерть Джамала Хашугджи: Эр-Рияд признался в ошибке, Запад требует объяснений // Русская служба Би-би-си 21.10.2018.

СМИ считают инициативой принца. Дело в том, что журналист впал в немилость после того, как в 2017 г. он переехал в США и, будучи обозревателем газеты *The Washington Post*, стал критиковать политику Эр-Рияда. Естественно, что принцу это не понравилось.

Случившееся бросило тень на династию. Позднее появилась версия о том, что в частной переписке журналист назвал принца «зверем, который чем больше жертв съедает, тем больше хочет». Более того, в письме саудовскому оппозиционеру Омару Абдулазизу Хашугджи якобы сообщил, что собирается обнародовать данные о применении Саудовской армией в Йемене химического оружия¹.

Реакция стран Ближнего Востока на убийство Хашугджи была неоднозначной. Турция была возмущена тем, что оно было совершено на ее территории. Самая резкая критика прозвучала в СМИ Катара, который уже не первый год находится в конфликте с Саудовским Королевством. Телеканал «Аль-Джазира» сообщил, что среди саудовских принцев сложилась группа недовольных, которые хотят потребовать от короля отказаться от власти и лишить принца Мухаммада статуса наследного принца. Информацию подтвердило агентство Рейтер 20 ноября 2018 г.

Непримирение Мухаммада бен Салмана со стороны остальных принцев династии стало формироваться еще до убийства Хашугджи. Дело в том, что, став практически фактическим правителем при своем престарелом отце, наследный принц организовал «антикоррупционную кампанию», в ходе которой 11 принцев и несколько десятков высших чиновников были арестованы и помещены в отель «Карлтон-Риц» под наблюдение спецкоманды. Впоследствии МБС сам рассказывал, что таким образом ему удалось вернуть в казну Королевства 100 млрд долл.² В частности, один из арестованных принцев (богатейший из них) Валид ибн Талал вынужден был отдать 6 млрд долл. за свое освобождение³.

---

¹ Король Саудовской Аравии провел перестановки в правительстве, не тронув обвиняемого в убийстве Хашогги наследного принца. 28.12.2018 // <https://www.newsru.com/world/28dec2018/saudicabinet.html>

² В саудовской королевской семье задумались о смене наследника престола. 20.11.2018 // <http://www.forbes.ru/obshchestvo/369381-pod-naslednym-princem-saudovskoy-aravii-zashatalsya-tron>

³ В списке богатейших людей мира Forbs Валид ибн Талал занимает 45-е место. До описываемых событий его состояние оценивалось в 19 млрд долл.

Деньги понадобились для реализации амбициозного проекта «Vision 2030», автором которого является МБС. Как мы отмечали выше, в основе проекта лежит идея отказа от нефти как исключительного источника доходов государства. Нефтяную зависимость предполагается ликвидировать к 2020 г., а доходы от ненефтяных отраслей должны быть увеличены в 6 раз и достичь 267 млрд долл. В программе указаны 80 экономических проектов на сумму 23,7 млрд долл. в сферах, не связанных с нефтедобычей и нефтепереработкой¹.

Убийство Хашугджи вызвало возмущение во всем мире. Предполагаемая причастность принца к убийству журналиста, а также недовольство его действиями в отношении арестованных принцев и богатых саудовцев толкает оппозицию (в том числе внутри династии) к заговору против принца. По сообщениям катарского канала «Al-Jazeera», поползли слухи о том, что надо уговорить короля уйти в отставку. Говорили, что его место мог бы занять принц Ахмед, родной брат короля, недавно вернувшийся из-за рубежа².

Однако маловероятно, что оппозиционно настроенным принцам удастся выступить против нынешнего наследника престола Мухаммада ибн Салмана, так как в его руках сосредоточены практически все бразды правления. Во всяком случае, этого не произойдет, пока жив его отец король Салман бен Абдель Азиз ас-Сауд.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

---

¹ Борьба с коррупцией или укрепление власти в Саудовской Аравии // <https://nv.ua/world/countries/borba-s-korruptsiej-ili-ukreplenie-vlasti-v-saudovskoj-aravii-arestovali-11-printsev-po-prikazu-prestolonaslednika-2156446.html>

² Саудовского принца планируют лишить престола. «Дело Хашогги» испортило имидж Эр-Рияда // http://www.ng.ru/world/2018-12-28/7_7476_world3.html

2018.04.009. **Соколова Ф.Х., Шаврина М.С.**
ИСЛАМСКИЕ ДИАСПОРЫ В ФИНЛЯНДИИ:
ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ, ПРОЦЕССЫ
ЭТНИЧЕСКОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ
И ИНТЕГРАЦИИ // *Ислам в современном мире.*
М., 2018. Т. 14, № 2. С. 111–126.

Ключевые слова: исламские диаспоры в Финляндии; мусульмане; этническая самоорганизация; социально-культурная адаптация и интеграция мигрантов; языковой барьер; татары; сомалийцы; мигранты новой волны.

Соколова Ф.Х.,

доктор исторических наук, профессор,
кафедра регионоведения, международных отношений
и политологии Высшей школы социально-
гуманитарных наук и международной коммуникации.
Северный (Арктический) федеральный университет
им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск

Шаврина М.С.,

магистрантка Высшей школы социально-
гуманитарных наук и международной коммуникации.
Северный (Арктический) федеральный университет
им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск

В статье на основе привлечения широкого круга источников анализируется динамика численности мусульманского населения в Финляндии в исторической ретроспективе, выявляются процессы его этнокультурной самоорганизации и уровень интегрированности в принимающее общество.

Исследователи обращаются к истории появления мусульман в Финляндии. Присутствие представителей мусульманской религии в Финляндии имеет глубокие исторические корни и связано с событиями начала XIX в., а именно – с вхождением Финляндии в состав Российской империи по итогам Русско-шведской войны 1808–1809 гг. Начавшийся в XIX в. постепенный процесс переселения предков нынешних татар с территории Российской империи послужил началом присутствия мусульман в Финляндии. Среди тех, кто первым вступил на финскую землю, были военные татары, направленные на службу в крепости Выборг и Свеаборг. В 1870–1920-х годах происходит переселение татар в Финляндию из Сергачского уезда Нижегородской губернии. Как правило, это были

представители купечества, торговавшие пушниной и текстильными товарами. Селились они в городах Хельсинки, Турку, Раума, Пори, Васа, Ярвенпяя, Тампере, Лаппеенранта, Котка, Оулу и др. Благоприятные условия для прибыльной торговли позволили сформироваться небольшой татарской общине, общей численностью до 1 тыс. человек на рубеже XIX–XX вв.

После провозглашения независимости Финляндии в 1917 г. территории, на которых преимущественно жили татары, остались в составе уже суверенной республики. На основании Конституции Финляндии 1920 г. и Закона «О свободе религии» 1923 г. татары смогли получить финское гражданство. В настоящее время их именуют историческими / традиционными / религиозно-этническими меньшинствами страны. Их численность составляет около 800 человек, преобладающее большинство из которых проживает в Хельсинки и Тампере. Татары полностью интегрированы в финское общество, но одновременно продолжают бережно сохранять традиционные черты этнической культуры. На территории страны в настоящее время функционирует исламское общество татар, созданное в 1925 г., куда принимают тех, кто владеет родным языком. Общество вносит существенный вклад в сохранение и развитие татарского языка и культуры, организует курсы по изучению основ мусульманской религии и родного языка, выпускает единственный татароязычный журнал на основе латинской графики «*Mahalla habarlare*» («Новости общины»). Организацией национальных культурных мероприятий, тиражированием произведений музыкального и поэтического творчества занимается также культурное общество татар, функционирующее с 1935 г. Для татарских мусульман в нескольких городах открыты молельные комнаты и единственная в Финляндии мечеть с минаретом, построенная в 1943 г. в г. Ярвенпяя. С 1960 г. подлинным центром религиозной и культурной жизни татар Финляндии, местом официальных встреч и этноконфессиональных мероприятий стал Дом Ислама в Хельсинки.

Официальные власти признают весьма успешной интеграцию татар в финское общество. Финские татары трудятся во всех отраслях народного хозяйства, включая промышленность и культурную сферу, в качестве предпринимателей, врачей, юристов, инженеров, преподавателей, занимая высокие позиции. Татары имеют представительство в Совещательной комиссии по этническим отношениям при Министерстве юстиции Финляндии. Исламская община татар Финляндии активно участвует в деятельности

Национального форума сотрудничества религий в Финляндии (CORE, финское название – USKOT), который объединяет последователей трех конфессий – христианства, иудаизма и ислама – и призван содействовать гармонизации отношений между представителями различных религий и защите прав религиозных меньшинств.

Однако современные мировые реалии, а именно: неравномерность демографического развития, интенсификация миграционных процессов, расширение масштабов региональных конфликтов, существенно видоизменили численность и этнический состав представителей мусульманской религии в Финляндии. Финляндия скорее по гуманитарным, нежели экономическим соображениям начала принимать беженцев из горячих точек мира. В конце 1980-х годов Финляндия начинает принимать вынужденных переселенцев из зоны ирано-иракского конфликта, в 1990-х годах – из Сомали, Афганистана, боснийцев и косовских албанцев из бывшей Югославии. Одновременно увеличивается приток трудовых мигрантов из Турции. В результате за период с 1990 по 1995 г. численность выходцев из мусульманских стран в Финляндии достигла 12 970 человек. На волне европейского миграционного кризиса начался интенсивный приток выходцев из Ирака, Сирии и других стран. Как следствие, к 2016 г. численность мусульманского населения в Финляндии достигла 82 тыс. человек. Их удельный вес среди населения страны возрос с 0,05% в 1990 г. до 1,5% в 2016 г. В настоящее время общая численность лиц иностранного происхождения в Финляндии достигает 354 тыс. человек, что составляет 6,4% населения страны (2016). Из них 23,2% являются выходцами из мусульманских стран. Это, прежде всего, арабы (иракцы), турки, персы, косовские албанцы и выходцы из Сомали.

В стране предусмотрены механизмы взаимодействия власти с представителями мусульманских сообществ страны. В частности, в 2006 г. по инициативе финского правительства создан Исламский совет Финляндии (Islamic Council of Finland), целью которого является консолидация этнически неоднородных исламских общин. В целом в стране проработаны механизмы социально-культурной адаптации мигрантов, однако эффективность интеграционной политики во многом определяется длительностью пребывания иммигрантов в стране и уровнем владения государственными языками. В силу слабой инкорпорации мусульман новой волны в финское общество они не могут пока стать полноправными гражданами страны, подвергаются определенной дискриминации

в плане трудоустройства. Профессии, в которых заняты иммигранты, относятся по преимуществу к сфере услуг и не требуют высокой квалификации. Основная проблема интеграции мусульман – языковой барьер.

На фоне мощного миграционного притока последних лет возросла обеспокоенность финского общества в связи с возможными негативными последствиями этого явления, усилились националистические настроения. Данные социологического опроса, проведенного в 2013 г. финской газетой «Helsingin Sanomat», свидетельствуют, что 52% финнов выступают за ограничение въезда мигрантов в страну. После террористического акта 18 августа 2017 г. в Турку, совершенного выходцем из Марокко, которому ранее было отказано в предоставлении убежища в Финляндии, обеспокоенность финнов заметно возросла.

Резюмируя, авторы статьи отмечают, что мусульманская часть населения страны представлена историческими меньшинствами – татарами и мигрантами новой волны. В конце XX – начале XXI в. численность последних стремительно росла как следствие ведущих мировых трендов и на фоне мощного притока мигрантов в страны ЕС. Только за период 1990–2016 гг. количество мусульман в Финляндии возросло в 24 раза, с 0,05 до 1,5% возрос их удельный вес среди населения. В настоящее время полностью интегрированы в финское общество лишь татары. Центры адаптации не в состоянии справиться с потоком мигрантов последних лет. Гармонизация межэтнических отношений осложняется слабым владением государственными языками Финляндии и обеспокоенностью принимающего общества возможностью проникновения экстремистских воззрений, зачастую с религиозной окраской. В стране организован диалог власти с представителями этнических меньшинств и конфессий, созданы условия для сохранения, поддержания и развития этнической культуры, чем занимаются этнокультурные общественные объединения. Одновременно на волне интенсивного притока мигрантов в обществе возрастают ксенофобские и националистические настроения, что ставит на повестку вопрос о коррекции финской миграционной политики.

Автор реферата В.Н. Сценсович

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Добаев И.П.,

доктор философских наук, профессор,
эксперт Российской академии наук,
директор Центра региональных исследований
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону

**ИСЛАМИСТСКИЙ «ТАКФИР»:
ОПРЕДЕЛЕНИЕ «ВРАГОВ ИСЛАМА»***

Аннотация. В статье рассматриваются появление и эволюционное развитие термина «такфир» (обвинение в «куфре», т.е. в неверии). Представлены сущностное наполнение этого явления в раннем исламе, а также эволюционные изменения в его понимании в последующие столетия. Рассмотрены рамки его осмысления представителями ортодоксального ислама, а также и идеологами радикального ислама (исламизма). Доказано, что теоретики радикального ислама своеобразно трактуют сакральные источники ислама, буквально воспринимая коранические аяты, чрезмерно расширяя круг так называемых «врагов ислама», применяя к ним жесткое обвинение в неверии (такфир). Идеологи радикального такфиризма требуют реализации их необоснованных требований на практике, осуществления против «врагов» наступательного джихада. В этой связи адептов радикального исламизма нередко и справедливо именуют такфиритами-джихадистами.

Ключевые слова: джихад; ислам; исламизм; Коран; радикализм; такфир.

---

* Статья выполнена в рамках внутреннего гранта ЮФУ № ВнГр-07 / 2017-22 «Трансконфликтные регионы как феномен геополитической конкуренции: социальные риски и ресурсы адаптации к гуманитарным вызовам».

Ислам как мировая религия весьма толерантен, выступает религией мира, милосердия и терпимости, что лежит в основе вероучения, зафиксированного в Коране и Сунне. Вместе с тем следует подчеркнуть, что «эндогенные, внутренние факторы, которые радикализуют ислам», как подметил А.А. Игнатенко, нетрудно обнаружить в текстах всё тех же священных источников мусульманства – Коране и Сунне, а также в трудах некоторых исламских ученых, начиная от Ахмада ибн-Ханбала (783–855) и Ибн-Таймийя (1263–1328) вплоть до идеологов современного фундаментализма Аль-Маудуди (Пакистан), египтян Сайида Кутба и Аймана аз-Завахири и др.

Анализируя базовые политико-мировоззренческие постулаты основных доктринальных течений в исламе, можно выделить некоторые общие характерные особенности, лежащие в основе его радикальной составляющей.

Среди них – *молодость ислама*, поскольку мусульманская религия возникла значительно позже других мировых монотеистических систем и в отличие от них не исчерпала своих возможностей. В аналогичном «возрасте», например, христианство также нередко демонстрировало радикализм, в частности организовав целую серию «крестовых походов» против мусульман. Ислам же сегодня находится в расцвете своих сил, играя активную роль в современном мире.

Другой особенностью выступает *тотальность ислама*, под которой большинство современных ученых понимают широкий охват исламской религией всех сфер жизнедеятельности верующих. Это не только вера, но и экономическое и социальное устройство, и управление, и семья, и быт. Шариат определяет как правовые, так и нравственные отношения. Всё это в совокупности приводит к тому, что ислам выступает как образ жизни, всецело определяющий мировоззрение и поведение людей¹. Идеолог фундаменталистской организации «Братья-мусульмане» С. Кутб в этой связи отмечает: «Ислам – последнее, полное послание всему человечеству, гласящее о человеческом благоразумии, включающее всеобъемлющее толкование, на котором основывается уклад человеческой жизни, выводящий людей из невежества к божественности, а их реальную жизнь – к шариату Аллаха, их совесть – к богобоязненности»².

---

¹ Аль-Маудуди. Основы ислама. – М., 1993. – С. 102–126.

² Кутб С. Будущее принадлежит исламу. – М., 1993. – С. 19.

Характерной для мусульманства как системы выступает неразрывная *связь ислама и политики*. Так, иранский автор М. Санаи подчеркивает: «Безусловно, общепризнанным является то, что ислам по сравнению с другими религиозными учениями имеет наиболее тесные и глубокие связи с политикой и властью как важнейшими средствами реализации своих принципов. Поэтому среди мусульман сохраняется особая приверженность политике, подпитываемая непосредственно исламским учением»¹.

Другой особенностью выступает идея *«завершения пророчества»*, которая в трактовке мусульманских теологов означает, что Пророк Мухаммед был последним посланником Бога на земле, «печатью пророков», и принес человечеству окончательную истину: «...Исламский призыв, с которым выступил Мухаммед, посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, представляет собой последнее звено в долгой цепи призывов к Исламу, проводившихся под руководством целой плеяды благородных посланников...» Это свидетельствует об исключительности мусульман как избранной общности и особом положении ислама по сравнению с другими религиями².

Важным фактором выступает *и аутентичность ислама личности мусульманина*, под которой понимается полное выражение мусульманской религии в личности верующего: «Ислам заявил о том, что объединяет или разделяет людей не цвет кожи, не пол, не происхождение, не общая территория и не общие интересы, а вера, являющаяся связующим звеном между ними и Господом их и определяющая собой их отношения друг с другом»³. Иначе говоря, мусульмане всех стран одинаковы, независимо от этнических, расовых и иных отличий. Это люди, сформированные исламом, составляющие единую общность – «умму»⁴. Поэтому мусульмане независимо от страны, в которой они проживают, тянутся друг к другу как братья по вере. Отсюда различные панисламистские концепции, пропагандирующие объединение всех мусульман мира в единое государство.

---

¹ Санаи М. Исламская революция, международное право и диалог цивилизаций // Исламская революция в Иране: Прошлое, настоящее, будущее. – М., 1999. – С. 13.

² Кутб С. Вехи на пути Аллаха. – Махачкала, 1997. – С. 226.

³ Кутб С. Эта религия. – Махачкала, 1997. – С. 174.

⁴ Аль-Маудуди. Образ жизни в исламе. – М., 1993. – С. 44.

В восприятии же мусульманина-радикала религиозная община единоверцев-мусульман выступает в качестве главной мировоззренческой ценности. С. Кутб по этому поводу пишет: «...Ислам предполагает существование Исламского общества, под покровительством которого каждый отдельный мусульманин мог бы жить, придерживаясь своей религии и обязательных с точки зрения этой религии нравственных установок. ...Вне такой среды жизнь мусульманина становится невозможной или, по меньшей мере, весьма трудной...»¹. Этот же автор в своей книге «Вехи на пути Аллаха» идет еще дальше: «Что касается подлинно богоизбранного народа, то это – мусульманская Умма, которая осенена знамением Аллаха, независимо от относящихся к ней рас и народов, независимо от цвета их кожи и места жительства»²: «Вы были лучшей из общин, которая выведена для людей: вы приказывали одобряемое и удерживали от неодобряемого и веровали в Аллаха...» (Семейство Имрана, аят 110).

Для фундаменталистского течения в суннитском исламе отличительным свойством также выступает *идеализация и мифологизация государственно-политической системы, которая существовала в мусульманском мире в период правления Пророка Мухаммеда и первых четырех «праведных» халифов (Абу-Бакр, Омар, Осман, Али), стремление к ее возрождению.*

Интеллектуальное и политическое движение, ставящее целью возвращение к первоосновам (фундаменту) религии, в исламском мире получило название «салафизм» (а в трудах западных ученых – фундаментализм). Сторонники салафизма выступают за то, чтобы мусульмане во всех своих действиях и верованиях, нормах и правилах следовали тому, что существовало и делалось в период первоначального ислама.

Необходимо отметить, что сама по себе логика возвращения к первоистокам для исправления недостатков, привнесенных временем и людским несовершенством, является вполне законной с точки зрения религиозного сознания. Более того, для мусульманской цивилизации подобная логика представляет собой базовую модель, обеспечивающую сохранение и развитие духовной традиции и социально-религиозного самосознания. На протяжении всей истории ислама обращение к истокам, к фундаменту традиции выступало как средство преодоления кризиса и упадка в переходную

---

¹ Кутб С. Эта религия. – С. 135.

² Кутб С. Вехи на пути Аллаха. – С. 322.

эпоху. Однако, как подчеркивает автор статьи «Ваххабизм: история проблемы» Идрис Абдуллах, «реальное преодоление этого кризиса могло быть достигнуто лишь при полностью адекватном понимании Откровения не только с точки зрения буквы, но и с точки зрения духа исламского учения. Эта духовно-историческая миссия осуществлялась великими подвижниками, на которых была возложена сакральная функция обновления (таджид), согласно хадису о том, что Бог посылает обновителей (муджадидун) Уммы каждое столетие»¹.

Современная салафитская литература основательно насыщена восхвалением периода «золотого века» ислама. Например, пакистанский автор, основатель современной фундаменталистской организации «Джамаат-и-Ислами» Аль-Маудуди, идеализируя состояние первоначального ислама, пишет: «Вы можете наблюдать, несмотря на жалкое положение, до которого докатилась исламская умма, следы того отпечатка, который она носила на первом этапе своей истории. Если вы заглянете в душу любого мусульманина, каким бы порочным и безнравственным он ни был, и копнете ее, то узнаете, что больше всего он тоскует по тому идеальному обществу, которое основал Мухаммед, да благословит его Аллах и приветствует, и его праведные халифы. Каждый мусульманин рассматривает этот золотой этап в качестве образца и примера, испытывая к нему пылкую любовь, и мечтает увидеть его еще раз воплотившимся в жизнь»². Ему вторит С. Кутб: «Уникальное кораническое поколение – ...это поколение асхабов – сподвижников Пророка. ...Таких людей больше никогда не было. ...Никогда не было так, чтобы в одном месте и одновременно проживало бы столь огромное число таких людей, как случилось в первые годы становления Ислама»³.

Следующей особенностью радикального ислама выступает его **фатализм, фанатизм, мусульманский энтузиазм и воинственный характер, стремление к мировому господству.**

Одним из первых в монотеистическом исламе возник вопрос о предопределении, о совместимости существования единовластного Бога с присутствием в мире зла. Сторонники учения об абсолютном предопределении получили наименование «джабариты»

---

¹ Идрис Абдуллах. Ваххабизм: История проблемы // Мусульмане. – 2000. – № 1 (4). – С. 36.

² Аль-Маудуди. Ислам сегодня. – С. 13.

³ Кутб С. Вехи на пути Аллаха. – С. 194.

(от слова «джабар» – принуждение, насилие). Свои представления об обусловленности всех поступков человека, равно как и всего того, что происходит в мире, божественной волей, джабариты основывали на соответствующих текстах Корана.

Главная цель догмата божественного предопределения – это беспрекословное исполнение воли Бога, а в реальной, земной жизни – его Пророка и халифа на земле. Учение джабаритов о предопределенности человеческих поступков божественной волей имело важное практическое значение, поскольку на его основании утверждалось правомочие любых лиц или групп, добившихся политической власти. Догмат предопределения оказался важным духовным оружием в период завоевательных войн, так как из него вытекало, что какая бы опасность ни угрожала мусульманину, он не погибнет, если это ему не предопределено, а потому вел к фанатизму и бесстрашию.

В непосредственной связи с фатализмом находится и мусульманский энтузиазм. Он также вытекает из идейной сущности ислама и его системы. Религиозный энтузиазм в исламе проявляется в высшей степени эмоционально, особенно в отношении к немусульманам. Ислам требует от своих последователей неукоснительного следования кораническим идеям и хадисам во всех практических делах.

Развитию религиозного фанатизма в исламе способствовали такие основоопределяющие положения, как вера в загробную жизнь и Судный день, в рай и ад. Вера в то, что «шахид» (погибший за веру) обязательно попадет в рай: «...А у тех, которые убиты на пути Аллаха, – никогда Он не собьет с пути их деяний: Он поведет их и сохранит в порядке их состояние и введет их в рай, который Он дал им узнать» (Мухаммад, аяты 5–7).

Выдающийся юрист Абу-Юсуф (713–798), последователь мазхаба Абу-Ханифы и Верховный судья халифата при халифах ал-Махди, ал-Хади и Харун-ар-Рашиде, так описывает исламский фанатизм, ссылаясь на предание, сущность джихада в работе «Китаб-ал-харадж» («Книга о харадже»): «Затем рассказывается о походе Халида в Ирак. Перед Хирой он говорит: “Я приглашаю вас признать Бога и ислам; если вы это сделаете, то у вас будут такие же права и обязанности, как и у мусульман; если же вы откажетесь, то уплатите нам поголовную подать, если же откаже-

тес, то ведь я пришел к вам с людьми, для которых смерть желательнее нежели для вас жизнь”»¹.

В условиях мусульманской экспансии фанатизм как один из идеологических факторов сыграл важную роль. Завоевание чужих территорий проходило под лозунгами ислама, тем более что в Коране зафиксированы идеи необходимости завоевания всего мира мусульманами как исполнителями миссии Аллаха: «Мы послали тебя только как милость для миров» (Пророки, аят 107), «напоминание для миров» (Йусуф, аят 104) и др. Ислам в данном случае стал выполнять идеологическую функцию оправдания мусульманских завоевательных войн.

От завоевания мирового господства не отказываются и современные исламские мыслители радикального толка, утверждающие, что именно исламу принадлежит будущее человечества. В частности, С. Кутб в работе «Будущее принадлежит исламу» пишет: «Мы полагаем, что будущее – за этой религией, считая ее, таким образом, путем жизни, который охватывает все эти взаимосвязанные и неотделимые составные элементы, регулирующие все сферы человеческой жизни, удовлетворяющие все потребности человека, господствующие над всеми сторонами человеческой деятельности»². Ему вторит аль-Маудуди: «...Ислам не является субстанцией прошлого или будущего. Он есть бессмертная, вечная истина, очевидная и бесспорная еще миллиарды лет назад, она останется таковой, пока существуют небеса и земля»³.

Для ислама, как религии, характерна и нетерпимость, которая проявляется в том, что правоверные всегда отчетливо ощущают свое превосходство над неверными, что это превосходство с самого возникновения ислама фиксировалось на государственном уровне (мусульманин платит более легкие налоги и освобожден от подушной подати, джизии), что выше всего, как уже отмечалось выше, ценится принадлежность человека к умме, что неверный всегда рассматривается в мусульманском государстве как не вполне равноправный. Впитанное веками и опирающееся на всю толщу религиозно-культурной традиции, такого рода высокомерное чувство превосходства и нетерпимости к неверным – одна из важнейших и наиболее значимых характерных черт ислама. Это чувство

---

¹ Медников Н.А. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов (по арабским источникам). – СПб., 1903. – С. 132.

² Кутб С. Будущее принадлежит исламу. – С. 3.

³ Маудуди. Ислам сегодня. – С. 3–4.

совершенства образа жизни в сочетании с всеобщностью и всесторонностью ислама всегда было залогом крайнего консерватизма и конформизма мусульман. Естественно, что всё это не могло не отразиться не только на нормах поведения и ценностных ориентациях всех тех, кто с гордостью всегда причислял себя к умме, но и, в конечном счете, на психике людей, точнее, на их социальной психологии¹.

Отсюда столь характерное для мусульман-радикалов состояние, как *нацеленность на борьбу с врагом, определение «его понятием «кафир» (неверный)*. В узком смысле – это «...люди, которые, рождаясь мусульманами и оставаясь ими подсознательно всю жизнь, не используют свои способности и интеллект для признания своего Господа и Создателя. Более того, они неправильно используют свободу выбора, выбирая отрицание Бога. Такие люди становятся неверующими, что на языке ислама называется “кафир”»². В широком смысле слова радикалами под термином «неверные» понимаются не только «неистинно верующие» внутри ислама, но и немусульманское общество в целом: «Джахилистским (джахилийя – эпоха язычества, доисламский период и одновременно религиозное состояние жителей Аравии до начала проповеди Пророка Мухаммеда. – *И. Д.*) обществом является всякое немусульманское общество, ... которое не исповедует принцип поклонения Аллаху, и только Ему, с учетом того, что такое поклонение должно проследиваться в вероисповедальном представлении, в обрядах поклонения и юридических законоположениях. ...Это ...коммунистические общества..., ...общества ...Индии, Японии ...в Африке..., которые придерживаются вероисповедального мировоззрения, основывающегося на обожествлении кого-либо, кроме Аллаха... ...Сюда же относятся христианские и иудейские общества...»³. Аналогичных взглядов придерживается и «практик» радикального исламского фундаментализма, известный по современным чеченским войнам полевой командир, иорданец Э. Хаттаб: «Аллах предостерег нас от всего плохого: от

---

¹ *Добаев И.П.* Исторические и доктринальные корни исламского радикализма, его современные проблемы и течения // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – № 2. – С. 89.

² *Аль-Маудуди.* Основы ислама. – С. 9.

³ *Кутб С.* Вехи на пути Аллаха. – С. 268–269.

евреев, христиан, от зина (прелюбодеяния), вина, от тех, кто поклоняется камню и огню (буддистов, к примеру)»¹.

Действительно, Священное Писание ислама содержит многочисленные призывы к борьбе с неверными. Оно пронизано враждой к отступникам от ислама и тем, кто не признает Аллаха за единого Бога: «Поистине, те, которые не веровали и умерли, будучи неверными, над ними проклятие Аллаха, и ангелов, и людей – всех!» (Корова, аят 156).

В аятах 160, 161, 162 этой же суры немусульман называют «нечестивыми», им грозят наказанием, подчеркивая, что «они не выйдут из огня». Коран запрещает дружественные отношения мусульман с иноверцами: «О вы, которые уверовали! Не берите неверных друзьями вместо верующих» (Женщины, аят 143). В другой суре Корана дается объяснение причин подобного запрещения: «Они не преминут вам вредить, они хотели бы того, чтобы вы попали в беду» (Семейство Имрана, аят 114). Подобными поучениями Коран воспитывает непримиримость и вражду у мусульман к иноверцам, призывает к неповиновению последним: «О вы, которые уверовали! Если вы будете повиноваться тем, которые не веровали, они обратят вас вспять, и вы вернетесь понесшими убыток» (Семейство Имрана, аят 142).

Многие положения Корана даже призывают к физической расправе над иноверцами: «...Бейте же их по шеям, бейте их по всем пальцам!» (Добыча, аят 12); «...Берите их и избивайте, где бы ни встретили вы их. Над этим Мы дали вам явную власть!» (Женщины, аят 93).

Более того, в ряде аятов содержится призыв к мусульманам убивать упорствующих в своих взглядах иноверцев: «...Не берите же из них друзей, пока они не выселятся по пути Аллаха; если же они не отвратятся, то схватывайте и убивайте их, где бы ни нашли их...» (Женщины, аят 91).

В другой суре говорится: «И убивайте их, где встретите... Если же они будут сражаться с вами, то убивайте их: таково воздаяние неверных!» (Корова, аят 187).

А в суре «Мухаммад» содержится следующее указание: «А когда вы встретите тех, которые не уверовали, то – удар мечом по шее; а когда произведете великое избиение их, то укрепляйте узы» (Мухаммад, аят 4).

---

¹ Аль-Каф. 1998. Апрель.

Хотя эти и другие приведенные выше аяты Корана, сложившиеся в раннюю эпоху ислама, отражали период борьбы против язычников, а затем отступников от ислама и «лицемеров», будучи зафиксированы в Священном Писании, они превратились в догмат. И впоследствии направлялись не только, а затем уже не столько против язычников и других категорий «неверных», сколько против всех иноверцев, хотя в самом Коране имеются аяты, свидетельствующие, что в эпоху его создания авторы отличали «людей Писания» (ахль-китаб), под которыми преимущественно имелись в виду христиане и иудеи, от идолопоклонников, язычников. Если к последним Коран неукоснительно и непримиримо относился враждебно, то за «людьми Писания» он признавал определенные права. Однако впоследствии, когда ислам стал идеологическим и военно-политическим знаменем завоевателей-халифов, аяты Корана и слова Пророка Мухаммеда, направленные первоначально против идолопоклонников, лицемеров и отступников от ислама, стали направляться против всех иноверцев, всех немусульман.

Ввиду вышеизложенного неудивительно, что носители идеологии радикального ислама, существенно расширяя круг обвиняемых в «неверии» по сравнению с исламской ортодоксией, как правило, **настороженно, подозрительно и враждебно относятся к «людям Писания»** «...прежде всего потому, что [они] исповедуют извращенное вероисповедальное мировоззрение, в соответствии с которым Аллах, хвала Ему, не наделяется таким атрибутом, как божественность. ...Они придают ему сотоварищей в одной из форм многобожия, как называя сына Божия, так и причисляя Троицу. ...Еще с древних времен Аллах заклеил их позором причастности к многобожию...»¹: «Они взяли своих книжников и монахов за господ себе, помимо Аллаха, и Мессию, сына Марьям. А им было повелено поклоняться только единому Богу, помимо которого нет божества. Хвала Ему, превыше Он того, что они Ему придают в соучастники!» (Покаяние, аят 31).

С. Кутб пишет: «К тому же, по их представлениям, Аллах, хвала Ему, не таков, каковым Он является. Они также представляют связь Его творений с Ним в превратном свете»²: «И сказали иудеи: “Узайр – сын Аллаха”. И сказали христиане: “Мессия – сын Аллаха”. Эти слова в их устах похожи на слова тех, которые не веровали

---

¹ Кутб С. Вехи на пути Аллаха. – С. 269–270.

² Там же. – С. 270.

раньше. Пусть поразит их Аллах! До чего они отвращены!» (Покаяние, аят 30).

«Не веровали те, которые говорили: “Ведь Аллах – третий из трех”, – тогда как нет никакого божества, кроме единого Бога. А если они не удержатся от того, что говорят, то коснется тех из них, которые не уверовали, мучительное наказание» (Трапеза, аят 77).

«И сказали иудеи: “Рука Аллаха привязана!” У них руки связаны, и прокляты они за то, что говорили. Нет! Руки у Него распростерты: расходует Он, как желает...» (Трапеза, аят 69).

«И сказали иудеи и христиане: “Мы – сыны Аллаха и возлюбленные Его”. Скажи: “Тогда почему Он вас наказывает за ваши грехи? Нет, вы – только люди из тех, кого Он создал...”» (Трапеза, аят 21).

Аналогичные взгляды в своих трудах пропагандирует и известный турецкий миллиардер, глава религиозной общины «Нурджалар» («Свет»), активный сторонник распространения идей исламского радикализма и пантюркизма Мухаммед Фетуллах Гюлен: «Истоки вражды, испытываемой к исламу иудеями и христианами и длящейся до наших дней, уходят во времена, когда в Медине закладывалась основа исламской государственности. Борьба ислама против всякого рода ложных и извращающих истину мнений, его горячее стремление вернуть людям утерянное достоинство, война против сословных предрассудков настроили против него и идолопоклонников, и церковь, и синагогу. С тех пор кровоточат раны, наносимые исламу этой зловредной Троицей, – меняются только имена и звания»¹.

Одновременно в Коране, по мнению исламских радикалов, зафиксированы также «конечные цели» иудеев и христиан в отношении мусульман: «Многие из обладателей Писания хотели бы обратить вас после вашей веры в неверных по зависти в них самих, после того как ясна стала им истина. Извините и отвернитесь, пока придет Аллах со Своим повелением. Поистине, Аллах мощен над каждой вещью!» (Корова, аят 103).

«И никогда не будут довольны тобой ни иудеи, ни христиане, пока ты не последуешь за их учением...». «...А они не перестанут сражаться с вами, пока не отвратят вас от вашей религии, если смогут...» (Корова, аяты 114, 214).

---

¹ Гюлен М.Ф. Сомнения, порожденные веком. Пер. с турецкого. – Измир, 1999. – С. 156.

Такие же суждения можно встретить и в сборниках хадисов: «Не спрашивайте ни о чем у людей Писания. Они не укажут вам правильного пути, после того как сами попали в заблуждение. Вы либо примете ложь за правду, либо правду сочтете ложью. Воистину, если бы, Аллах тому свидетель, Муса был живым и находился среди вас, ему ничего не оставалось бы, кроме как следовать за мной»¹.

Подчеркнем, что в учении практически всех радикальных исламистских группировок и организаций присутствуют два системообразующих, органично присущих фундаментальному исламу положения – о такфире и джихаде. Причем, главным объектом такфира выступают, прежде всего, те мусульмане, которые не согласны с фундаменталистской интерпретацией ислама, а потому провозглашающиеся салафитами неверными.

С. Кутб подчеркивает, что такие люди – «неверующие. Никто ни на одно мгновение не сможет остаться среди сторонников этой религии и быть мусульманином, утверждая, что конкретный интерес заключается в том, что, по его мнению, противоречит шариату Аллаха»².

На основании вышеизложенного, радикально настроенными фундаменталистами делается вывод о том, что существуют лишь «две разновидности человеческих обществ: общество исламское и общество джахилистское. Исламским обществом является такое общество, в котором реализуется Ислам, т.е. религиозные исламские убеждения, поклонение Аллаху, исламские законоположения и система, исламские нравственные и этические нормы. Джахилистским обществом является такое общество, в котором не реализуется Ислам...»³

Таким образом, исламисты, в отличие от представителей ортодоксального ислама, произвольно расширяют круг объектов такфира, абсолютизируя понятие «неверие» («куфр», или «безбожие») и «многобожие» («ширк», или «язычество»).

Провозглашая строгое единобожие, исламисты и их последователи квалифицируют «неверными» и «многобожниками» всех тех, кто, по их мнению, не является «единобожниками». В категорию «врагов ислама», по их мнению, входят:

---

¹ Цит. по: *Кутб С.* Вехи на пути Аллаха. – С. 308–309.

² *Кутб С.* Вехи на пути Аллаха. – С. 275.

³ Там же. – С. 283.

• *Иудеи и христиане* (люди Писания, ахль аль-киتاب). В «Книге единобожия», автором которой является сам вероучитель аль-Ваххаб, со ссылкой на высказывание Пророка Мухаммеда, говорится: «Когда у них умирает праведный человек или праведный раб Аллаха, они сооружают на его могиле храм и рисуют на нем изображения. Это – наихудшие из творений Аллаха!» «Да падет проклятие Аллаха на иудеев и христиан, которые превратили могилы своих пророков в храмы!»¹ «Явными врагами Ислама» называет христиан и иудеев, а особенно их проповедников, салафитский автор аль-Умар, поскольку «их раздражает совершенство, благородство и широта распространения Ислама». Поэтому «враги мусульман клеветуют на Ислам и последнего посланника Мухаммеда, да благословит его Аллах и приветствует, то отрицая его миссию, то порицая его поведение, хотя он лишен Аллахом всяких недостатков»².

Однако не только произведения исламистских идеологов, но и Священное Писание ислама, как уже отмечалось выше, содержит многочисленные призывы к борьбе с «неверными». Оно пронизано враждой к отступникам от ислама и тем, кто не признает Аллаха за единого Бога.

• *Мусульмане-вероотступники (муртадд)*, совершившие «самомалейшее отступление» от принципа единобожия. Такими «отступлениями» у исламистов считаются и возвеличивание праведников, и поклонение Аллаху у могилы праведного человека (вали), и поклонение идолам, и гадание по звездам (астрология), и любые виды предсказаний, и амулеты, и ношение каких-либо предметов для отвращения неприятностей, и возвеличивание какого-то человека, и масса других вещей и действий. Эти люди, по мнению идеологов радикального салафизма, «больше всех наносят вред Исламу», поскольку «они способны на совершение таких больших грехов, как ложь, обман, невыполнение, зависть», в результате чего «иноверцы могут подумать, что Ислам разрешает все эти преступления»³.

К беда' современные последователи ваххабитских идей (неоваххабиты) относят и такие «еретические нововведения», как устройство праздников по случаю дня рождения, выделение особых

---

¹ Мухаммад ибн Сулейман ат-Тамими (М. ибн Абд аль-Ваххаб). Книга единобожия. – М., 1999. – С. 119.

² А. Бин Хаммад аль-Умар. Религия истины Ислам. – М., 1997. – С. 53–54.

³ Там же. – С. 53.

дней и недель для тех или иных обрядов поклонения, устройство разного рода религиозных праздников, годовщин и юбилеев, воздвижение изваяний и памятников, организация траурных собраний, изобретение всяких новшеств в траурных церемониях, возведение строений на могилах, водружение дорогих памятников, иной раз мраморных и т.п.

Вместе с тем, согласно традиционалистскому подходу, обвинение в неверии (такфир) представляет собой шариатское решение, которое следует принимать на основании Корана и Сунны, как и решения о дозволенности, запретности или обязательности тех или иных дел. Человека можно считать неверным лишь в том случае, если на то имеются ясные указания в сакральных источниках – Коране и Сунне Пророка. В сомнительных случаях установленные шариатом наказания не применяются, хотя их применение повлекло бы менее серьезные последствия, чем обвинение в неверии, а это значит, что если дело внушает сомнения, от обвинений в неверии тем более следует воздержаться.

Пророк предупреждал: «Когда человек называет своего брата (в исламе) неверующим, это возвращается (по меньшей мере) к одному из них»¹. Из этого следует, что по традиции ни один мусульманин не может назвать другого неверующим (независимо от его недостатков или совершенных греховных дел) до того момента, пока тот сам публично не признается в этом. Это положение специально оговаривалось и считалось очень важным, так как веротступничество почиталось одним из самых тяжких грехов и каралось смертью (хотя в этом случае людям предоставлялись три возможности отречься от неверия).

Для вынесения шариатского решения о неверии, как настаивают традиционалисты, необходимо наличие известных причин и условий и отсутствие соответствующих препятствий. Так, например, можно обнаружить такие аяты Корана и хадисы, из содержания которых можно понять, что то или иное слово, действие или убеждение являются проявлением неверия. Тем не менее «того, кто произносит такие слова, совершает такие действия или придерживается таких убеждений, нельзя обвинять в неверии в силу наличия определенных препятствий»².

---

¹ Сахих Муслим. Китаб ал-Иман. Цит. по: *Мухаммад Хасан*. Источник террора. Идеология ваххабизма – салафизма. – М., 2005. – С. 62.

² Ислам против терроризма. Фетвы имамов по вопросам, касающимся тяжких бедствий. – М., 2003. – С. 115.

Совсем по-другому подходят к вопросу «такфира» радикальные исламисты. Например, главный идеолог египетских «Братьев-мусульман» в 50–60-е годы XX в. Сайид Кутб прямо говорит о том, что «...на Земле существуют лишь две партии: партия Аллаха и партия шайтана. Партия Аллаха состоит из тех, кто стоит под знаменем Аллаха, а к партии шайтана относится каждая секта, группа, народ или отдельный человек из числа тех, кто под этим знаменем не находится»¹. Любое неисламское общество С. Кутб называет «джахилистским» (доисламское общество в Аравии – многобожники, язычники).

Так, по этому поводу С. Кутб пишет: «...Под категорию джахилистского общества подпадают и те общества, которые утверждают, что они – общества мусульманские. Эти общества являются неисламскими не потому, что они веруют в божественность еще кого-либо, кроме Аллаха. Они являются неисламскими потому, что они не претворяют в системе своей жизни поклонение Единому Аллаху, и только Ему. Хотя они и не веруют в божественность кого-либо, кроме Аллаха, они отдают наиболее специфичную особенность божественности кому-то иному, кроме Аллаха. Отталкиваясь от такого принципа высшей власти, они строят свою систему, свои законоположения, свои ценности, свои критерии, свои обычаи...»²

В этом случае мусульмане, которых радикалы-салафиты обвиняют в неверии – куфре, автоматически приобретают статус вероотступников (ар.: муртадд), т.е. людей, которые были мусульманами, а затем отошли от ислама. В отношении же вероотступников в шариатских нормах предусмотрена исключительная мера – смертная казнь или убийство, – которая становится похвальным делом для всякого мусульманина. Такфир фундаменталисты распространяют на представителей власти в исламских государствах, на правоохранительные органы и силовые структуры, а также на тех мусульман, которые это государство защищают и поддерживают: «...А кто не судит по тому, что низвел Аллах, то это – неверные. ...А кто судит не по тому, что низвел Аллах, те – несправедливы» (Грапеза, аяты 48–49).

А говоря о тех, кто подчинен таким правителям, авторы Священного Писания подчеркивают: «Разве ты не видел тех, кото-

---

¹ Кутб С. Будущее принадлежит исламу. Эта религия. Вехи на пути Аллаха. – Махачкала, 1997. – С. 174–175.

² Там же.

рые утверждают, что они уверовали в то, что ниспослано тебе и что ниспослано до тебя, и они желают обращаться за судом к тагуту, в то время как им приказано не верить в него...» (Женщины, аят 63).

Однако еще в обнародованном в 1017 г. в Багдаде в период правления халифа аль-Кадира «Кадирийском трактате веры» («ар-Рисала аль-кадирийя») говорилось: «Не следует обвинять в неверии кого-нибудь, если он упустил что-либо из законных установлений веры, исключая, конечно, предписанную молитву»¹. Известны также высказывания Пророка о том, что «кровь, имущество и честь мусульманина являются запретными и неприкосновенными для всех мусульман». Однако ваххабиты утверждают, что любое, самое малейшее отступление от единобожия превращает мусульманина в «неверного»: «Любое сомнение или колебание (относительно принципа единобожия. – *И. Д.*) лишает неприкосновенности имущество и жизнь человека»².

• **Так называемые «лицемеры»** (мунафикун) – те мусульмане, которые «выказывают приверженность к исламу и скрывают неверие».

Отсюда следует, что «неверным» ваххабиты могут объявить любого мусульманина, заподозренного ими в «лицемерии». Так, бывший верховный муфтий Королевства Саудовская Аравия Бен-Баз предупреждал о том, что «...нарушающий (по-ваххабитски понимаемый принцип единобожия. – *И. Д.*), открыто или тайно, должен знать, что он становится безбожником и должен ожидать возможности убийства или заключения его»³.

В то же время улемы-традиционалисты, опираясь на хадисы Сунны, в отличие от ваххабитов, отмечают, что лицемер – это тот, кто обещает, но не исполняет обещанного; лжет; подводит доверившегося ему. А современный отечественный теолог, выпускник авторитетнейшего в мусульманском мире университета «аль-Азхар» Ш. Аляутдинов считает даже эти требования чрезмерно завышенными. В этой связи он подчеркивает, что «делать поспешные выводы, используя вышеназванные критерии в отношении

---

¹ *Мец А.* Мусульманский ренессанс. – М., 1996. – С. 203.

² *Добаев И.П.* Ваххабизм как социально-политический феномен в Саудовской Аравии и на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. – 2001. – № 3. – С. 64.

³ *Бен Баз, Абдуль Азиз бен Абдулла.* Необходимость соблюдения Сунны Посланника (да благословит его Аллах и приветствует) и признание безбожниками тех, кто ее отвергает. – Эр-Рияд, 2000. – С. 35.

других людей, – очень опасное дело». Этот же автор напоминает о том, что «если мысли наши в отношении братьев-мусульман приобретают всё более темные тона, то тучи гнева Всевышнего Аллаха сгущаются над нашими – именно нашими (!) – головами»¹.

• **Последователи всех без исключения идеологических течений** (кроме ваххабизма). Так, «принадлежность к атеистическим течениям наподобие течений коммунистических, светских, демократических, капиталистических или иных подобных им течений неверных является вероотступничеством от религии Ислама». В этот список входят также «антирелигиозный секуляризм, угнетательский капитализм, марксистский социализм, атеистическое масонство». Иудаизм и вовсе «стоит за спиной всех и за каждой разрушительной доктриной, подрывающей мораль и духовные ценности»; к таким идеологическим течениям также относятся «масонство, мировой сионизм и бабувизм»².

• **Отвергающие шариат в качестве единственно возможного источника права.** «Неверие, – утверждает аль-Фаузан, – правление и суждение не на основе ниспосланного Аллахом»³. «Неверием» объявляется и любая человеческая законотворческая и нормотворческая деятельность: предоставление права законотворчества кому-либо, кроме Аллаха, по мнению радикалов, противоречит исламу⁴.

В противоположность обвиняемым ими в «неверии» и «многобожии» ваххабиты называют себя «спасенной группой», т.е. такой, которая «избежит на Страшном Суде адского пламени» и попадет в рай. Более того, приверженцы этого течения утверждают, что «спасенная группа» представляет собой меньшинство в умме – сообществе правоверных. Безусловно, в этом случае реально выделяется миноритарный характер ваххабитов (то, что они составляют меньшинство) и сектантский характер их движения.

Исходя из вышеуказанных мировоззренческих посылок, идеологами радикального ваххабизма (шире – радикального салафизма) основательно разработана человеконенавистническая, лженаучная концепция «Симпатии и антипатии» (Аль-валяя ва-ль-бараа). Ее суть излагается, в частности, в книге салафитского автора

---

¹ Аляутдинов Ш. Путь к вере и совершенству. – М., 2001. – С. 43–44.

² Фаузан аль-Фаузан. Дружба и непричастность в исламе. – Махачкала, 1997. – С. 44, 64.

³ Там же. – С. 58.

⁴ Ибрагим М.А.-Л. Установление законов Аллаха. – Махачкала, 1997.

Салеха бин Фаузана аль-Фаузана «Дружба и непричастность в исламе». В ней всё человечество разделено на три группы:

1) тех, кого следует только любить, не испытывая к ним никакой враждебности;

2) тех, кого следует только ненавидеть и только враждовать с ними, не испытывая к ним ни любви, ни дружеских чувств;

3) тех, кто, с одной стороны, заслуживает любви, а с другой – ненависти.

Разумеется, в первую категорию попадают только члены «спасенной группы», ваххабиты, к которым единоверцы обязаны проявлять только терпимость и благожелательность. При этом решающим свидетельством единобожия того или иного человека, согласно концепции «Симпатии и антипатии», является только абсолютное подчинение исламистско-ваххабитской группировке и активная вражда (вплоть до убийства) по отношению ко всем, кто к ней не принадлежит. Другими словами, решающий довод в отношении «единобожия» того или иного мусульманина, при котором он не провозглашается «неверным», состоит в лояльности (симпатии, любви, признании) по отношению к исламистам-ваххабитам и враждебности, ненависти ко всем неваххабитам. Это требование зафиксировано в трудах самого аль-Ваххаба: «Это может быть достигнуто лишь любовью к исповедующим таухид Аллаха (т.е. к единовожникам, или ваххабитам. – *И. Д.*), преданностью им и оказанием им всяческой помощи, а также ненавистью и враждой по отношению к неверным и мушрикам (многобожникам, политеистам. – *И. Д.*)»¹.

Истинный единовожник, член ваххабитского джамаата, обязан ненавидеть всех тех, кого его единоверцы считают «неверными» («многобожники», «лицемеры» и «отступники»). Причем такого рода ненависть должна неизбежно проявляться в практической деятельности адепта веры, вплоть до лишения жизни своих идеологических противников.

Ко второй группе причисляются все немусульмане, а к третьей – все мусульмане, не разделяющие салафитский призыв. К этим последним и применяется такфир, именно они являются его главным объектом, поскольку немусульмане и так кафиры – неверные. Другими словами, радикально настроенные исламисты-ваххабиты провозглашают кафирами – неверными – всех мусульман, которые не следуют той специфической интер-

---

¹ *М. ибн Абд аль-Ваххаб. Книга единобожия. – С. 70.*

претации ислама, которую салафиты провозглашают единственно правильной. В результате чего именно с ними, в первую очередь, следует бороться, осуществляя «джихад на пути Аллаха». Их главное преступление – дружба с другими категориями «неверных». Проявлениями этой дружбы, как подчеркивает аль-Фаузан¹, являются:

- уподобление им в одежде, словах и прочем;
- проживание в странах неверных и отказ от переезда в какую-нибудь из стран ислама ради сохранения своей религии;
- совершение поездок в страны неверных для развлечений и наслаждений;
- оказание им помощи и содействия против мусульман, а также их восхваление и защита;
- обращение к ним за помощью, оказание им доверия, назначение их на те посты, пребывание на которых позволит им узнать тайны мусульман, и избрание их в качестве приспешников и советников;
- использование их летоисчисления, особенно если речь идет об их обрядах и праздниках наподобие Рождества;
- участие в проведении их праздников, оказание им помощи в их организации и поздравление их в связи с этим;
- их восхваление за достижения их культуры и цивилизации и выражение восхищения их нравами и мастерством, без учета порочности их воззрений и ложности их религии;
- использование их имен;
- испрашивание для них прощения и обращение к Аллаху с молитвами о ниспослании им милости.

В отношении каждого, «кто нарушает Закон Аллаха», согласно требованиям религиозных радикалов, «следует питать ненависть, относиться с враждой, вести с ними джихад словом и сердцем по мере сил и возможностей». Убийство «врагов ислама» должно, по убеждению носителей радикальной идеологии, проводиться системно и организовано – в форме джихада против всех категорий «неверных»².

Поэтому, по убеждению радикалов, экстремистов и террористов от ислама с таким (джахилистским) обществом надо вести неустанную борьбу, для чего ими используется особо интер-

---

¹ Фаузан аль-Фаузан. Дружба и непричастность в исламе.

² Добаев И.П. Современные подходы к определению «нового терроризма» // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – № 4. – С. 37.

претируемое ими понятие джихада, планетарной миссии Пророка Мухаммеда и его последователей.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

**2019.01.010. Чикризова О.С. «ЭКУМЕНИЗМ»
В ИСЛАМЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ
ПРЕОДОЛЕНИЯ СУННИТО-ШИИТСКОГО
АНТАГОНИЗМА // Экономические, социально-
политические, этноконфессиональные проблемы
афро-азиатских стран. Памяти Л.И. Рейснера:
Ежегодник 2018 / Институт востоковедения РАН.
М.: ИВ РАН, 2018. 228 с.**

*Ключевые слова: суннито-шиитский антагонизм; «экуменизм»
в исламе; арабский национализм; панисламизм; «Джамаат ат-такриб».*

Чикризова О.С.,
кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры теории
и истории международных отношений
Российского университета дружбы народов, г. Москва

Автор статьи рассматривает проблему преодоления суннито-шиитского антагонизма в истории ислама, анализирует попытки сближения данных исламских течений. Актуальность темы обусловлена остротой проблемы суннито-шиитского противостояния на современном этапе.

В начале статьи автор указывает на тот факт, что в настоящее время вновь становится актуальной проблема противостояния двух крупнейших течений ислама – суннитов и шиитов. Вследствие вторжения американских войск в Ирак в 2003 г. и свержения С. Хусейна, после событий «арабской весны» обостряется противостояние двух течений в исламе. Назревают суннито-шиитские конфликты в Бахрейне, Саудовской Аравии и Ливане. Идет борьба за региональное лидерство на Ближнем Востоке между Саудовской Аравией и Ираном, в которой оба государства нередко играют на суннито-шиитских противоречиях.

В этой связи автор отмечает актуальность изучения проблемы экуменизма в исламе, выявления исторических попыток сближения суннитов с шиитами и их анализа с целью поиска мирных

путей урегулирования суннито-шиитских противоречий. Далее автор дает определение понятия «экуменизм», чтобы понять, насколько оно подходит для описания процессов по преодолению суннитско-шиитских разногласий. Понятием «экуменизм» изначально было принято называть христианское движение, основанное на идее достижения религиозного единства всех течений христианства. Однако впоследствии толкование понятия «экуменизм» расширилось до такого понятия, как «межрелигиозный диалог». Если вспомнить, что понятие «фундаментализм», часто сейчас дополняемое определением «исламский», также вышло из христианской среды, можно допустить и существование «экуменизма» в исламе. Но «экуменизм» в исламе будет представлять собой отнюдь не философские размышления на тему преодоления догматико-богословских отличий между суннитами и шиитами. Автор далее предлагает использовать другой термин, более подходящий для того, чтобы описать процесс нивелирования суннито-шиитских противоречий, проходивший в несколько этапов.

Обращаясь к истории вопроса, автор отмечает, что начавшись как спор из-за несовпадения взглядов на принцип избрания наследника Пророка Мухаммада, т.е. из-за проблемы преемственности власти, суннито-шиитский антагонизм приобрел характер противостояния принципов веры, систем восприятия мира и взглядов на отношения между религией и государством. В действительности же догматические различия между суннизмом и шиизмом незначительны. Автор утверждает, что различия между четырьмя суннитскими мазхабами существеннее, чем отличия любого из них от шиитского фикха, т.е. джафаритского мазхаба.

Что касается мировоззрения, то сунниты воспринимают реальность как успех и славу ислама, а шииты видят мир, в котором господствуют несправедливость и угнетение.

Первую попытку преодоления суннито-шиитского антагонизма в длительной истории внутрисламского противостояния предпринял халиф аль-Мамун (813–833), который, принимая умеренные шиитские концепции, совместимые с суннитскими принципами, пытался объединить в идеологическом плане раздираемую противоречиями общину верующих. Вторая попытка преодоления разногласий между суннитами и шиитами была предпринята аббасидскими халифами аль-Кадиром и аль-Каимом, которые дважды (1011; 1052) организовывали совместные обвинительные манифесты в адрес Фатимидов, подписанные суннитскими и шиитскими

(имамитскими) правоведами. Угроза в лице общего соперника сплачивала представителей двух течений.

Наиболее известной попыткой сближения суннизма и шиизма стала Неджефская конференция 1743 г., организованная Надир-шахом с целью прекращения богословских диспутов относительно статуса сподвижников Пророка. Надир-шах стремился преодолеть религиозное и этническое противостояние в своей многонациональной армии, в которой узбеки и афганцы, исповедовавшие суннитский ислам, объявляли иранцев-шиитов «*кяфирами*» (неверными). «Экуменическая» политика Надир-шаха, которая имела не религиозные, а политические цели, канула в Лету после убийства правителя в 1747 г.

Османь также рассмотрели возможность сближения с шиитами на основе идеологии панисламизма. Данный шаг был обусловлен двумя факторами: внешними угрозами, которые ослабляли империю, и пропагандой шиизма в Ираке, которая вела к массовому обращению иракских арабов в шиизм. Младотурки также следовали этой политике, сумев мобилизовать шиитов, которые сражались бок о бок с Турецкой армией в «священной войне» против британцев.

В XX в. националистическая идеология в двух формах – панарабизме и государственном патриотизме – могла примирить суннитов и шиитов, основываясь на общем языке, этническом происхождении и общем стремлении противостоять западному вторжению в регион. Более того, идеология арабского национализма противостояла конфессиональным пристрастиям, которые угрожали подрывом лояльности арабской нации, и, следовательно, боролась против того, что называется «конфессионализмом». Тем не менее арабский национализм не смог преодолеть суннито-шиитский антагонизм. Арабский национализм по своей сути не был полностью светской идеологией и содержал исламские оттенки, такие как превозношение первых поколений мусульман или арабской династии Омейядов, что негативно отражалось на суннито-шиитских взаимоотношениях. Многие шииты чувствовали, что арабский национализм – это синоним суннизма, нацеленный на сохранение доминирования суннитов и низводящий шиитов до статуса арабов второго сорта. «Конфессионализм» стал главным уничижительным термином в арабской политической мысли, и как сунниты, так и шииты использовали его как оружие, обвиняя друг друга в проведении конфессиональной политики.

Несколько раз общая внешняя угроза независимости и идентичности мусульманской общины помогла достичь временной солидарности суннитов и шиитов. Например, это продемонстрировали выступления против завоевания Ливии Италией в 1911 г., объявление шиитами джихада против стран-союзниц в начале Первой мировой войны, совместные действия на ранних этапах антибританского восстания 1920 г. в Багдаде, а также поддержка шиитами палестинцев в их борьбе против сионизма на Мусульманском конгрессе в Иерусалиме в 1931 г. Однако эти эпизоды не привели к долгосрочному примирению между суннитами и шиитами.

В конце 1950-х годов Иран и Египет предприняли очередную попытку преодоления данного антагонизма. В 1947 г. в Каире иранским клериком Мохаммедом Таки Кумми при поддержке улемов Аль-Азхара и египетских политиков была основана ассоциация по сближению исламских сект («Джамаат ат-такриб»). Деятельность этого движения достигла своего апогея в 1959 г., когда Махмуд Шальтут, ректор Аль-Азхара, издал фетву, в которой джафаритский мазхаб признавался пятой правовой школой, равной по значению четырем суннитским мазхабам. Затем «Джамаат ат-такриб» пала жертвой разрыва отношений между Египтом и Ираном после того, как в 1960 г. Тегеран признал Государство Израиль.

«Экуменизм» использовался государствами как инструмент преодоления политических кризисов посредством религии, поэтому все попытки провалились, а стороны не достигли подлинного религиозного примирения.

Общеисламский характер носила и идеология аятоллы Р.М. Хомейни, лидера иранской революции 1978–1979 гг., целью которой было «создание единого мусульманского общества – уммы». Однако после «исламской революции» в Иране «экуменическое движение» не возродилось по ряду причин: в регионе широко распространился страх лидерства Ирана, которого не желали Саудовская Аравия, Египет, Турция; возродилась антишиитская полемическая литература, подчеркивающая, якобы, разрушительную роль персов и шиитов в «арабской» истории ислама. Аль-Азхар также отвернулся от шиизма, примкнув к Всемирной мусульманской лиге, но продолжив при этом культивировать идею возобновления работы «Джамаат ат-такриб», о чем впервые было объявлено в 1992 г.

Из вышесказанного следует, что вдохновленное шиитами «исламское возрождение» обернулось против самих шиитов.

Иранский режим и распространяемая им идеология стали главными вызовами для суннитских государств, выступили фактором консолидации суннитской части исламского мира на антииранских основах. Свидетельством этому служит создание в 1981 г. Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) по инициативе и при доминировании Саудовской Аравии. Градус напряженности в отношениях арабских суннитских государств и Тегерана не снижается. В этой связи с целью достижения «исламской гармонии» (энседжам-э эслами) Иран приступил к реализации политики «мягкой силы». Такая политика призвана продемонстрировать мировому сообществу, что для иранского руководства суннизм и шиизм – это «братья-близнецы».

В заключение автор делает вывод, что все попытки преодоления суннито-шиитского антагонизма были вызваны не желанием сторон устранить разобщенность в «мире ислама», а лишь политической целесообразностью. В этой связи термином, который мог бы удачно описать попытки преодоления суннито-шиитских противоречий, будет не «экуменизм», а «сближение». Не обсуждая действительно насущные вопросы доктринального характера, стороны ограничивались урегулированием разногласий по вопросам фикха, т.е. пытались сблизить подходы различных мазхабов к принципам и методам толкования Корана, выделения дозволенных и запрещенных поступков и т.д.

В настоящее время происходит процесс, противоположный сближению. Суннито-шиитские противоречия искусственно разжигаются различными силами с целью усугубить разногласия в исламском сообществе и обострить конкуренцию за региональное лидерство, подводя религиозное основание под традиционную борьбу государств за реализацию своих национальных интересов. Однако и в такой ситуации есть возможность для нового сближения на почве противостояния общему врагу в лице религиозного экстремизма и терроризма. Ирак, возглавляемый шиитом Х. аль-Абади, демонстрирует первые шаги на пути национального сближения суннитской и шиитской общин, которые стараются преодолеть свои разногласия ради уничтожения такой угрозы, как группировка «Исламское государство». Но предсказать, насколько успешной окажется очередная попытка суннито-шиитского сближения, невозможно, поскольку слишком много факторов оказывают влияние на ближневосточную политику и взаимоотношения исламских стран друг с другом.

Автор реферата Е.Л. Дмитриева

Гулямова Г.С.,

ст. преподаватель

Ташкентского государственного технического
университета

РОЛЬ ИСЛАМА В XV–XVI вв.

В МАВЕРАННАХРЕ И ХОРАСАНЕ

Аннотация. В статье отражена религия Мавераннахра и Хорасана XV–XVI вв., раскрытая в произведении Бабур-наме. Главной целью статьи является выявление нравственных особенностей религиозной среды эпохи Бабур и ее влияние на становление и дальнейшее развитие духовного мира молодежи. Углубленный анализ и обобщение достижений культуры восточной цивилизации предшествующих поколений открывают нам возможность лучше познать образ жизни, обычаи и традиции узбекского народа.

Ключевые слова: суфизм; накибандизм; сунниты; перипатетики; секуляризация; ханифизм; онтологический; гносеологический; шиизм; секты.

Религия была и остается сегодня важным фактором в развитии любой цивилизации. Ее место в жизни того или иного социума определяется различными обстоятельствами: уровнем развития общества, общественного сознания, культуры, традициями, влиянием смежных социально-политических образований. Значительное место отводится роли религии в духовной жизни общества в период позднего Средневековья, ибо ислам был господствующей формой сознания. Религия стремилась к безграничному доминированию, претендуя на ведущую роль в обществе.

В средневековый период религия проникала в политику, нравственность, право, культуру и искусство. Религия и другие формы общественного сознания находились в тесной взаимосвязи. Взаимопроникновение, объединение религий с политическими и правовыми нормами, религии со светской культурой свидетельствовали об огромной значимости религии. Религия регламентировала все стороны жизни общества в XV–XVI вв. Действенность религиозных идей связана с тем, что эти идеи глубоко проникли в сознание мусульман и подчинили себе разные формы духовной культуры Мавераннахра и Хорасана. Но религия ислама не была однородной, ибо еще на раннем этапе своего существования ислам распался на несколько направлений, а также на различные течения

и секты. Одни религиозные деятели – шииты – отдавали предпочтение халифу Али и его сыновьям Хасану и Хусейну, их потомкам. Другие – сунниты – были приверженцами халифов Омейядов. Существенные разногласия между шиитами и суннитами сводились, в конечном счете, к установлению власти. В зависимости от того, какой религиозной ориентации придерживался монарх и его окружение во главе с халифом, во многом зависело, какое из направлений в исламе становилось господствующим, определяя религиозную и общественно-политическую идеологию в стране. Так, в «Грамоте Захир ад-дин Мухаммад Бабура», составленной Шейх Зайном, приводится изречение: «Люди исповедуют веру их властителей»¹.

Следует отметить, что в Мавераннахре и Хорасане официальной идеологией, которой придерживались правители династии Тимуридов, был ислам суннитского толка. Но в XV–XVI вв. наиболее мощным течением в исламе был суфизм, а именно накшбандийя, к которому, как мы отмечали, принадлежали выдающиеся поэты и мыслители Джами, Навои и др. Особая роль в общественно-политической жизни страны принадлежала главе ордена накшбандийя Убайдулле Ходжа Ахрору. Несмотря на то что между Тимуридами и Шейбани-ханом в этот период шла ожесточенная борьба, которая закончилась установлением власти Шейбанидов, но и представители этой династии также придерживались суннитской религиозной ориентации.

Характерной особенностью эпохи XV–XVI вв. является борьба двух тенденций, которая началась еще XII в. между философами – перипатетиками и религиозными деятелями суфийского толка, которая завершилась победой последних. К началу XV в. суфийские идеи становятся определяющими в духовной жизни общества. Философские идеи Аль-Фараби и Ибн Сины не получили признания у многих представителей искусства и литературы. Более того, их философские взгляды были подвергнуты резкой критике со стороны Джами и Навои. На смену философским идеям перипатетиков пришло религиозное учение суфиев. Религия становится идеологией, пронизывающей буквально все духовные сферы человеческой деятельности. Роль суфизма в XV в. особенно велика. Широкое распространение мистико-религиозных суфийских идей имело и положительные стороны. Не вдаваясь подробно

---

¹ *Бабур-наме*. Записки Бабура. – Ташкент: Главная редакция энциклопедий. 1993. – С. 309.

в сущность учения суфиев, ибо существует огромная литература, посвященная суфизму, попытаемся объяснить причину столь невероятно огромной популярности этого течения в исламе в период Средневековья.

Как справедливо отмечают многие исследователи, суфизм по-своему был прогрессивным течением, сформировавшимся в качестве оппозиционной официальному учению ислама. Представители ордена накшбандийя выступали в защиту простого люда, которые влачат жалкое существование, в то время как власть держащие купаются в роскоши, богатстве. Они выступали против праздного образа жизни правящей верхушки. Суфии считали, что истинно верующий должен путем воспитания, приобщения к духовным ценностям исцелиться, отказаться от дурных, порочных поступков. Их идеалом становится человек, стремящийся к самосовершенствованию. Путь познания истины лежит через любовь к Богу, через познание и сближение со Всевышним.

Среднеазиатские философы XII–XIV вв. ставили проблемы мировоззренческого характера, прибегая к рационалистическим, логическим умозаключениям. Их взоры были обращены к вопросам онтологического и гносеологического характера, то суфии на первый план выдвигали человеческую личность с ее нравственными поисками. Интерес к человеческой индивидуальности, к ее внутреннему миру становится характерной чертой литературы и искусства XV–XVI вв. И в этом, безусловно, была заслуга суфиев.

Деятели братства накшбандийя выступали с критикой дerviшей – суфиев, которые вели аскетический, уединенный образ жизни. Многие дerviши ведут паразитический образ жизни, живут лишь подаяниями, милостынями, считали видные деятели суфизма, они призывали их вести активный образ жизни, трудиться на благо общества, страны: «Даст ба кору дил ба ёр» – «Руки в работе, а сердце с другом». Призыв трудиться, быть с людьми, а внутренне – быть с другом, т.е. с Богом, был актуальным.

Суфии считали не обязательным для мусульманина исполнение пятикратной молитвы, важно, чтобы человек в душе сохранял верность Богу. Они выступали и против того, чтобы каждый мусульманин должен был совершить хадж в Мекку. Такое путешествие может себе позволить лишь обеспеченный человек, но оно необязательно для бедного человека, утверждали деятели суфизма. И последнее: представители суфийского ордена накшбандийя активно выступали против насилия, войн, против захватнических походов правителей. Они утверждали, что только установлением

мира и спокойствия может быть достигнуто процветание, благосостояние в стране. Только благодаря спокойствию и стабильности в обществе произошел необычайный подъем и расцвет искусства и литературы; насыщенная духовная жизнь общества стала особой приметой во времена правления султана Хусейна Байкары.

Проблема нравственности и морали занимала важное место в творчестве поэтов и писателей. Эта устойчивая традиция берет свое начало, как известно, в сурах Корана и в шариате. Почти у всех среднеазиатских авторов можно обнаружить произведение назидательного, нравоучительного содержания. Но необычайную популярность нравственно-дидактические сочинения приобретают в XV–XVI вв. Этому способствовали, с одной стороны, усиление роли суфизма в обществе, учение видных представителей накшбандийя, таких как Ходжа Ахрор, Абдурахман Джами, Ходжа Бахоуддин, Мухаммад Порсо, Садуddин Тафтазани. Они не только способствовали появлению мистико-дидактических произведений, но и стремились популяризировать произведения суфийского содержания поэтов-классиков: Саади, Санои, Аттора, Руми, ал-Газали, Амир Хосрова Дехлеви.

Огромный наплыв религиозной литературы связан и с обострившейся идеологической борьбой между различными течениями в исламе. Одни религиозные авторы сочинений писали комментарии к Корану, а другие ставили перед собой цель разъяснить цели и задачи учения суфизма. Но все эти произведения носили отчетливо выраженный дидактический характер. Таковы, например, суфийские по содержанию произведения Камолиддина Хорезми, в которых основное внимание уделено постулатам практической мусульманской морали. Одним из ярких представителей, который посвятил свое творчество нравственно-дидактической проблематике, является Хусаин Воиз Кошифи, автор «Мухсиновой этики».

Шиизм стал государственной религией в XVI в. среди кочевых племен во главе с шейхом Исмаилом I, который стал основателем государства Сефевидов. Эта принадлежность к различным направлениям в исламе представителей монархических династий – Тимуридов, Шейбанидов и Сефевидов – определила характер военных действий, которые носили открыто религиозный характер.

Современник Бабура Воиз Кошифи утверждал, что Бабур исповедовал шиизм. Такая точка зрения была широко распространена в то время в связи с тем, что Бабур, стремясь сохранить власть Тимуридов в Мавераннахре и не встретив поддержки со

стороны Тимуридского клана в борьбе против Шейбани-хана, обратился за помощью к Исмаилу I. Бабур таким образом привлек кызылбашей на свою сторону и на первых порах симпатии жителей Самарканда, Ферганы, Андижана были на стороне Бабура, они всячески оказывали ему поддержку. Но после того как кызылбаша учинили расправу над мирным населением, совершая убийства и грабежи, Бабур был вынужден покинуть родину. Во многом отрицательное отношение к моголам, которые исповедовали шиитские взгляды, сыграло не последнюю роль в судьбе Бабура. Его обвинили в принадлежности к этому религиозному направлению в исламе.

Попытки ученых, которые обращались к изучению жизни и творческой деятельности, определить религиозные симпатии Бабура не привели к каким-либо определенным выводам. Из мемуаров сложно определить, какой религиозной ориентации он придерживался. Несомненно лишь одно, что он был глубоко верующим, религиозным человеком, поэтому для него был особенно важен вопрос о вероисповедании того или иного государственного деятеля. Не вызывает никаких сомнений тот факт, что все симпатии Бабура были на стороне тех людей, которые придерживались суннизма, а также к секте ханифитского толка и к суфизму. Все эти направления и течения в исламе, по мнению Бабура, являются истинными, а люди, принадлежащие к этим направлениям, являются людьми «чистой веры», истинными мусульманами.

Хотя Бабур не высказывает в своих «Записках» прямо и открыто, принадлежал ли он к суфийскому ордену и был ли у него наставник – муршид, но то, с каким почтением и любовью он отзывался о Ходжа Ахроре, дает понять, что он в своей деятельности испытывал на себе сильное влияние суфизма. Есть основание предполагать, что в религиозной практике Бабур, скорее всего, принадлежал к суфийскому ордену накшбандийя. На эти выводы наводит нас, прежде всего, та характеристика, которую дал ему Алишер Навои. Он писал о нем, как о человеке «отрешенном от мира», а «в глазах его доброты золото и серебро ценились не выше камня и глины». Кроме того, особое пристрастие было у Бабура к поэтическим произведениям суфийского толка: Саади, Хафиза, Хамадани, Шабистари и др. И последнее: стремление Бабура к самопознанию, самоуглубленность и самосовершенствование – всё это дает нам основание предполагать, что Бабур по своим религиозным убеждениям, воззрениям принадлежал к суфиям.

С другой стороны, Бабур положительно отзывается и о тех деятелях, которые принадлежали к суннитскому направлению. Так, например, о жителях Самарканда он пишет, что все они были «суннитами, людьми чистой веры». И далее замечает: со времени святейшего посланника [Мухаммеда] ни из какой страны не вышло столько имамов ислама, сколько их вышло из Мавераннахра.

Итак, такие религиозные течения в исламе, как суннизм, суфизм и ханифизм, представляют, по мнению Бабура, истинную чистую веру.

Религия в современном обществе занимает всё более важное место. Религиозный фактор оказывает влияние на развитие многих общественных процессов в области межнациональных и межконфессиональных отношений, способствует формированию нравственных ценностей в сознании общества. Сегодня религия является одной из хранительниц традиционных духовных ценностей и оказывает значительное влияние на формирование и развитие государственности и культуры. В современном демократическом государстве религиозные вероучения выполняют роль регулятора нравственных ценностей в обществе, носителя моральных традиций и устоев. В современном мире роль религии довольно значительна, хотя надо иметь в виду, что многое зависит от умения той или иной религии адаптироваться к современным реалиям в скоротечном современном мире.

Несмотря на процессы секуляризации, роль религии в современном обществе продолжает оставаться серьезной. Наука, решив многие проблемы познания мира и овладения человеком силами природы, вынудив религию встать на рискованный для нее путь модернизации, отодвинула границу познания к еще более сложным, чем ранее, проблемам, более сложным по философской глубине. В новых областях познания утратили значение многие привычные понятия, и это произошло, прежде всего, потому, что сегодня наука вышла далеко за пределы чувственно доступного человеку наглядного мира. Возникающие «ножницы» между обыденным и научным видением мира, ощущение соприкосновения с глубинами непознанного и остающегося для человеческого разума «тайной» – всё это дает новый шанс для религиозного мировосприятия, не говоря уже о том, что сама гигантски возросшая мощь человеческого деяния ставит нас теперь перед проблемой последствий научно-технического прогресса и, стало быть, его нравственной состоятельности.

Литература

1. *Бабур-наме*. Записки Бабура. Ташкент: Главная редакция энциклопедий, 1993. С. 309.
2. *Алишер Навои*. Сочинения в 10 т. Т. IX. Ташкент, 1970. С. 143.
3. *Джами А.* Весенний сад (Бахаристан). Душанбе: «Ирфон», 1966. С. 60.
4. *Бертельс Е.Э.* Избранные труды. История литературы и культуры Ирана. М., 1988. С. 288.
5. *Васифи Зайнад-Дин*. Удивительные события. Душанбе: «Ирфон», 1984.
6. Роль религии в современном обществе. ВУЗ: СамГМУ. 2015.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

Мирзаев Н.М.,

докторант

(Международная исламская
академия Узбекистана)

**АРХИВНЫЕ ФОНДЫ КАЗИЙСКИХ СУДОВ –
ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ
СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ г. ТАШКЕНТА
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.**

Аннотация. В статье через призму источниковедческого анализа архивных документов казийских судов г. Ташкента раскрывается важность изучения местных архивов, а именно казийских делопроизводственных материалов, отражающих интересные аспекты социальной жизни населения, которые остались вне поля зрения исследователей и не были введены в научный оборот.

Ключевые слова: архивный фонд; Центральный государственный архив Республики Узбекистан; казийское делопроизводство; Ташкент; социальная история; шариат.

Изучение локальных архивов, публикация текстов, факсимиле, переводов и комментариев, различных образцов среднеазиатской арабографических документов продолжает входить в число приоритетных направлений современной исторической науки. Еще в начале 30-х годов XX в. исследователи М. Изаксон¹

---

¹ *Изаксон М.* Национальные фонды Центрального архива УзССР в Ташкенте // Библиография Востока. – Ленинград, 1932. – № 1. – С. 55–72.

и И. Первышев¹ опубликовали статьи о важности изучения восточных документов по истории Средней Азии, которые хранились в различных архивах и оставались малоизученными.

Важность данного вопроса подчеркивается и современными западными исследователями², занимающимися изучением социальной истории Средней Азии рассматриваемого периода. В частности, в своей публикации Адиб Халид³ подчеркивает значение использования документов местных архивов в сочетании с материалами периодической печати, манускриптами и книгами, опубликованными на местных языках. Как правильно отмечает автор, именно эти материалы, не пересекавшиеся с интересами государства, помогут исследователям услышать реальные голоса и оценить реакцию мусульманского населения на различные трансформационные процессы.

Краткий историографический экскурс обосновывает актуальность задачи углубленного изучения социальной истории, где основным источником выступают казийские архивные фонды Центрального государственного архива Республики Узбекистан (далее – ЦГА РУз)⁴. Уникальной коллекцией арабографических документов архива, затрагивающих важный аспект вопросов, касающихся особенностей социальной истории Туркестанского края, являются фонды казиев г. Ташкента. Основной причиной малоизученности фондов является текстологическая специфика и трудночитаемость казийских автографов. Это требует от исследователей

---

¹ *Первышев И.* О документальной базе для историографии феодальной формации в Средней Азии // Революция и культура в Средней Азии. Сборник первый. – Ташкент, 1934. – С. 106–111.

² *Sartori P.* An Overview of Tsarist Policy on Islamic Courts in Turkestan: Its Genealogy and its Effects. – P. 477–507; *Ego же.* Judicial elections as a colonial reform the qadis and biys in Tashkent, 1868–1883 // *Cahiers du Monde russe*, 49/1, Janvier^mars 2008. – P. 81–83; *Ego же.* Colonial legislation meets sharī‘a: Muslims’ land rights in Russian Turkestan // *Central Asian Survey*. – Vol. 29, N 1. – March 2010. – P. 43–60.

³ *Khalid A.* Searching for Muslim Voices in post-soviet archives // *Ab Imperio*, 2008. – N 4. – P. 302–312.

⁴ ЦГА РУз является одним из крупных архивов в Центральной Азии, где сосредоточены документы на восточных (арабском, персидском и чагатайском) языках. С точки зрения периодизации архивные фонды подразделены на: 1) исторический период (до 1917 г.); 2) советский период; 3) период независимости республики. Сегодня в архиве хранится более 900 архивных фондов исторического периода. С 2012 г. все фонды исторического периода признаны особо ценными.

не только владения археографическими навыками чтения и интерпретации арабографических текстов, но также и знания принципов кодификации и составления исламских юридических текстов.

Исходя из специфики ведения делопроизводства, архивные документы казиев можно разделить на два вида: судебные (уголовные и гражданские) дела; нотариальные акты. Делопроизводственный язык ташкентских казийских документов – старый узбекский (чагатайский) язык. Количественный метод и контент-анализ фондов позволяет сделать следующий вывод, что основная часть документов архивных фондов состоит из различных регистрационных книг казиев. Например, в фонде съезда казиев г. Ташкента находится всего 58 единиц хранения за 1869–1916 гг., из которых 41 ед. является «Книгой регистрации решений», а оставшаяся часть «Книгой регистрации актов»¹.

В фонде казия Бешагачской части сосредоточено 97 единиц хранения за 1869–1922 гг., из них две «Книги приказов и объявлений казия», 48 книг решений и оставшаяся часть – книги регистрации актов².

В фонде казия Кукчинской части хранится 91 единица хранения за 1869–1918 гг., одна «Книга приказов и объявлений казия», 45 книг решений и 45 книг регистрации актов³.

В фонде Себзарского казия хранится 94 книги за 1878–1924 гг., из них одна «Книга регистрации событий 1881 года», 44 книги решений и 48 книг регистрации актов. Последнее 94-е дело содержит завещание «Сайид Газихана»⁴.

В архивном фонде казия Шейхантахурской части города хранится 110 единиц хранения за 1878–1923 гг., из них одна «Книга приказов и объявлений казия», 51 книга решений и остальные 58 книг регистрации актов⁵.

Известно, что в 1867 г. после принятия Положения об управлении Туркестанского края был внедрен порядок выбора и функционирования казиев и биев. Согласно Положению, суды, обслуживавшие население, были подразделены на: 1) единоличные казийские и бийские суды; 2) съезд народных (казийских и бийских) судей; 3) чрезвычайный съезд народных судей, рассматривавший

---

¹ ЦГА РУз. Ф. И-362, опись 1.

² Там же. Ф. И-363, опись 1.

³ Там же. Ф. И-364, опись 1.

⁴ Там же. Ф. И-365, опись 1.

⁵ Там же. Ф. И-366, опись 1.

разногласия между населением различных волостей и уездов. Последние являлись апелляционной инстанцией решений единоличных судей¹.

Несмотря на то что, согласно Положению об управлении Туркестанским краем, казийские и бийские суды официально были переименованы в «народные суды», изучение печатей, проставленных на документах, хранящихся в казийских архивных фондах ЦГА РУз, показывает, что казии в оформленных ими документах продолжали указывать свою старую должность – казий. Это еще раз подтверждает факт о том, что казийские суды продолжали функционировать в прежнем статусе.

Позже и в Положении об управлении Туркестанским краем (1886) теоретически были сохранены структура и система делопроизводства казийских судей. В частности, в ст. 227 Положения отмечалась необходимость ведения судами специальных книг для регистрации решений и актов. Форму настоящих книг разрабатывало и утверждало областное правление за счет народных судей².

Также народным (казийским) судам предоставлялось право по востребованию тяжущихся сторон выдавать заверенную копию решения и утверждать различные договоры и акты, составленные между местным населением. Стороны в качестве подтверждения факта о получении копии с решения должны были расписываться на оставшейся части в книге.

Акты, выданные населению при участии двух свидетелей (вместо безграмотных участвовали их доверенные лица), в обязательном порядке заверялись сторонами. Данные расписки должны были быть под специальным регистрационным номером зафиксированы в переплетенной регистрационной книге и заверены подписью и печатью казиза, оформившего процесс.

Данные книги, как указывалось выше, оформлялись по установленным имперской властью формам. Это были переплетенные книги, изготовленные по заказу в типографии. Для облегчения ведения записи в книгах были выделены отдельные графы, с заголовками на русском и местном языках.

---

¹ Единоличные казии имели право рассматривать дела до 100 руб., а съезд казиев до 1000 руб. / См.: О судебной реформе в Туркестанском крае и степных областях. Из журнала Министерства юстиции (февраль 1899 г.). – СПб., 1899. – С. 7.

² Положение об управлении Туркестанского края. Т. 2. Ч. 2. – СПб., 1886. – С. 29.

В «Книге регистрации решений» были сосредоточены документы, связанные с судебным процессом, выделенные в установленном порядке на решения по рассмотренным делам и искам. В целом, согласно формуляру, изложение подобных решений было похоже одно на другое, однако содержание рассмотренных вопросов отражает порядок решения по законам шариата различных социальных проблем коренного населения.

Структура «Книги решений» казиев имела следующую форму: порядковый номер, дата (день, месяц, год), содержание жалобы истца и оправдания ответчика, решение казая, подписи сторон и казая, а также заверительная надпись о получении копии с решения¹.

В книгу регистрации актов вносилась вся нотариальная деятельность, осуществленная казием, т.е. заверение договоров о купле-продаже, расписки о выдаче и получении долга, передача имущества под залог и т.д.²

Кроме того, в некоторых случаях по особо важным вопросам заводились отдельные книги. Например, в книге регистрации несовершеннолетних сирот, оформленной казием Кукчинской части г. Ташкента мулло Одилом Исхокбой оглы в 1899–1900 гг., было зафиксировано 202 рассмотренных дела, из них в 1899 г. – 104 дела, а в 1900 г. – 98 дел.

Книга регистрации несовершеннолетних сирот была заведена казием мулло Одилом в качестве отчетности перед имперской властью по вопросам регулирования собственности сирот³. Записи в книге имеют своеобразный порядок и специфику оформления. В отличие от других книг и документов казиев, она содержит упорядоченную информацию об опекунстве и управлении собственностью сирот. Записи написаны на старом узбекском (чагатайском) языке. Если обратить внимание на порядок внесения записей, то можно увидеть, что вместе с основной информацией в некоторых случаях на полях книги приводились некоторые уточнения.

В изложении каждого из рассмотренных вопросов казий строго соблюдал установленный формуляр. В частности, первоначально фиксировался адрес сирот, название махалли, имя, возраст, пол, имя отца и опекуна. Указывалось точное название, количество наследства сирот (деньги, недвижимость, утварь и т.д.) и поря-

---

¹ ЦГА РУз. Ф. И-363, опись 1, дело 13.

² Там же. Дело 139.

³ Там же. Ф. И-364, опись 1, дело 50, лист 54.

док его распределения между наследниками с точным указанием до копейки. Особенно при описании недвижимости (дом, земля, сад и т.д.) приводились подробные географические и метрологические данные.

Вместе с этой информацией по делам сирот всегда находилась под контролем казая. Периодически для уточнения обстоятельств казий приглашал к себе опекуна и брал у него отчет о проделанной работе. После чего казий вносил соответствующие записи в книгу, писал свое заключение о рассматриваемом вопросе и под расписку давал новые поручения опекуну. При оформлении факта указывалось имя, фамилия свидетелей, участвовавших в процессе обсуждения. В конце каждого документа казий мулло Одил ставил свою печать.

При исследовании настоящего источника можно проследить факт внедрения новых терминов и отношений в социальную жизнь населения. В значительной части документов можно встретить новый для того времени термин «банки подшохий» (имперский банк), где указывается о вложениях капитала сирот в банк, и казий в своих решениях призывает население пользоваться данными услугами.

Также казиями отдельное внимание уделялось вопросам семьи и воспитания детей. К примеру, в казийской книге приводится следующий случай. В махалле Обиназир под опекуном дяди мулло Пуладжан Муллоджанбая находятся Юлдашджан (18 лет), Усманджан (15 лет) и Жамиля биби (16 лет), дети Комилджанбая Мутаваффо. Опекун управляет денежными средствами сирот в размере 13 тыс. 844 сума. В махалле есть двор, а также в Октепе Кукчинской части города есть кусок земли, принадлежавший сиротам. С них нет прибыли.

В связи с тем, что Юлдашджан достиг совершеннолетия, он желает забрать свою долю от опекуна и изъявил желание заняться торговлей. После рассмотрения вопроса казий приходит к заключению о том, что внешность и вменяемость Юлдашджана позволяют дать ему разрешение самостоятельно заниматься предпринимательством. Из этих денег доля Юлдашджана составила 5 тыс. 536 сумов. Опекун на данную часть дал от своего имени под номером 332 васика¹, а оставшаяся часть – 8 тыс. 719 сумов – принадлежит Усманджану и Жамиле-биби. При этом, с учетом молодости и безопытности Юлдашджана, казий обязывает опекуна не

---

¹ Васика – расписка.

оставлять его без надзора и всегда контролировать и помогать ему в продвижении его бизнеса.

В другом случае Робиья-биби из махалли Чигатай находится под опекуном своей матери Хадича-биби, дочери Усто Салим-сока. Наследство сиротки – 107 сумов. При вызове к себе матери сиротки – Хадичи-биби – казий, узнав о положении дел, принимает решение передать денежное наследство сиротки доверенному лицу, а полученную прибыль использовать для воспитания дочери. При этом и мать-опекунша, и доверенное лицо, использовавшее ее имущество, должны были отчитываться перед казием о проделанной работе¹.

В целом сведения, зафиксированные в настоящей книге, позволяют оценить ее не только в качестве свода шариатских указаний по управлению собственностью несовершеннолетних сирот, но и придать им статус ценного источника по освещению социальной истории региона.

Отдельный интерес в этом отношении представляют документы съезда казиев. Изучение Положения об управлении Туркестанским краем и документов съезда казийских судов показывает, что порядок работы съезда, время его проведения, количество участников определялись военным губернатором, а начальник уезда был ответственным за созыв съезда. Казии из числа участвовавших на съезде избирали председателя².

Здесь уместно привести рапорт съезда казиев, отправленный на имя хакима (начальника) города Ташкента. В рапорте указывалось, что на съезде, проходившем в январе 1894 г., председателем был избран казий Себзарской части города Рахимходжа Эшон Алиходжа Эшон оглы³. Рапорт был утвержден печатью казиев Шейхантахурской, Кукчинской и Бешагачской частей города.

Также съезд принимал решения по порядку работы единоличных казиев. В частности, 2 января 1894 г. была утверждена специальная программа о порядке работы казиев, согласно которой с 8.00 до 15.00, пять дней, кроме среды и воскресенья, были объявлены рабочими днями для казиев.

Порядок делопроизводства съезда был определен Инструкцией для народных судей, утвержденной в 1892 г. Туркестанским

---

¹ ЦГА РУз. Ф. И-364, опись 1, дело 50, листы 21–21 (обр.).

² Положение об управлении Туркестанского края. Т. 2. Ч. 2. – СПб., 1886. – Ст. 237, 239.

³ ЦГА РУз. Ф. И-364, опись 1, дело 34, лист 1.

генерал-губернатором А.Б. Вревским. Согласно п. 12 Инструкции, съезд в оформлении своих решений и утверждении актов, подобно единоличным казиям, должен был следовать порядку ведения книг¹.

Тем не менее в оформлении книги решений съезда казиев встречаются некоторые расхождения. Например, в Книге решений съезда указывалось, что пересмотр решения единоличного казия осуществлялся в соответствии с указом хакима (начальника) г. Ташкента. После всестороннего изучения вопроса писалось заключение относительно правильности или ошибочности решений единоличного казия, которое заверялось печатью председателя и участников съезда².

Тем не менее существовал своеобразный порядок обжалования решений единоличного казия. Недовольная решением казия сторона не имела права напрямую подавать апелляцию в съезд казиев. Она должна была через начальника уезда, или участкового пристава, или волостного правителя представить свою жалобу. Поступившая жалоба указывалась в графе «содержание заявлений» книги решения съезда казиев. Если заявление поступало распоряжением начальника г. Ташкента, в решении указывались точная дата и номер входящего документа. Кроме того, в отличие от книги решения единоличных казиев, не приводились подробные описания, связанные с изучением обстоятельств, а только вписывалось заключение съезда относительно рассмотренного дела.

---

¹ ЦГА РУз. Ф. И-364, опись 1, дело 42, листы 1–3.

² Там же. Ф. И-362, опись 1, дело 19.

**Статистический анализ
из решений съезда казиев г. Ташкента***

<i>Рассмотренные вопросы</i>	<i>Книга решений съезда казиев за 1884 г.</i>					
	<i>Всего обра- щений</i>	<i>Женщины</i>		<i>Результат</i>		
		<i>Сами без посредников</i>	<i>Через дове- ренных лиц</i>	<i>Положи- тельный</i>	<i>Отрица- тельный</i>	<i>Отказ от иска</i>
Купля-продажа земли	3	–	–	1	1	1
Наследство	9	1	2	6	1	2
Долг	20	2	-	6	8	6
Назначение на должность мутаваллия	3	–	–	–	2	1
Ссора	1	–	–	–	–	1
Собственность на недвижимость	7	1	2	4	2	1
Имущество или деньги, находящиеся на хранении и подлежащие возврату	1	–	–	1	–	–
Вакуфное имущество	3	–	–	–	3	–
Денежная аренда	2	–	–	2	–	–
Развод	1	1	–	–	1	–
Воровство	1	–	–	1	–	–
Всего	51	5	4	21	18	12

* Таблица составлена на основе переписки за 1884 г. между съездом казиев и начальником (хакимом) города Ташкента.

Как видно из таблицы, съезд казиев рассматривал разные аспекты социальной жизни городского населения. В делопроизводстве съезда казиев содержатся существенные различия относительно единоличных казиев. С источниковедческой точки зрения, эти материалы содержат наиболее полную информацию о рассмотренных фактах. При изучении регистрационных книг съезда можно проследить, что каждое дело рассматривалось согласно решению хакима города Ташкента, при пересмотре договоров о купле-продаже (васика), расписки о выдаче и получении долгов, соглашений о выдаче под залог имущества описывались точные границы и площадь территории. Кроме того, указывалось, при участии каких свидетелей данный договор или соглашение были

составлены, размер пошлины и имя казия, утвердившего документ¹.

В целом, оценивая практическое значение на период составления казийских книг, можно сделать вывод, что, с одной стороны, они позволяли имперской власти установить контроль над деятельностью казиев, а с другой – отражали практические нововведения, связанные с кодикологией документирования процесса судопроизводства и оформления юридических документов.

Таким образом, констатируя наши исследования по казийским архивным фондам г. Ташкента, хранящимся в ЦГА РУз, можно отметить их источниковедческую важность в изучении социальной жизни населения Туркестана в конце XIX – начале XX в. Данные материалы освещают не только процесс судопроизводства традиционных судов, но и раскрывают специфику ведения и оформления казийских документов, порядок и сроки их рассмотрения. Контент-анализ содержания казийских книг позволяет выявить социально-экономическое положение края, повседневный быт и образ жизни населения, условия и порядок реализации договоров о купле-продаже, некоторые экономические и финансовые вопросы, связанные с ценой земли и другой недвижимости, а также получить интересные топонимические сведения о названиях махаллей² и мавзеев³.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

---

¹ ЦГА РУз. Ф. И-362, опись 1, дело 18.

² Слово «махалля» происходит от арабского слова «махаллун» и означает место, где проживает население. Махалля – это небольшая территориальная единица внутри города или села.

³ Мавзе – квартал, окрестность за пределами Ташкента, где обычно городское население занималось земледелием.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2019 – 1 (311)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Компьютерная верстка
Н.М. Власова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 21/III-2019 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 7,5 Уч.-изд. л. 6,5
Тираж 250 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)
Заказ № 18

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru**

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
в ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88, литера У
Тел.: 8-800-700-86-33 / (845-2) 24-86-33